Н. П. Дружининъ.

1887/12

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вмѣсто предисловія. Гдѣ крестьянская общественная жизнь?

Введеніе. Основные вопросы крестьянскаго самоуправленія.—Можетъ ли земскій начальникъ присутствовать на крестьянскомъ сходѣ?

Картины крестьянской общественной жизни. О сходахъ.—Среди крестьянскихъ общественныхъ дѣлъ.—У свободныхъ хлѣбопашцевъ.—Поземельныя права бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Г. Розена (А. Е. Ландау). Театральная площ., 2.
1905.

6

2-й экз

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
19.5[illegible]
31

Вмѣсто предисловія.

(*Гдѣ крестьянская общественная жизнь?*)

I.

Въ русской жизни есть сторона, которая представляетъ, безспорно, огромный интересъ и заслуживаетъ самаго широкаго вниманія, въ особенности въ настоящее время, когда поставленъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ положеній о крестьянахъ и о преобразованіи крестьянскаго самоуправленія. Это — общественная жизнь въ деревнѣ,—дѣятельность крестьянскаго самоуправленія въ ея непосредственномъ видѣ.

Начать съ того, что общественныя учрежденія,—органы крестьянскаго самоуправленія,—весьма многочисленны. Онио хватываютъ страну весьма густою, широкою и частою сѣтью. Когда вятское губернское земство предприняло учрежденіе безплатной народной библіотеки въ каждомъ сельскомъ обществѣ,—такихъ библіотекъ пришлось открыть около трехъ тысячъ. Такъ велико число сельскихъ обществъ! Весьма многочисленны и волостныя общества, въ которыя, въ свою очередь, соединяются сельскія общества.

Но крестьянская общественная жизнь выражается не въ этихъ только единицахъ самоуправленія вполнѣ признанныхъ закономъ. Она имѣетъ мѣсто и въ менѣе крупныхъ, чѣмъ сельскія общества, соединеніяхъ,—не всегда совпадающихъ съ сельскими обществами и даже болѣе многочисленныхъ, чѣмъ послѣднія. Болѣе по обычаю, нежели по закону, общественная жизнь течетъ извѣстнымъ образомъ также въ *общинахъ*,—въ отдѣльныхъ селеніяхъ или частяхъ селеній, имѣющихъ самостоятельное отъ другихъ селеній и деревень сель-

скаго общества землепользованіе и вѣдающихъ соотвѣтствующія хозяйственныя и финансовыя дѣла.

Такимъ образомъ, каждый крестьянинъ является членомъ земельной общины и соотвѣтственнаго общественнаго схода. Каждый крестьянинъ-домохозяинъ состоитъ также, далѣе, членомъ сельскаго схода. Одинъ представитель отъ каждыхъ десяти дворовъ или отъ каждой деревни, имѣющей менѣе десяти дворовъ, участвуетъ, затѣмъ, въ составѣ волостного схода.

Всѣ эти сходы—деревенскіе или селенскіе, сельскіе и волостные—происходятъ постоянно, во всякое время года. Они бываютъ иногда и весьма многочисленны по своему составу. Таковы въ особенности сходы сельскихъ обществъ. Они происходятъ нерѣдко въ составѣ нѣсколькихъ сотенъ и даже нѣсколькихъ тысячъ домохозяевъ. Ни одно зданіе, ни одно помѣщеніе въ деревнѣ не могутъ вмѣстить такого множества людей. Сходы столь многочисленные нерѣдко происходятъ, поэтому, подъ открытымъ небомъ. Это—настоящее вѣче, члены котораго мерзнутъ на морозѣ и по нѣскольку часовъ выстаиваютъ подъ дождемъ, обсуждая и разрѣшая свои дѣла.

Понятно, почему эта сторона русской жизни, какъ она есть, какъ она развертывается въ дѣйствительности, представляетъ большой и широкій интересъ.

II.

Многочисленность, разнообразіе и важность дѣлъ, разрѣшаемыхъ крестьянскими общественными сходами, должны еще болѣе усиливать интересъ къ нимъ и обращать на нихъ еще большее вниманіе.

Число дѣлъ подлежащихъ вѣдѣнію сельскаго схода доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ. Сельскій сходъ выступаетъ съ самымъ разнообразнымъ назначеніемъ. Онъ является: и въ качествѣ *избирательнаго собранія*,—назначая на выборныя должности и указывая кандидатовъ для исполненія обязанностей волостныхъ судей; и въ *качествѣ органа хозяйственнаго управленія*, коль скоро онъ совпадаетъ съ общиною,—производя разверстку податей и опредѣляя мѣры и способы взысканія недоимокъ; и въ качествѣ *контрольнаго учрежденія*,—производя учетъ сборщику податей и сельскому старостѣ; и въ качествѣ *установленія, вѣдающаго мѣст-*

ныя пользы и нужды,—заботясь объ исправномъ содержаніи дорогъ, о продовольствіи, объ образованіи и обученіи грамотѣ, о подачѣ врачебной помощи; и въ качествѣ *установленія съ судебною властью*,—лишая, въ видѣ наказанія, права голоса отдѣльныхъ членовъ своихъ и постановляя приговоры объ отдачѣ порочныхъ общественниковъ „въ распоряженіе правительства, для ссылки прямо въ Сибирь“; и въ качествѣ *опекунскаго установленія*,—назначая опекуновъ и попечителей надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ и производя учетъ и повѣрку дѣйствій этихъ лицъ; и въ качествѣ *сословнаго учрежденія съ государственнымъ значеніемъ*,—возбуждая передъ правительствомъ ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ; и пр., и пр.

Нѣсколько менѣе многочисленны, но все же довольно разнообразны и не менѣе важны дѣла, подлежащія обсужденію и разрѣшенію волостного схода. Обычай въ значительной степени расширилъ и дѣятельность земельныхъ общинъ,—вручивъ имъ не однѣ хозяйственныя и финансовыя дѣла, отчасти возложенныя на нихъ самимъ закономъ.

Но не съ указанной только стороны крестьянская общественная жизнь представляется значительной и заслуживаетъ вниманія. Въ ней выражается народная психологія. Она даетъ обширный матерьялъ для сужденія о народной душѣ,—о господствующихъ среди крестьянъ воззрѣніяхъ, объ ихъ понятіяхъ о справедливости, правѣ, законѣ, порядкѣ,—о способности крестьянина вести общественныя дѣла и устраивать свою личную судьбу. Все это предметы въ высшей степени важные. Изученіе ихъ, очевидно, не только интересно, но и совершенно необходимо.

III.

Обращается ли, однако, у насъ достаточное вниманіе на крестьянскую общественную жизнь? Много ли знаемъ мы о ней?

Къ сожалѣнію, этой сторонѣ русской жизни почти не удѣляется вниманія и мы знаемъ о ней очень мало. Крестьянская общественная жизнь остается въ тѣни. Ея почти не наблюдаютъ непосредственно. Жизнь и дѣятельность многочисленныхъ крестьянскихъ, сель-

скихъ и волостныхъ сходовъ проходитъ какъ то незамѣтно. Извѣстнымъ вниманіемъ пользуются, пожалуй, общины,—но только съ точки зрѣнія ихъ хозяйственнаго и финансоваго значенія,—въ отношеніи передѣловъ и переверстки земли и несенія круговой поруки. Вся же прочая, наиболѣе обширная, важная и интересная сторона крестьянской общественной жизни идетъ мимо насъ, не возбуждая ближайшаго интереса, не отражаясь почти вовсе на страницахъ печати.

Крестьянской общественной жизни оказываются какъ бы совершенно чуждыми всѣ представители иныхъ сословій, живущіе въ провинціи. Какъ идетъ общественная жизнь, хотя бы въ этихъ установленіяхъ,—это остается въ неизвѣстности. Какъ будто бы подобныя установленія находятся въ захолустьи, вдали отъ дѣятелей науки, литературы, журналистики,—какъ будто бы они совершенно непроницаемы и недоступны для гласности, и дѣятельность ихъ совершается за наглухо забитыми стѣнами! *) Есть лица, живущія въ самыхъ зданіяхъ, въ которыхъ сходы собираются,—напримѣръ, учителя, учительницы, врачи,—и никогда небывавшія ни на одномъ изъ сходовъ. То же самое относится къ дѣятельности волостного суда. По настоящему предмету у провинціальной интеллигенціи нѣтъ наблюденій сколько нибудь живыхъ и цѣльныхъ. Крестьянская общественная жизнь является какимъ то замкнутымъ, никому изъ постороннихъ лицъ невѣдомымъ и неинтереснымъ міромъ.

Весьма ярко сказывается это на одномъ примѣрѣ. Въ предѣлахъ Петербурга находятся управленія сельскихъ обществъ и волостей, вѣдающія дѣла преиму-

*) О цѣломъ рядѣ фактическихъ условій крестьянской общественной жизни, слагающихся въ цѣломъ въ очень тяжелую картину,—мы узнаемъ лишь изъ оффиціальныхъ матерьяловъ и притомъ явившихся сравнительно недавно,—изъ „Свода заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ относящимся къ пересмотру законовъ о сельскомъ состояніи“ (четыре тома, 1897 г.). Грустно и то, что едва ли не первая картина крестьянской общественной жизни дана иностранцемъ, Мэкензи Уоллесомъ, авторомъ извѣстнаго, переведеннаго и на русскій языкъ, сочиненія „Россія“. Онъ именно даетъ весьма вѣрное и характерное описаніе выборовъ на сельскомъ сходѣ и дѣлаетъ вообще много интересныхъ и справедливыхъ замѣчаній о крестьянской общественной жизни. („Russia“, by Mackenzie Wallace. Tauhnitz Edition. Vol. I, pp 179—206).

щественно бывшихъ государственныхъ крестьянъ, отправлявшихъ прежде ямскую повинность и называвшихся ямщиками; въ самомъ Петербургѣ, поэтому, очень часто происходятъ сельскіе и волостные сходы этихъ крестьянъ и засѣдаютъ волостные суды. (Управленіе одной изъ волостей помѣщалось одно время не такъ далеко отъ центра города,—на Лиговской улицѣ). Но какъ идетъ здѣсь крестьянская общественная жизнь? Увы!—это извѣстно такъ-же мало, какъ еслибы рѣчь шла о какомъ-нибудь „медвѣжьемъ углѣ“... Въ періодическихъ изданіяхъ помѣщаются отчеты о собраніяхъ думы, ремесленнаго, мѣщанскаго обществъ, о засѣданіяхъ различныхъ судебныхъ установленій. Но—никогда не упоминается о томъ, что происходитъ на крестьянскихъ сходахъ и въ волостномъ судѣ въ самой столицѣ...

IV.

Такимъ образомъ, современная крестьянская общественная жизнь остается внѣ всякихъ наблюденій. Она не изучается вовсе.

То же самое можно сказать о крестьянской общественной жизни въ ея прошломъ.

Надъ крестьянскимъ общественнымъ бытомъ прошелъ цѣлый рядъ реформъ; общественная жизнь существовала и существуетъ среди народа въ различныхъ формахъ и видахъ.

Существовало извѣстное подобіе самоуправленія среди помѣщичьихъ крестьянъ большихъ имѣній, состоявшихъ на оброкѣ (платившихъ деньгами помѣщику, вмѣсто отправленія барщины),—существовало оно въ этомъ служебно-частномъ значеніи, какъ даровой органъ хозяйственнаго управленія вотчиной, какъ совокупность установленій, предназначавшихся для обезпеченія исправнаго платежа оброка помѣщику. Издавна, въ нѣсколько болѣе чистомъ и правильномъ видѣ, существовало самоуправленіе среди государственныхъ крестьянъ; являясь и здѣсь преимущественно даровымъ органомъ финансоваго управленія, оно выполняло въ этой средѣ и нѣкоторыя другія задачи, направленныя къ удовлетворенію нуждъ своихъ членовъ. Существовало самоуправленіе среди полусвободныхъ крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ удѣльныхъ имѣній. Наконецъ, по законамъ 1838—1839 гг.,

созданныхъ по проектамъ гр. П. Д. Киселева, явилось крестьянское самоуправленіе, правильно, теоретически стройно организованное, снабженное значительными полномочіями, призванное осуществлять рядъ задачъ крупнаго значенія.

Всѣ эти реформы миновали, оставивъ болѣе или менѣе глубокіе слѣды въ жизни тѣхъ разрядовъ крестьянъ, къ которымъ относились. Подъ ихъ вліяніемъ, такъ или иначе, слагалась общественная жизнь народа, въ условіяхъ ими созданныхъ шла извѣстная борьба; мѣрами ими указанными осуществлялись извѣстныя цѣли, разрѣшались извѣстныя задачи. Какъ же осуществлялись эти реформы, какъ протекала въ ихъ условіяхъ общественная жизнь крестьянъ? Гдѣ картины прежней крестьянской общественной жизни, имѣющей столь длинную исторію? Такихъ картинъ, создаваемыхъ лишь близкимъ, непосредственнымъ наблюденіемъ ея,—нѣтъ, какъ нѣтъ, напримѣръ, картинъ крестьянскаго самоуправленія, организованнаго по законамъ 19 февраля 1861 г., съ тѣми перемѣнами, которыя внесены были въ эту область послѣдующими дополнительными узаконеніями и близко касавшимися ея реформами, вродѣ учрежденія должностей земскихъ начальниковъ,—какъ нѣтъ картинъ организованнаго на началѣ всесословности, по законамъ 1864 и 1866 г., крестьянскаго самоуправленія (всесословнаго характера,—гминнаго и волостного) въ губерніяхъ Прибалтійскихъ и Привислянскихъ,—какъ нѣтъ, наконецъ, картинъ общественной жизни казаковъ, инородцевъ.

Вся эта обширная, разнообразная и интересная область явленій русской жизни оставалась и остается внѣ непосредственнаго наблюденія со стороны высшихъ классовъ нашего населенія на всемъ огромномъ пространствѣ страны,—„отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды“.

Существуетъ воззрѣніе, усматривающее крупныя особенности въ юридическихъ представленіяхъ крестьянъ,—признающее существованіе среди нихъ особыхъ юридическихъ обычаевъ, своеобразной системы права. Есть и извѣстный интересъ къ этому праву. Въ этой области производились и извѣстныя изысканія. Но—и это не соединяется съ непосредственнымъ интересомъ къ крестьянской общественной жизни,—хотя право есть продуктъ общежитія,—элементъ, направленный къ его

развитію и поддержанію,—и крестьянская общественная жизнь есть до нѣкоторой степени колыбель предполагаемой особенной системы права.

V.

При такихъ условіяхъ, крестьянская общественная жизнь не отразилась ярко, сильно на какомъ либо произведеніи литературы или искусства,—не вдохновила поэта, художника, не составила предмета для широкой и полной картины бытописателя. А между тѣмъ, она богата множествомъ поразительныхъ сценъ и явленій. Въ ней происходятъ и драмы, и трагедіи; разыгрываются и комедіи, и водевили. Въ этой обширной области выступаетъ всегда весьма большое число самыхъ разнообразныхъ дѣятелей. Здѣсь есть и побѣжденные, и побѣдители,—и всегда большое число страдающихъ. Крестьянское общественное самоуправленіе въ тѣ періоды, когда оно являлось преимущественно или исключительно даровымъ органомъ вотчиннаго или финансоваго управленія, и названія самоуправленія собственно не заслуживало, при такихъ условіяхъ,—составляло для народа ярмо, которое не легче, а труднѣе и сложнѣе того ярма, въ видѣ „бичевы“, которую тянутъ бурлаки у Рѣпина. Отзвуки крестьянской общественной жизни бывали при такихъ условіяхъ не легче и того бурлацкаго „стона“, который слышался Н. А. Некрасову въ пѣснѣ, „раздававшейся надъ великою русской рѣкой“. Много происходило тутъ потрясающихъ вещей, заслуживающихъ того, чтобы запечатлѣть ихъ и на полотнѣ, и на камнѣ, и въ особенности въ письменахъ. И теперь, при сохранившемся за крестьянскимъ самоуправленіемъ характерѣ дарового органа финансоваго управленія и при крайнемъ его неустройствѣ, а также зависимости, въ которой оно находится,—развѣ не интересна картина крестьянскаго общественнаго схода въ нѣсколько сотъ или нѣсколько тысячъ человѣкъ, выстаивающаго по нѣсколькимъ днямъ на морозѣ или подъ дождемъ, разрѣшая разнообразныя дѣла, которыя на всѣхъ ступеняхъ развитія затрогиваютъ существенные интересы и права отдѣльныхъ лицъ и союзовъ,—и возбуждаютъ страсти, горе и радость? Равнодушно проходятъ, однако, и казалось бы наиболѣе впечатлительные и чуткіе люди мимо настоящей столь важной стороны жизни народа!

Мало привлекая художественныя силы, крестьянская общественная жизнь не пользуется вниманіемъ и со стороны ученыхъ. Ученыя изслѣдованія вообще слишкомъ рѣдко касаются современности. Но даже и архивныя данныя о крестьянской общественной жизни использованы въ наименьшей степени сравнительно съ данными, относящимися до другихъ сторонъ жизни народа. Такимъ образомъ, собственно крестьянскіе архивы (при крестьянскихъ общественныхъ установленіяхъ), въ которыхъ именно отражается эта жизнь,—и вовсе не подвергались разработкѣ. Они исчезнутъ, быть можетъ, раньше, чѣмъ дождутся своей очереди.

VI.

Можно было бы сказать, что во всемъ этомъ выражается самымъ яркимъ образомъ отчужденность народа отъ интеллигенціи,—равнодушіе ея къ его судьбамъ. Но этого далеко нельзя сказать про русскую интеллигенцію. Наоборотъ, интересы народа ей близки. Она готова служить ему и старается по-своему представлять эти интересы, выяснять его нужды и потребности, содѣйствовать ихъ удовлетворенію. И тѣмъ не менѣе, указываемое явленіе существуетъ, несомнѣнно, во всей своей силѣ. Интересъ къ крестьянской жизни направляется на другія ея стороны,—кромѣ этой.

Очевидно, настоящее явленіе ненормально, какъ ненормально вообще равнодушіе со стороны нашего общества собственно къ юридическому быту крестьянъ,—здѣсь отчасти и выражающееся. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, понять теоретическія разсужденія о нуждахъ и потребностяхъ народа, соединяющіяся съ недостаткомъ прямого, непосредственнаго, живого интереса къ тому, какъ именно самъ народъ удовлетворяетъ длинный рядъ своихъ нуждъ и потребностей, осуществляя право самоуправленія.

Настоящее явленіе и вредно. Въ основу всякихъ разсужденій о нуждахъ и потребностяхъ крестьянъ,—всякихъ мѣропріятій, предназначенныхъ для осуществленія въ народной средѣ и внѣ ея,—должно быть полагаемо возможно близкое знакомство съ этою средою и въ особенности съ формами и характеромъ ея общественной жизни. Иначе разсужденія эти будутъ теоретичны, сухи, безжизненны, мало доступны пони-

манію,—и потому, не будутъ производить желаемаго дѣйствія. Иначе извѣстныя мѣропріятія могутъ оказываться мертворожденными,—и не будутъ приводить къ удовлетворенію самыхъ настоятельныхъ потребностей Они будутъ только закрывать глаза на существованіе послѣднихъ,—создавать извѣстный самообманъ. Такъ это и бывало, такъ это и есть до сихъ поръ; можно опасаться, что такъ это еще и будетъ нѣкоторое время, пока не созрѣетъ въ образованныхъ классахъ достаточный интересъ къ крестьянской общественной жизни.

Въ настоящее время поставленъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ законовъ о крестьянахъ. Вопросъ этотъ притомъ, объявленъ имѣющимъ наибольшую важность. Пересмотръ направленъ, далѣе, главнымъ образомъ, на законы, относящіеся къ крестьянскому общественному самоуправленію. Является такимъ образомъ, особо удобный поводъ къ разработкѣ и разрѣшенію вопроса о введеніи всесословности въ крестьянское самоуправленіе, о превращеніи его изъ сословнаго въ общественное въ строгомъ смыслѣ слова. Живой матерьялъ, относящійся къ крестьянской общественной жизни, какъ внутри страны, такъ и на окраинахъ, пользующихся уже преимуществами всесословнаго сельскаго самоуправленія (губерніи Прибалтійскія и Привислянскія) —былъ бы такъ необходимъ, такъ существененъ, такъ цѣненъ. Онъ оживилъ бы вопросъ, облекъ бы его въ плоть и кровь, поставилъ бы на практическую почву, представилъ бы въ образахъ и лицахъ и могъ бы много содѣйствовать правильному его разрѣшенію. Но—такого матерьяла нѣтъ въ достаточной степени,—и настоящій вопросъ, несмотря на поводъ столь благопріятный, не вызываетъ сотвѣтствующей разработки, не обращаетъ на себя достаточнаго общественнаго вниманія.

При такихъ условіяхъ, остается пожелать обнаруженія и развитія достаточнаго интереса къ юридической жизни народа хотя бы въ новомъ столѣтіи.

Это, конечно, неизбѣжно, и должно произойти необходимо,—въ виду того, что интересы крестьянства должны, наконецъ, слиться въ XX столѣтіи съ интересами прочихъ сословій,—что на мѣсто дворянина, мѣщанина, крестьянина, станетъ въ этомъ столѣтіи—гражданинъ.

Но и при этой надеждѣ, трудно мириться съ настоящимъ и прошлымъ затрогиваемаго предмета. Благодаря отсутствію интереса къ крестьянской общественной жизни со стороны высшаго класса, пострадали и страдаетъ масса живыхъ людей, такъ какъ при этомъ условіи легко могло усиливаться и долго держаться неустройство въ крестьянскомъ общественномъ управленіи, существующее въ самыхъ яркихъ формахъ. Въ будущемъ, когда увеличится, окрѣпнетъ и сознаетъ свои интересы народная интеллигенція, какъ интеллигенція не меньшинства, а большинства массы населенія, вышедшая изъ низшихъ его слоевъ,—народъ самъ съумѣетъ послужить себѣ въ этомъ отношеніи и этимъ способомъ. Но безвозвратно прошло и пройдетъ то время,—длинный его періодъ—когда служеніе это возможно и обязательно было и есть для другихъ.

Выпуская нынѣ въ отдѣльномъ изданіи свои собственные опыты изслѣдованія на мѣстахъ юридическаго положенія крестьянъ и сельской общественной жизни (печатавшіеся въ журналахъ: „Жизнь“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“, „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“),—съ нѣкоторымъ вступленіемъ теоретическаго характера и присоединеніемъ нѣсколькихъ статей, касающихся юридическаго положенія крестьянъ,—мы желали-бы возбудить, такимъ образомъ, интересъ къ явленіямъ этого рода и указать на важность и необходимость систематическихъ наблюденій въ настоящей области.

ВВЕДЕНІЕ.

Основные вопросы крестьянскаго самоуправленія [1]).

I.

Вопросъ о крестьянскихъ сходахъ есть, безспорно, важнѣйшій вопросъ сельскаго общественнаго управленія. Это вытекаетъ изъ свойства и многочисленности тѣхъ предметовъ, которые предоставлены закономъ вѣдѣнію сельскихъ и волостныхъ сходовъ. Общественные сходы — важнѣйшія учрежденія въ крестьянской средѣ. Рядъ существенныхъ интересовъ, нуждъ и потребностей крестьянъ и мѣстнаго населенія находится отъ нихъ въ прямой зависимости. Благоустройство въ сельской средѣ разомъ и значительно подвинулось бы впередъ отъ одной правильной организаціи крестьянскихъ общественныхъ сходовъ.

Совершенно ясно, какое начало должно быть примѣнено къ крестьянскому общественному управленію для того, чтобы оно достигало своихъ цѣлей и содѣйствовало удовлетворенію нуждъ мѣстнаго населенія. Рѣчь идетъ о *самоуправленіи*. Послѣднее же, какъ таковое, мыслится не иначе, какъ *самостоятельнымъ*. Извѣстный родъ дѣлъ предоставляется вѣдѣнію самого населенія, организуемаго соотвѣтственнымъ образомъ,—свои соб-

[1]) Первоначально статья была напечатана въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1897 г

ственные интересы предоставляется ему обезпечивать собственными средствами, собственными усиліями, собственными мѣрами. Правительственной власти можетъ принадлежать, затѣмъ, лишь надзоръ,—но надзоръ, поставленный въ строгіе предѣлы закона. Произвольное вмѣшательство власти въ дѣятельность органовъ самоуправляющагося населенія есть отрицаніе самой идеи самоуправленія,—нѣчто ей совершенно противоположное. Неизбѣжный результатъ такого вмѣшательства—полное разстройство самоуправленія, превращеніе его изъ учрежденія благодѣтельнаго, изъ школы, развивающей самодѣятельность, въ обузу для населенія.

Итакъ, *самостоятельность* есть необходимое начало устройства и дѣятельности сельскаго общественнаго управленія, какъ и всякаго иного. Но недостаточно, чтобы она была выражена принципіально. Для того, чтобы дать свои благодѣтельные результаты, она необходимо подлежитъ еще обезпеченію всѣми возможными путями и средствами.

Троякаго рода мѣры ведутъ къ послѣдней цѣли, облекаютъ плотью и кровью самоуправленіе. Первая общая мѣра—это народное просвѣщеніе и развитіе въ гражданахъ яснаго сознанія ихъ правъ и обязанностей. Вторая—поднятіе уровня самоуправляющейся организаціи, путемъ введенія въ составъ ея лицъ всѣхъ сословій, званій, классовъ, положеній. Третья мѣра—организація надзора за тѣмъ, чтобы не происходило произвольнаго вмѣшательства чиновниковъ въ дѣятельность органовъ самоуправленія,—спеціальное огражденіе и обезпеченіе самостоятельности послѣднихъ. Наконецъ, четвертая общая мѣра—это точное опредѣленіе правъ и обязанностей самоуправляющагося населенія, его юридическаго положенія, и несомнительное, ясное указаніе предметовъ его самостоятельнаго вѣдѣнія и существенныхъ правилъ его дѣятельности. Безъ возможно полнаго и широкаго примѣненія и развитія этихъ общихъ непремѣнныхъ органическихъ мѣръ,—сельское самоуправленіе не можетъ

дать того плода, который несетъ въ себѣ, по самой своей идеѣ, сущности, жизненности, необходимости...

Имѣлись-ли и имѣются-ли всѣ такого рода гарантіи для того самоуправленія, которое явилось 19 февраля 1861 г. для освобожденныхъ крестьянъ, а въ послѣдующіе годы распространено было на всѣ прочіе разряды оставшихся всегда свободными сельскихъ обывателей? Въ какомъ положеніи находится крестьянское самоуправленіе по даннымъ „Свода заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ“? Въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ свойства законодательства отразились на фактахъ самой жизни, проводимыхъ въ „Сводѣ“? [1]).

Къ крайнему сожалѣнію, указанныхъ гарантій для крестьянскаго самоуправленія и не имѣлось, и не имѣется до сихъ поръ, и неблагопріятныя, грустныя данныя, за-

---

[1]) Главное значеніе „Свода“ состоитъ именно въ содержащемся въ немъ чисто фактическомъ матеріалѣ,—въ указаніяхъ на существующіе обычаи, порядки и условія крестьянскаго самоуправленія, на его обстановку. Съ этой стороны,—„Сводъ“ представляетъ собою первый опытъ до нѣкоторой степени систематическаго мѣстнаго изслѣдованія вопросовъ крестьянскаго самоуправленія Такой опытъ былъ давно необходимъ, такъ какъ, хотя собранные факты и не представляются ни въ какомъ отношеніи неожиданными, но все же они, какъ таковые говорятъ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе для многихъ, чѣмъ теоретическія разсужденія, чѣмъ отвлеченныя указанія на недостатки законодательства (которые и не могли дать иныхъ результатовъ). Нельзя не пожалѣть, поэтому, что программа, легшая въ основу работъ мѣстныхъ комиссій и совѣщаній, не была направлена въ большей мѣрѣ къ полученію фактическихъ свѣдѣній и не обняла многихъ существеннѣйшихъ сторонъ предмета. Какъ бы то ни было, однако, но эта фактическая часть „Свода“,—повторяемъ, имѣетъ значительную цѣну. Гораздо слабѣе вторая, такъ сказать, творческая часть „Свода“, — предположенія, направленныя къ улучшенію существующихъ порядковъ въ сельской средѣ. Эти предположенія не имѣютъ уже, большею частію, никакой цѣны .. Да составъ мѣстныхъ уѣздныхъ комиссій и губернскихъ совѣщаній былъ и некомпетентенъ въ настоящемъ отношеніи, и неспособенъ отрѣшиться отъ извѣстной узкости и односторонности воззрѣній и стремленій. Тутъ требовалось бы болѣе широкая государственная точка зрѣнія. Для бюрократическихъ комиссій и совѣщаній нѣкоторые отвѣты казались какъ бы предрѣшенными вопросами,—и они спѣшили отвѣчать на нихъ согласно съ предполагавшимися тогда (въ 1893—1894 гг) видами правительства ..

ключающіяся въ „Сводѣ“, вытекаютъ изъ цѣлаго ряда органическихъ причинъ, достаточно ясныхъ и подлежавшихъ давно устраненію...

Поголовная безграмотность крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и слабая степень грамотности бывшихъ государственныхъ крестьянъ—не смѣнились до сихъ поръ грамотностью всей крестьянской массы. Средства, ассигнуемыя собственно на народное образованіе,—крайне незначительны. Чуть не большую часть расходовъ по устройству и содержанію начальныхъ школъ,—составляющихъ, несомнѣнно, общегосударственную потребность,—оплачиваютъ сами же крестьяне, обремененные до крайности различными сборами. Дѣятельность общественныхъ учрежденій также не могла, по различнымъ причинамъ, развернуться съ достаточною широтою въ настоящемъ отношеніи. Далеко не достигнута, такимъ образомъ, и простая всеобщая грамотность. Только нынѣ дѣлаются робкія попытки ко введенію всеобщаго обученія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Весьма слабо обставлено, затѣмъ, дальнѣйшее необходимое развитіе сельскаго населенія. Библіотеки, читальни, воскресныя школы, народныя чтенія и всѣ прочія средства народнаго просвѣщенія существуютъ еще въ весьма ограниченномъ числѣ, встрѣчая различныя препятствія къ своему развитію, столь необходимому. Народная литература оставляетъ желать очень многаго. Да и то, что сдѣлано въ области народнаго просвѣщенія и общедоступной литературы,—сравнительно недавняго происхожденія. Благодаря извѣстному общественному подъему, все это только еще обѣщаетъ блестящій расцвѣтъ въ близкомъ будущемъ. Въ частности же ничего еще почти не сдѣлано для облегченія крестьянамъ возможности познакомиться точно съ своими правами и обязанностями и съ законами, относящимися до собственнаго управленія. Въ то же время сельское и волостное самоуправленіе остаются чисто сословными, замкнутыми. Лица прочихъ сословій, проживающія въ селеніяхъ и даже такъ близко стоящія къ

народу, какъ стоять къ нему учителя, не принимають въ мѣстномъ крестьянскомъ управленіи никакого участія ни съ совѣщательнымъ, ни съ рѣшающимъ голосомъ [1]). Всѣ эти лица пользуются дѣятельностію крестьянскихъ учрежденій, но не имѣютъ никакого вліянія на улучшеніе тѣхъ порядковъ, подъ которыми живутъ и отъ которыхъ зависятъ ихъ собственные существеннѣйшіе интересы,—не несутъ никакой отвѣтственности за дурныя стороны деревенскихъ порядковъ (поскольку онѣ зависятъ отъ людей, а не отъ свойства законовъ) и ничѣмъ не платятся за хорошія. Сельское самоуправленіе не снабжено, слѣдовательно, ни подлежащими силами, ни нужными средствами. Отсюда крайне невысокій уровень состава крестьянскаго самоуправленія... Этимъ же обусловливается особое отношеніе къ нему со стороны органовъ надзора. Именно одно это уже устраняетъ значительную часть преградъ къ произвольному вмѣшательству въ дѣятельность крестьянскаго самоуправленія со стороны властей, надъ нимъ поставленныхъ. Законъ съ нѣкоторыми его преградами становится возможнымъ легко оставлять въ забвеніи. Надзоръ за законностью, организую-

---

[1]) Именно нынѣшнею крайнею юридическою отдаленностью отъ крестьянскаго самоуправленія наиболѣе интеллигентныхъ силъ деревни, учительскаго персонала народныхъ училищъ, и объясняется въ значительной степени тотъ фактъ, сообщаемый въ педагогической хроникѣ февральской книжки „Русской Школы“ за 1897 г., что просьба, обращенная въ 1894 году обществомъ по устройству народныхъ чтеній въ городѣ Тамбовѣ и въ Тамбовской губерніи къ учителямъ и учительницамъ,—„ходатайствовать передъ сельскими сходами и попечителями школъ объ устройствѣ народныхъ библіотекъ и объ ассигнованіи на ихъ содержаніе небольшого пособія (25 руб единовременно и 10 руб. ежегодно)“—почти не имѣла успѣха Другимъ объясненіемъ настоящаго явленія служитъ вліяніе земскихъ начальниковъ. Они и фактически обособили крестьянскій міръ отъ всякихъ сторонннхъ воздѣйствій, подчинивъ его себѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ предполагаетъ и допускаетъ законъ, и уничтоживъ въ значительной степени его собственную самодѣятельность и самостоятельность... Понятно, что реакціонная печать выставляетъ несовмѣстимость всесословной волости съ реформою 12 іюля 1889 г.,— и сторонникамъ преобразованія крестьянскаго общественнаго управленія на началѣ всесословности приходится считаться съ этимъ („Вѣстникъ Европы“, май 1897 г., внутреннее обозрѣніе).

щійся въ средѣ самого населенія, ясно сознающаго свои права и обязанности, есть надзоръ самый вѣрный, дѣйствительный, постоянный. Но такого надзора здѣсь нѣтъ. Населеніе совершенно неразвито юридически,—весьма мало освѣдомлено по части дѣйствительныхъ и законныхъ своихъ правъ и обязанностей. Тутъ оно блуждаетъ въ совершенной темнотѣ. Всѣ указанныя условія, и въ частности нынѣшнее внутреннее и внѣшнее состояніе законовъ о крестьянахъ,—приводятъ къ этому неизбѣжно, необходимо, дѣлаютъ это роковымъ.. При такихъ же обстоятельствахъ завѣдываніе дѣлами сельскаго населенія со стороны ближайшихъ властей, естественнѣйшимъ образомъ, принимаетъ характеръ патріархальный, домашній, обычный. Строгія формы права легко устраняются. Публичный характеръ власти исчезаетъ. Черезъ тридцать шесть лѣтъ и для освобожденныхъ крестьянъ, и для тѣхъ, всегда свободныхъ сельскихъ обывателей, которые вступили въ положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, съ распространеніемъ на нихъ законовъ и учрежденій, созданныхъ для послѣднихъ,—въ лицѣ представителя власти все еще является „баринъ“, который пріѣзжаетъ и судитъ такъ, какъ „угодно его милости“, безъ всякихъ заранѣе извѣстныхъ, объективныхъ, для всѣхъ и въ томъ числѣ для него самого обязательныхъ основаній... Въ то же время законъ, установивъ на срочно-обязанное состояніе, въ которое, прежде всего, вступали освобожденные крестьяне, извѣстное вмѣшательство въ дѣла ихъ общественнаго управленія со стороны только что принципіально отстраненной патріархальной власти помѣщика (вручивъ именно послѣднему право опеки надъ бывшими „его“ крестьянами, право требовать для разсмотрѣнія приговоры сходовъ и при извѣстныхъ, довольно неопредѣленныхъ условіяхъ пріостанавливать ихъ исполненіе, право требовать удаленія изъ общества для ссылки въ Сибирь „вреднаго и опаснаго“, по его мнѣнію, крестьянина, право требовать удаленія „неблагонадежныхъ“ писарей и пр., и пр.); допустивъ, затѣмъ, извѣстное вмѣ-

шательство въ дѣла крестьянскаго самоуправленія со стороны послѣдовательно учреждавшихся властей, и въ особенности расширивъ его для земскаго начальника, законъ не принялъ никакихъ особыхъ мѣръ къ обезпеченію этого самоуправленія, по крайней мѣрѣ, отъ вмѣшательства, выходящаго за предѣлы, имъ (закономъ) поставленные... Мѣстныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ и оставались, и остаются до сихъ поръ въ значительной степени безконтрольными, независимыми отъ закона и власти,— пользуются исключительнымъ положеніемъ, вопреки всякимъ государственнымъ началамъ и основаніямъ и къ огромному вреду для общаго блага и порядка... Самое простѣйшее и необходимое право жалобы, всегда ограниченное, всегда сокращавшееся, было еще болѣе сокращено въ 1889 г. въ отношеніи той самой власти, вмѣшательство которой въ крестьянскія дѣла было тогда особенно расширено [1])... Какъ же могло крестьянское самоуправленіе идти правильно при однихъ этихъ условіяхъ?..

Между тѣмъ, самая плачевная сторона дѣла состоитъ въ томъ, что всѣ указанныя неблагопріятныя для крестьянскаго самоуправленія условія дѣйствуютъ,—оказывая оттого свое сугубое вліяніе,—на почвѣ крайней общей не-

---

[1]) Программа вовсе не касалась собственно устройства и полномочій властей и установленій, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами. Да сами эти власти, дававшія отвѣты на вопросы программы, и не могли бы, конечно, дать надлежащее освѣщеніе подобному предмету, какъ слишкомъ близко ихъ касавшемуся. Онѣ, естественно, склонны считать положеніе крестьянъ въ настоящемъ отношеніи не оставляющимъ желать ничего лучшаго... Такимъ образомъ, земскіе начальники во время совѣщаній и засвидѣтельствовали по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ и поводамъ о достигнутомъ ими упорядоченіи различныхъ сторонъ сельской жизни Они же сами предположили и усиленіе своихъ полномочій въ различныхъ отношеніяхъ.. Свидѣтельства и предположенія эти не имѣютъ, безъ сомнѣнія, никакой цѣны. Вопросъ о завѣдываніи и управленіи крестьянскими дѣлами и объ организаціи надзора надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ—важнѣйшій, капитальный вопросъ—остается открытымъ, подлежащимъ особой разработкѣ,—и на новыхъ началахъ, а не на началѣ помѣстно-дворянскомъ, какъ оказавшемся совершенно несостоятельнымъ и несогласнымъ съ крестьянскою свободою и взаимными отношеніями крестьянства и помѣстнаго дворянства въ прошломъ..

опредѣленности юридическаго положенія крестьянъ,—неясности ихъ правъ и обязанностей, какъ наслѣдіи крѣпостныхъ порядковъ, умаленіи ихъ личности, возможности произвольнаго разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, затрогивающихъ существеннѣйшіе ихъ интересы, и—на почвѣ глубокихъ недостатковъ въ самомъ устройствѣ ихъ самоуправленія [1])... „Сводъ“ и иллюстрируетъ послѣднее довольно ярко и многочисленными данными.

II.

Прежде всего, начало законности, столь необходимое, не могло получить до сихъ поръ полнаго примѣненія къ крестьянской средѣ уже по одному тому, что не только въ области частныхъ, но и въ области публичныхъ отношеній предоставлено здѣсь дѣйствовать вмѣсто закона обычаю, большею частію воображаемому, мнимому, различающемуся по мѣстностямъ, неуловимому, ничѣмъ неудостовѣряемому, съ неопредѣленными предѣлами вліянія, безъ точнаго отношенія къ закону,—обычаю, который (коль скоро онъ, дѣйствительно, существуетъ) для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ образовался въ значительной степени при нахожденіи ихъ въ зависимости отъ помѣщиковъ, а для той части государственныхъ крестьянъ, которая тоже долго жила внѣ закона, для бывшихъ монастырскихъ крестьянъ,—при нахожденіи въ не менѣе тяжкой зависимости отъ монаховъ и монастырскаго начальства [2])... Этотъ обычай сталъ тою дверью, тѣми широкими воротами, черезъ которыя свободно и безбоязненно входилъ произволъ во всѣ частныя и общественныя отношенія крестьянъ...

---

[1]) См. нашу книгу „Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ статей: Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія. Крестьянская женщина. „Вы“ и „Ты“. Наказаніе безъ суда. Преобразованный волостной судъ. Юридическая безпомощность крестьянъ“. Спб. 1897 г.

[2]) Вопросъ объ обычаѣ среди крестьянъ есть, безспорно важнѣйшій капитальный, коренной вопросъ. Онъ остается у насъ, однако, невыясненнымъ,—при всемъ видимомъ обществен-

Глубоки, далѣе, недостатки устройства крестьянскаго самоуправленія, характеризующіеся тою же внѣзаконностью, шаткостью, неопредѣленностью и, такъ сказать, беззащитностью отъ всевозможныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ произвольныхъ вліяній...

Не опредѣлено, напримѣръ, положеніе селенія, не составляющаго отдѣльнаго сельскаго общества, не придано такому селенію значенія юридическаго лица, права разрѣшать свои собственныя дѣла самостоятельно, — и необходимыя права такого естественнаго, живаго цѣлаго перенесены на единицу, уже отчасти искусственную— сельское общество, состоящее изъ нѣсколькихъ, подчасъ многихъ селеній и деревень... По заключающимся въ „Сводѣ“ даннымъ, именно оказывается, что въ одно сельское общество бываетъ соединено иногда „множество селеній“ [1])... Селенія же, соединенныя въ одно сельское общество, отстоятъ, мѣстами одно отъ другого въ 30, 40, 50 и даже 80 верстахъ [2])... Легко понять, какое настроеніе все это должно вносить въ сельское самоуправленіе! Сходы въ такихъ случаяхъ „почти никогда не собираются въ законномъ составѣ“,—говоритъ архангельское губернское совѣщаніе [3]). При подобныхъ

номъ интересѣ къ „обычному праву“. Между тѣмъ, безъ правильной оцѣнки значенія закона и обычая для крестьянъ, безъ разрѣшенія этого перваго, основнаго вопроса,—представлялся бы недостаточно яснымъ путь предстоящей реформы крестьянскаго дѣла. На законѣ или обычаѣ должна она быть основана? Къ счастію, по существу своему, вопросъ этотъ несомнителенъ и на него можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ (оставляющій, однако, желать болѣе подробной формулировки и аргументаціи, по условіямъ полученной имъ постановки въ литературѣ): предстоящая реформа должна стать на путь строгой законности; она должна отказаться отъ воззрѣнія на крестьянскую среду, какъ на особый міръ, отличный отъ всего остального русскаго общества, требующій во всемъ особыхъ юридическихъ нормъ; крестьяне должны быть подчинены общимъ законамъ,—и такимъ образомъ, должно быть устранено главное дѣйствующее нынѣ отличіе ихъ отъ остальныхъ гражданъ, мѣшающее сліянію съ послѣдними и совмѣстной общественной культурной работѣ.

[1]) Томъ I, витеб., 8.
[2]) Томъ I, 2.
[3]) Томъ I, 81.

обстоятельствахъ, естественно возникновеніе на дѣлѣ, въ дѣйствительности необходимой самостоятельной жизни въ отдѣльныхъ селеніяхъ, въ этихъ подавленныхъ общественныхъ единицахъ, клѣточкахъ, ячейкахъ. Почти всѣ губернскія совѣщанія и свидѣтельствуютъ о существованіи особыхъ частныхъ, селенныхъ, селенскихъ или деревенскихъ сходовъ. Но существованіе такихъ сходовъ—чисто фактическое, внѣзаконное, и—оттого крайне шаткое, неопредѣленное... „Невозможность для сельскаго населенія—замѣчаетъ по этому поводу ярославское совѣщаніе—выяснить себѣ точно порядокъ рѣшенія своихъ общественныхъ дѣлъ и компетенцію каждаго изъ сходовъ, частнаго и общаго, вызывая частые случаи признанія общественныхъ приговоровъ неправильными или незаконными, несмотря на все желаніе членовъ схода исполнить всѣ требованія закона, представляетъ очень важное неудобство, усугубляемое въ дѣйствительной жизни еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во многихъ случаяхъ незаконность такихъ приговоровъ можетъ обнаружиться только по жалобѣ заинтересованныхъ лицъ или спустя болѣе или менѣе продолжительное время послѣ ихъ составленія“... [1]).

Но если великъ настоящій недостатокъ въ общественномъ устройствѣ крестьянъ, наблюдающійся въ губерніяхъ, гдѣ населеніе распредѣлено между небольшими деревнями и селами, то недостаткомъ еще болѣе подавляющимъ крестьянское самоуправленіе является то, что для большихъ селеній, составляющихъ сельскія общества каждомъ, отдѣльно, не установлено необходимыхъ особенностей въ управленіи. Въ то время, какъ въ законѣ предполагается, что и въ волости населеніе не должно превосходить двухъ тысячъ ревизскихъ душъ, мужскаго пола—на дѣлѣ образованы сельскія общества, далеко превосходящія по численности населенія и этотъ наибольшій составъ волостей... Такъ, въ Воронежской губерніи,

[1]) Томъ I, архангел, 1

43% населенія распредѣлены между громадными селами, начиная отъ трехъ тысячъ душъ обоего пола въ каждомъ и кончая Бутурлиновскимъ сельскимъ обществомъ Бобровскаго уѣзда, въ которомъ 10,188 ревиз. душъ, а наличныхъ—болѣе 30 тыс. обоего пола [1]). Въ Пермской губерніи, изъ 844 сельскихъ обществъ,—въ 726 обществахъ считается отъ 300 до 1000 ревиз. душъ, въ 85—отъ 1 тыс. до 2 тыс. и въ 33—свыше 2 тыс. [2]). Въ Самарской губерніи имѣется до 400 сельскихъ обществъ съ населеніемъ свыше 1 тыс. наличныхъ душъ въ каждомъ,—и не мало такихъ обществъ, въ которыхъ отъ 3 до 15 тыс. [3]) Въ свою очередь, такія огромныя сельскія общества не раздѣлены юридически на части, для болѣе удобнаго самостоятельнаго разрѣшенія своихъ дѣлъ, сообразно совершенно естественному раздѣленію большаго селенія на концы, улицы, посады и пр. Отсюда—сходы съ огромнымъ числомъ членовъ, поставленные въ затруднительное положеніе правильно разрѣшать какіе-либо вопросы... Указывая на чрезмѣрную численность сельскихъ сходовъ Пермской губерніи, мѣстное совѣщаніе и дѣлаетъ подавляющій, но совершенно правильный выводъ: „слѣдовательно, большая половина губерніи поставлена въ такія условія, при которыхъ невозможны ни правильное теченіе общинной жизни, ни удовлетворительное разрѣшеніе ея потребностей, ни, наконецъ, правильное исполненіе своихъ обязанностей должностными лицами сельскаго управленія..." [4]). „Зимою и осенью—говоритъ нижегородское совѣщаніе — созывъ большихъ сходовъ невозможенъ..." [5]). Такъ точно и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ сельскія общества слишкомъ велики. Созвать сходъ возможно лишь въ теплое время года,—на площади, подъ открытымъ небомъ. Оттого сходы нерѣдко

---

[1]) Томъ I, 11.
[2]) Томъ I, 32
[3]) Томъ I, 166.
[4]) Томъ I, 32.
[5]) Томъ I, 332.

откладываются. Между тѣмъ, дѣла не всегда терпятъ отлагательство. Тогда ужъ члены сходовъ бываютъ вынуждены простаивать на морозѣ, подъ дождемъ, среди вьюги и непогоды... Вся задача ихъ—стоять, присутствовать, такъ сказать, физически, механически, безъ малѣйшей возможности принять участіе въ обсужденіи того или иного вопроса, даже безъ возможности знать, какіе вопросы ставятся. Отсюда понятна крайняя затруднительность собиранія многочисленныхъ сходовъ. Для созыва схода требуется нѣсколько дней. Созванныхъ же на сходъ членовъ не легко удержать... „Одни домохозяева подъѣзжаютъ на сходъ, другіе же стараются незамѣтно уйти со схода“—замѣчаетъ пермское совѣщаніе [1]). Затрудненія, возникающія отсюда, по благодушному замѣчанію подольскаго совѣщанія,—„устраняются на практикѣ тѣмъ, что въ день схода съ утра ставится караулъ на всѣхъ выѣздахъ изъ селенія, и никто не выпускается, пока не окончится обсужденіе всѣхъ дѣлъ на сходѣ и староста или старшина не распуститъ сходъ...“ [2]). Между тѣмъ, такъ какъ сходы созываются лишь тогда, когда накопится много дѣлъ, то они нерѣдко затягиваются „далеко за полночь...“ Понятно, сколько времени требуется затѣмъ для отобранія нѣсколькихъ сотъ или даже нѣсколькихъ тысячъ подписей подъ нѣсколькими приговорами,—подписей, ничего, очевидно, не выражающихъ и предназначающихся единственно для приданія приговорамъ видимой законной силы, для указанія, что они исходятъ отъ установленнаго числа домохозяевъ...

Въ виду всѣхъ такихъ затрудненій, возникающихъ въ средѣ слишкомъ большихъ обществъ, наблюдается на дѣлѣ, въ жизни, образованіе особыхъ самостоятельныхъ общественныхъ единицъ,—„концовъ“, „улицъ“, „вытей“, „сотенъ“ и пр. Но внѣзаконное существованіе такихъ единицъ крайне шатко, неопредѣленно, затруднительно...

Тѣ же недостатки замѣчаются въ образованіи волостей.

---

[1]) Томъ I, 205.
[2]) Томъ I, 335

Послѣднія также—то слишкомъ велики, то слишкомъ малы. Слишкомъ большія волости представляютъ крайнія неудобства для управленія, слишкомъ малыя требуютъ большихъ расходовъ и высокаго обложенія населенія мірскими сборами на покрытіе этихъ расходовъ. Въ концѣ концовъ, и въ образованіи волостей, въ распредѣленіи населенія и сельскихъ обществъ между волостями обнаруживаются рядъ практическихъ неудобствъ и затрудненій. Всѣ затрудненія и неудобства, наблюдающіяся относительно слишкомъ большихъ сельскихъ обществъ и указанныя выше, возникаютъ со всею силою для волостей, образуемыхъ изъ одного сельскаго общества и одного селенія, подчасъ весьма большого. Здѣсь волостной сходъ замѣняется сельскимъ и вмѣсто двухъ обычныхъ сходовъ — одного общаго, подворнаго, составляющагося изъ всѣхъ домохозяевъ, и другого, образуемаго изъ выборныхъ членовъ—является одинъ большой сходъ изъ представителей отъ всѣхъ дворовъ, вѣдающій всѣ многочисленныя дѣла обоихъ сходовъ на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ [1]).

Образованіе сельскихъ обществъ и волостей происходило подъ прямымъ вліяніемъ мѣстныхъ административныхъ установленій по крестьянскимъ дѣламъ, и настоящее распредѣленіе населенія между упомянутыми общественными единицами со всѣми его подчасъ гибельными недостатками можетъ быть въ значительной степени отнесено на счетъ и къ винѣ названныхъ установленій. Въ особенности можно сказать это относительно волостей. Мѣстныя власти имѣли наибольшее соприкосновеніе съ волостями, и—на послѣднихъ съ особенною силою отразилось вліяніе, отсюда вытекавшее. Вліяніе это усиливалось и тѣмъ, что законъ далъ наименѣе опредѣленій именно относительно волостей... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлались произвольные опыты образованія волостей тѣхъ или иныхъ размѣровъ

---

[1]) Въ „Сводѣ“ не имѣется почти никакихъ данныхъ относительно волостей этого вида. Между тѣмъ, по нашимъ личнымъ наблюденіемъ, онѣ представляютъ большой интересъ и особо неблагопріятныя условія существованія.

въ цѣляхъ довольно односторонних,—опыты, существенно отражавшіеся на интересахъ крестьянскаго населенія, при недостиженіи и тѣхъ узкихъ цѣлей, для которыхъ весьма смѣло и рѣшительно предпринимались. Такъ въ Епифановскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, нѣсколько лѣтъ назадъ, утверждено было, по ходатайству мѣстнаго уѣзднаго съѣзда, распредѣленіе населенія между 24-мя волостями вмѣсто 36, имѣвшихся до тѣхъ поръ. Въ какихъ же видахъ? „Ради привлеченія на должности волостныхъ старшинъ и писарей болѣе благонадежныхъ лицъ, путемъ увеличенія имъ жалованья". Епифановскій съѣздъ долженъ былъ сознаться, однако, что мѣра эта, столь свободно избранная, „не достигла предположенной цѣли", и призналъ уже желательнымъ образованіе болѣе мелкихъ волостей... „Увеличеніе размѣра жалованья— замѣчаетъ тульское губернское совѣщаніе—очевидно, не увеличило контингента лицъ, способныхъ съ успѣхомъ выполнять обязанности, а осложненіе обязанностей волостного старшины сдѣлало лишь менѣе успѣшнымъ отправленіе этой должности" [1]). Такой-же опытъ,—и въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, но съ тѣми же послѣдствіями,—былъ сдѣланъ въ Могилевской губерніи [2]).

Признаніе полной произвольности въ образованіи волостей выразилось въ характерномъ замѣчаніи подольскаго губернскаго совѣщанія: „неправильность и неравномѣрность въ образованіи волостей—высказало совѣщаніе—произошли потому, что въ основу его не было положено никакого общаго плана, и въ каждомъ уѣздѣ дѣлалось это, вѣроятно, по соображеніи съ мѣстными особенностями, имѣвшими случайный характеръ..." [3]). Любопытное замѣчаніе! Оно говоритъ о полной несостоятельности и нецѣлесообразности предоставленія администраціи соображаться—безъ руководящихъ указаній закона—съ „мѣстными особенностями". Ясно, что здѣсь, какъ и во многихъ

[1]) Томъ I, 36.
[2]) Томъ I, 63.
[3]) Томъ I, 36.

другихъ случаяхъ, когда крестьянскому начальству предоставляется дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію, безъ законодательныхъ опредѣленій,—допускается и примѣняется на практикѣ широкій, ничѣмъ неограничиваемый произволъ... И нынѣшнее фактическое устройство крестьянскаго общественнаго управленія служитъ весьма яркимъ и выразительнымъ осужденіемъ этого начала, получившаго вообще широкое примѣненіе къ крестьянскому дѣлу.

Въ такомъ положеніи—юридически и фактически—находится распредѣленіе населенія между сельскими обществами и волостями, имѣющее, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важное, рѣшающее значеніе для самоуправленія.

Внутреннее устройство и порядокъ дѣйствій сельскихъ и волостныхъ сходовъ обнаруживаютъ столь же много неопредѣленнаго, допускающаго со всѣхъ сторонъ произволъ и вмѣшательство и создающаго всевозможныя затрудненія.

Такъ, неопредѣлено въ законѣ съ надлежащею точностью понятіе „домохозяинъ“, какъ членъ сельскаго схода, и—открыта возможность признанія таковымъ лишь крестьянина, обладающаго и полевою и усадебною землею, и отрицанія правъ домохозяина за лицомъ владѣющимъ лишь усадебною землею или вовсе безземельнымъ. Такимъ образомъ, изъ данныхъ „Свода“ мы и видимъ, что въ однихъ мѣстахъ допускаются на сельскіе сходы и лица безземельныя или владѣющія лишь усадьбами; въ другихъ—только домохозяева съ полными усадебными и полевыми надѣлами,—безземельныя же и одноусадебники вовсе на сходъ не допускаются, тогда какъ сходъ рѣшаетъ не одни земельныя дѣла, а большею частью такія, которыя весьма близко касаются и безземельныхъ членовъ сельскаго общества; наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ безземельные крестьяне и одноусадебники участвуютъ въ сельскихъ сходахъ лишь по нѣкоторымъ немногимъ дѣламъ. Слѣдовательно, благодаря неопредѣленности закона, господствуетъ полное разнообразіе въ области такихъ правъ,

которыя, безъ сомнѣнія, должны быть и предполагаются дарованными въ одинаковыхъ предѣлахъ всѣмъ гражданамъ извѣстныхъ категорій, безъ всякихъ мѣстныхъ изъятій...

Изъ того же отсутствія надлежащей точности въ опредѣленіи понятія „домохозяинъ“ вытекаетъ крайне неопредѣленное положеніе женщины на сельскомъ сходѣ,— возможность непризнанія ея правъ на участіе въ общественныхъ дѣлахъ и вообще извѣстное разнообразіе и въ настоящемъ отношеніи, нимало не оправдываемое существомъ вопроса. И дѣствительно, какъ видно изъ многочисленныхъ данныхъ „Свода“, въ однихъ мѣстахъ женщина допускается на сходы, и какъ самостоятельная хозяйка, и какъ представительница мужа; въ другихъ она допускается лишь какъ домохозяйка; въ третьихъ мѣстахъ женщина допускается по всѣмъ дѣламъ; въ четвертыхъ лишь по нѣкоторымъ; въ пятыхъ — и вовсе не допускается къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Самое участіе женщины въ сходахъ допускается въ разныхъ мѣстахъ и на разныхъ основаніяхъ: въ однихъ — она имѣетъ совѣщательный голосъ; въ другихъ—голосъ ея равенъ голосу мужчины; въ третьихъ – она только отвѣчаетъ на предлагаемые ей вопросы [1]).

Дальнѣйшая допущенная неопредѣленность въ важнѣйшемъ отношеніи—общественномъ представительствѣ двора—выражается въ томъ, что многотягольному двору предоставлено посылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, „если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ“... [2]). Мѣстныхъ обычаевъ этого рода, представляющихся всегда само собою неопредѣленными, не оказалось, правда, почти нигдѣ, судя, по крайней мѣрѣ, по даннымъ „Свода“. Крестьяне несклонны допускать сами усиленное представительство многотягольнаго двора, какъ могущее оказываться вреднымъ для общественныхъ интересовъ. Судя

---

[1]) Почти всѣ губернскія совѣщанія высказываются въ пользу прямаго предоставленія однообразнымъ закономъ крестьянской женщинѣ права участвовать въ сельскихъ сходахъ.

[2]) Общее положеніе, ст. 47.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

по даннымъ „Свода“, почти вездѣ установилось участіе и многотягольнаго двора на сходѣ въ лицѣ лишь одного представителя,—и по замѣчанію бессарабскаго губернскаго совѣщанія, это „представляется полезнымъ явленіемъ, такъ какъ препятствуетъ богатымъ и многоземельнымъ дворамъ усиливать на сходѣ свое вліяніе и такимъ путемъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ еще большее количество земли, въ ущербъ безземельнымъ членамъ общества“ [1]). Тѣмъ не менѣе, принципіальное допущеніе усиленнаго представительства многотягольнаго двора, все же, сказывается соотвѣтствующимъ образомъ... По словамъ самарскаго губернскаго совѣщанія, наблюдающееся иногда „участіе нѣсколькихъ членовъ отъ одного двора показываетъ умыселъ должностныхъ лицъ—набрать достаточное число голосовъ для приговора“ [2]). Такъ точно, по замѣчанію нижегородскаго совѣщанія,—„это ведетъ къ злоупотребленіямъ со стороны должностныхъ лицъ, направленнымъ къ тому, чтобы незаконный составъ схода сдѣлать законнымъ“ [3]). Слѣдовательно, должностныя лица сами создаютъ обычаи—что и вообще наблюдается въ той области, въ которой предоставлено дѣйствовать обычаю вмѣсто закона. „Неопредѣленность закона, предоставляющаго отъ дворовъ многотягольныхъ присылать болѣе одного крестьянина, дѣлаетъ иногда составъ схода произвольнымъ“,—замѣчаетъ, въ свою очередь, тульское губернское совѣщаніе, указывая на самое характерное и важное послѣдствіе настоящаго постановленія [4]).

Итакъ, осталось довольно неяснымъ, кто является законнымъ представителемъ крестьянскаго двора на сельскомъ сходѣ и въ какихъ предѣлахъ допускается это представительство. Въ то-же время неопредѣленному представителю крестьянскаго двора, на случай его продолжительной отлучки, предоставлено право передачи голоса однооб-

---

[1]) „Сводъ“, томъ I, 244.
[2]) Томъ I, 262.
[3]) Томъ I, 258.
[4]) Томъ I, 268.

щественнику, и допущено присутствіе на сходѣ лицъ съ двумя голосами, относительно которыхъ, къ вящей неопредѣленности состава сходовъ, можетъ возбуждаться еще больше сомнѣній, касающихся какъ лично подобныхъ представителей, такъ и тѣхъ, отъ которыхъ они получили свои голоса... Несомнѣнно, что уже по одному этому указываемое мѣропріятіе (послѣдовавшее не въ строго законодательномъ порядкѣ, а путемъ передачи прямо на Высочайшее утвержденіе изъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, минуя общее собраніе государственнаго совѣта) должно было оказаться однимъ изъ неудачнѣйшихъ. На практикѣ же оно было понято и стало примѣняться, какъ намъ извѣстно, въ смыслѣ обязательности для отлучающихся домохозяевъ передачи голоса однообщественникамъ, подъ угрозой невыдачи паспортовъ и съ ограниченіемъ права домохозяина уполномочивать на участіе въ сходкѣ кого-либо изъ членовъ своего семейства... Цѣлый рядъ губернскихъ совѣщаній высказался, однако, не только за оставленіе въ силѣ настоящаго постановленія, но и за узаконеніе самой указываемой практики, извращающей его смыслъ. Впрочемъ, губернскія совѣщанія, выступающія съ подобными предложеніями, совпадающими съ существующей практикой, не указываютъ на нее и, повидимому, не знаютъ также, что принудительная передача голоса совершается за плату, достигающую нѣсколькихъ рублей и составляющую новый довольно чувствительный налогъ въ ряду значительныхъ мірскихъ сборовъ и повинностей, обременяющихъ крестьянство. Нѣкоторыми совѣщаніями засвидѣтельствовано, однако, о неохотѣ передавать голоса, обнаруживаемой крестьянами, и о крайней осторожности, которую они справедливо считаютъ необходимымъ соблюдать въ этихъ случаяхъ,—между тѣмъ какъ выборъ лицъ, которымъ можно передавать голоса, представляется часто весьма ограниченнымъ [1]).

---

[1]) „Сводъ", томъ I, 262, 350.

Таковы существенные недостатки, наблюдающіеся относительно состава сходовъ. Не меньшіе недостатки представляетъ порядокъ дѣятельности сходовъ.

Такъ не опредѣлено съ достаточною точностью, какимъ большинствомъ голосовъ на сходѣ должны разрѣшаться тѣ или иныя дѣла, предоставленныя вѣдѣнію сельскаго общества, и не установлено вовсе законнаго состава сходовъ для разрѣшенія дѣлъ, требующихъ большинства двухъ третей домохозяевъ, числящихся въ обществѣ. Только изъ законодательныхъ мотивовъ можно съ нѣкоторою точностью вывести, что, опредѣляя, какъ-бы въ видѣ общаго правила, законный составъ схода въ числѣ не менѣе половины всѣхъ домохозяевъ общества съ участіемъ старосты, Общее Положеніе о крестьянахъ для нѣкоторыхъ дѣлъ требуетъ простого большинства голосовъ схода, въ такомъ составѣ собравшагося, для другихъ же—двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, числящихся въ обществѣ [1]). Во второмъ случаѣ предполагается, слѣдовательно, иной законный составъ схода, но какой именно—этого законъ не указываетъ,—придавая такимъ образомъ, ограниченный смыслъ приведенному правилу, имѣющему видъ общаго. Затѣмъ, и относительно волостного схода лишь изъ законодательныхъ мотивовъ можно вывести съ надлежащею точностью, что законный составъ для него устанавливается въ двѣ трети всѣхъ его членовъ, но что собственно для рѣшенія какихъ-либо дѣлъ не требуется такое большинство, и для законности приговоровъ по всѣмъ безъ исключенія предметамъ его вѣдѣнія достаточно простого большинства членовъ, явившихся въ составѣ не менѣе двухъ третей [2]). Изъ самаго текста закона (статья 79 Общаго Положенія съ ея ссылками на не болѣе ясныя постано-

[1]) „Матеріалы редакціонной комиссіи для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости", томъ II, изд. 2, 127, 128 и 135; часть XII, изд. 1, 8; часть XVIII, изд. 1, стр. 53 проекта Общ. Пол.

[2]) „Матеріалы редакціонной комиссіи:" томъ II, изд 2, кн. 2, стр. 127—128; часть XII, изд. 1, 9, часть XVIII, изд. 1, ст. 77 окончательнаго проекта Общ. Пол.

вленія о сельскихъ сходахъ), этого нельзя вывести съ желаемою ясностью и несомнительностью.—Отсюда же, равно какъ и изъ недостаточно яснаго и понятнаго для крестьянъ указанія, какія, именно, дѣла требуютъ на сельскомъ сходѣ простого большинства или большинства двухъ третей (отъ разныхъ величинъ)—надо полагать—возникло образованіе на практикѣ требованіе, чтобы подъ приговорами схода подписывались и согласные и несогласные съ сдѣланнымъ постановленіемъ, безъ обозначенія согласія и несогласія,—лишь бы было какъ можно больше подписей. Приговоры крестьянскихъ сходовъ, такимъ образомъ, всегда и почти повсемѣстно единогласны. Но это единогласіе—чисто искусственное, мертвое, лишающее возможности судить по приговорамъ о группировкѣ мнѣній и очень часто доказывающее даже, что въ пользу даннаго мнѣнія составилось простое законное большинство... Страннымъ образомъ,—въ „Сводѣ“ оказывается весьма мало данныхъ относительно настоящаго весьма важнаго недостатка, касающагося дѣятельности сходовъ. Между тѣмъ, неопредѣленность вопроса сказалась въ самой программѣ, по которой собирались и составлялись матеріалы „Свода“. Вопросъ 15-й программы именно показываетъ, что составители не уяснили себѣ, отъ какого числа домохозяевъ требуется большинство простое или двухъ третей,—упустили изъ вида, что число это неодинаково, что для дѣлъ, требующихъ большинства двухъ третей всѣхъ домохозяевъ сельскаго общества, не установлено законнаго состава схода [1]). Какъ-же тяжело должна отражаться въ жизни неопредѣленность въ столь важномъ отношеніи?—Какъ-же жизнь разбирается въ подобныхъ вопросахъ?

Далѣе, не установленъ съ необходимою точностью порядокъ голосованія вопросовъ на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, обезпечивающій сознательное и непремѣнное выраженіе каждымъ членомъ схода своего мнѣнія. Понятно, какой это огромный недостатокъ,—сколько до-

[1]) Томъ I, ст. IV.

пускаетъ онъ произвола въ формулировкѣ рѣшеній, принимаемыхъ сходами, и какъ мало иногда выражаютъ приговоры и съ этой стороны волю законнаго большинства... Нерѣдки нареканія, дѣлаемыя на крестьянъ по поводу вопіющихъ приговоровъ, постановляемыхъ на сходахъ. Но при этомъ упускается изъ вида, что случаи, вызывавшіе нареканія, вытекали именно изъ указываемаго недостатка въ отношеніи порядка производства дѣлъ на сходахъ. Упускается этотъ многообъясняющій недостатокъ и тогда, когда возникаетъ рѣчь о такъ называемыхъ „крикунахъ“, „вожакахъ“, на которыхъ мѣстами воздвигается гоненіе еще ранѣе, чѣмъ осуществятся предположенія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же губернскихъ совѣщаній— облечь земскаго начальника правомъ устранять со сходовъ лицъ „неблагонадежныхъ“... Е. Якушинъ, еще въ первомъ выпускѣ своего „Обычнаго права“, указалъ на противорѣчивыя мнѣнія о томъ, какимъ элементамъ принадлежитъ наибольшее вліяніе на крестьянскихъ сходахъ, и на необходимость, поэтому, особой осторожности, въ проектировавшихся уже въ семидесятыхъ годахъ мѣрахъ противъ нѣкоторыхъ категорій членовъ схода... Такъ—говорилъ онъ—„по мнѣнію однихъ, рѣшающій голосъ имѣютъ на сходахъ богатые крестьяне; по мнѣнію другихъ, главными дѣятелями и рѣшителями на сходахъ являются крестьяне, дурно ведущіе свое хозяйство и неплатящіе повинностей“ [1]). Противорѣчіе это, при случайности выражавшихся мнѣній, объясняется тѣмъ, что представители сходовъ, по наиболѣе громкимъ возгласамъ которыхъ составляются приговоры, дѣйствительно принадлежатъ не всегда къ однимъ и тѣмъ же элементамъ. Но существо положенія, свидѣтельствующее о крайнихъ недостаткахъ въ немъ, заключается не въ томъ, что на сходахъ получаютъ преобладаніе тѣ или иные элементы, а въ томъ, что—при настоящихъ условіяхъ, при отсутствіи всякаго порядка голосованія—приговоры сходовъ болѣе или менѣе случайны и не выражаютъ

[1]) Предисловіе, XXII.

мнѣній законнаго большинства членовъ, несмотря на то, что они кажутся единогласными, потому что бываютъ обыкновенно подписаны всѣми присутствовавшими. Слѣдовательно, необходимо установить правильный, твердый и постоянный порядокъ голосованія, а не воздвигать гоненія противъ „неблагонадежныхъ“ членовъ, какъ нынѣ особенно усердно предлагается... Иначе подъ понятіе о послѣднихъ могутъ подводиться и самые лучшіе, самые дѣятельные члены, и послѣдняя доля самостоятельности сходовъ будетъ убита вполнѣ. (На возможность этого и указалъ покойный А. Батуевъ въ вятскомъ губернскомъ совѣщаніи) [1]). При установленіи же опредѣленнаго порядка голосованія и при устраненіи передачи домохозяевами голоса, помимо членовъ своего двора, однообщественникамъ, являющимся въ такихъ случаяхъ съ двумя голосами, — у пресловутыхъ „горлановъ“ и „крикуновъ“ будетъ только по одному голосу и дѣла станутъ рѣшаться не ими, а всѣми членами схода. Для обезпеченія же свободы голосованія необходимо, безъ сомнѣнія, именно широкое примѣненіе закрытой подачи голосовъ [2]).

IV.

Таковы существенныя, главнѣйшія условія, которыми обставлены устройство и дѣятельность крестьянскаго самоуправленія. Понятно, что изъ нихъ должны неизбѣжно и необходимо вытекать—крайняя затруднительность правильнаго составленія общественныхъ приговоровъ и пол-

---

[1]) „Сводъ“, томъ I, 189.

[2]) Въ письмахъ изъ Англіи В. Короленко, печатавшихся въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1895 г., приведенъ любопытный примѣръ, доказывающій неудобства открытаго голосованія даже среди населенія съ болѣе развитымъ правосознаніемъ и искони самоуправляющагося. На одномъ собраніи для выбора членовъ въ приходскій совѣтъ, кандидатомъ былъ выставленъ эсквайръ. „Обычный способъ голосованія поднятіемъ рукъ оказался сначала не въ пользу этого кандидата; но когда онъ всталъ и пристально посмотрѣлъ на заднія скамьи, гдѣ сидѣли рабочіе,— немедленно же послѣ этого масса рукъ поднялась вверхъ“...

ная неустойчивость послѣднихъ, съ частою отмѣною ихъ, безконечными спорами, безвыходными положеніями... Въ „Сводѣ“ и имѣются на это весьма яркія указанія.

По словамъ архангельскаго губернскаго совѣщанія, приговоры сельскихъ обществъ, составленныхъ изъ множества далеко отстоящихъ одно отъ другого селеній,— „остаются дѣйствующими только до первой жалобы“. На многочисленныхъ сходахъ—говоритъ пермское совѣщаніе—„нѣтъ ни времени ни возможности провѣрить, въ законномъ ли составѣ разрѣшенъ тотъ или другой вопросъ,—и приговоры схода вписываются въ книгу уже на другой день, для подписанія же ихъ грамотные снова вызываются въ волость“. По повѣркѣ приговоровъ, оказывается иногда—замѣчаетъ полтавское губернское совѣщаніе—что „сельскій писарь, въ виду требованія ст. 54 Общ. Пол., для достиженія цифры двухъ третей голосовъ, вноситъ лицъ и не бывшихъ на сходѣ или даже умершихъ“. Такъ точно, по словамъ хорсонскаго губернскаго совѣщанія, мѣстныя сельскія власти вписываютъ иногда въ приговоры „отсутствующихъ неграмотныхъ, а иногда даже умершихъ, какъ присутствующихъ на сходѣ“. Въ Бессарабской губерніи,—„староста съ писаремъ ходятъ по домамъ и подписываютъ на приговорѣ членовъ общества не бывшихъ на сходѣ, и такимъ образомъ дополняютъ недостающее до законнаго состава число членовъ“. Въ нѣкоторыхъ многочисленныхъ обществахъ Екатеринославской губерніи,—„приговоры составлялись предварительно въ присутствіи лишь немногихъ лицъ, а затѣмъ подписывались членами схода, вызываемыми по одиночкѣ“. Въ большихъ обществахъ Орловской губерніи,—„дѣла вмѣсто схода рѣшаются нѣсколькими домохозяевами, а заранѣе составленные приговоры подписываюся по домамъ лицами, на сходѣ не бывшими“. Такія же явленія наблюдаются въ губерніяхъ Саратовской, Ярославской, Тамбовской и др.

Изъ всѣхъ описанныхъ условій видно, какія затрудненія должно представлять руководительство сходами и

какъ велика возможность всяческихъ злоупотребленій при руководителяхъ, прямо и существенно заинтересованныхъ въ постановленіи тѣхъ или иныхъ приговоровъ, въ признаніи ихъ правильными, дѣйствительными или подлежащими отмѣнѣ. Кому же присвоено закономъ руководительство на сходахъ? Именно такимъ лицамъ, совершенно неспособнымъ подчасъ сохранять необходимое безпристрастіе. На сельскихъ сходахъ предсѣдательствуетъ сельскій староста, а на волостныхъ—волостной старшина, кромѣ того только, что при учетѣ старосты предсѣдательство на сельскомъ сходѣ переходитъ къ волостному старшинѣ, а при учетѣ старшины—одному изъ старостъ. Такимъ образомъ, исполнительный органъ распорядительнаго установленія, зависящій отъ послѣдняго, дѣйствующій по его указаніямъ,—сдѣланъ руководителемъ этого самого установленія. Понятно, что должно выходить отсюда. На подобный недостатокъ, наблюдающійся въ области земскаго и городскаго самоуправленія, не одинъ разъ и обращалось вниманіе. Не замѣчался онъ до сихъ поръ только въ области крестьянскаго самоуправленія. Между тѣмъ, указываемое совмѣстительство представляется здѣсь еще менѣе удобнымъ и даетъ еще болѣе печальныя слѣдствія. Прежде всего, недостатокъ этотъ долженъ значительно усиливаться здѣсь уже отъ одной разсмотрѣнной крайне шаткой почвы, на которой покоится крестьянское самоуправленіе. Затѣмъ—что особенно важно—сельскіе старосты и волостные старшины вооружены весьма широкою административно-карательною властью надъ членами сходовъ, въ которыхъ они предсѣдательствуютъ [1]). Въ то же самое

[1]) Однимъ изъ доказательствъ крайней узкости и односторонности воззрѣній губернскихъ совѣщаній служитъ то, что почти всѣ они высказались за сохраненіе административно-карательной власти сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, а нѣкоторыя совѣщанія выразили даже желательность усиленія этой власти... Между тѣмъ, она окончательно отжила, не соотвѣтствуетъ личнымъ правамъ крестьянъ, которыя должны быть предоставлены имъ, какъ свободнымъ гражданамъ государства, и—приводитъ обыкновенно къ однимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ. До сихъ поръ нерѣдки случаи, когда старшина или староста грозитъ арестомъ или штрафомъ лицу, выражающему на сходѣ непріятное для него мнѣніе..

время сами они находятся на всей волѣ ближайшаго начальства,—земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ.

Если прибавить ко всему этому подневольный характеръ службы выборныхъ должностныхъ лицъ и тяжесть ея условій, выражающуюся въ пребываніи подъ постояннымъ перекрестнымъ огнемъ различныхъ взысканій по неисполненію или „неправильному“ исполненію многочисленныхъ неопредѣленныхъ, сложныхъ и произвольно налагаемыхъ обязанностей, — то картина крестьянскаго самоуправленія пріобрѣтетъ печальную полноту... Важнѣйшее необходимое свойство самоуправленія *самостоятельность*, будучи принципіально выражена, оказывается, при такихъ условіяхъ, въ дѣйствительности, крайне ограниченною, открытою для всевозможныхъ нарушеній... Дѣло доходитъ нерѣдко прямо до составленія приговоровъ безъ всякаго участія сходовъ, по простому приказанію начальства,—до прямого давленія на сходы, до сознательнаго употребленія властями незаконныхъ средствъ... Въ Могилевской губерніи, по словамъ мѣстнаго совѣщанія, — „приговоры сходовъ составляются весьма часто прямо по предписаніямъ начальства, иногда вопреки волѣ сходовъ, какъ, напримѣръ, было въ Сѣнненскомъ уѣздѣ, при неудачной попыткѣ къ улучшенію скотоводства путемъ заведенія при волостныхъ правленіяхъ племенныхъ быковъ. Въ Витебской губерніи, „раскладочные приговоры составляются волостными писарями весьма часто безъ всякаго участія крестьянъ“. Въ Полтавской губерніи, — „должностныя лица, которымъ приходится обращаться къ сходу за разрѣшеніемъ вопросовъ,—или прямо приказываютъ сходу постановить извѣстный приговоръ, или же поручаютъ волостному старшинѣ предварительно переговорить съ болѣе вліятельными членами схода и подготовить ихъ къ разрѣшенію своего предположенія; остальная толпа безпрекословно идетъ за вожаками. Въ Минской губерніи,—„выборы должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія производятся повсемѣстно подъ

личнымъ наблюденіемъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій“ [1]). Въ чемъ же выражется это наблюденіе? Можно полагать,—въ томъ же, на что, какъ на нормальное явленіе, указываетъ могилевское совѣщаніе. Послѣднее же свидѣтельствуетъ: „въ Могилевской губерніи, чтобы добиться удачныхъ выборовъ, нерѣдко учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ приходится примѣнять не совсѣмъ законные способы, производя давленіе на сходъ“ [2]).

Такъ стояло дѣло, большею частью, уже до введенія законоположеній 12 іюля 1889 г., и такъ стоитъ оно въ губерніяхъ, гдѣ названныя законоположенія еще не введены. Понятно, что должны представлять собою крестьянскіе сходы въ настоящее время въ губерніяхъ, гдѣ введены законоположенія 12 іюля 1889 г.—при наблюдающемся участіи въ нихъ земскаго начальника въ роли всесильнаго предсѣдателя, съ административно-карательною властью надъ должностными лицами и обыкновенными членами сходовъ и съ послѣдующимъ огромнымъ вліяніемъ на общественные приговоры,—съ правомъ ихъ просматривать, утверждать, провѣрять, представлять къ отмѣнѣ, пріостанавливать въ исполненіи и—опять участвовать въ уѣздномъ съѣздѣ при разрѣшеніи вопросовъ о нихъ... Тутъ вмѣшательство должно представляться и—судя по многочисленнымъ даннымъ (даваемымъ, однако, не „Сводомъ“) — представляется, въ особенности при личномъ присутствіи земскихъ начальниковъ на сходахъ,—безграничнымъ, уничтожающимъ послѣдніе остатки самостоятельности, необходимой для каждаго вида самоуправленія.

Какъ же можно, при всѣхъ такихъ условіяхъ, обвинять самихъ крестьянъ въ различныхъ, нерѣдко наблюдающихся, неблагопріятныхъ явленіяхъ въ средѣ ихъ самоуправленія? Что удивительнаго, если все крестьянское общественное управленіе, при полномъ забвеніи своихъ истинныхъ задачъ, обратилось на служеніе, главнымъ образомъ, финан-

[1]) Томъ I, 550.
[2]) Томъ I, 551.

совымъ видамъ,—превратилось въ даровые органы финансоваго управленія, раскладывающіе и взыскивающіе различные многочисленные и обременительные сборы еще болѣе примитивными способами, чѣмъ тѣ, какіе указаны для этого въ законѣ? [1]).

V.

Реформа существенно необходима... Какая,—въ какомъ направленіи? Кажется, это ясно. Она должна совершиться не въ томъ направленіи, въ какомъ проектируется,—не въ направленіи усиленія вліянія администраціи, сокращенія самостоятельности сходовъ, превращенія сельскихъ подворныхъ сходовъ въ сходы выборныхъ и пр. Желательны и не одни частичныя постатейныя измѣненія въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о крестьянскомъ самоуправленіи. Реформа должна быть общая, широкая, систематическая, способная исправить разомъ и радикально всѣ недостатки нынѣшняго положенія, обновить сельскую общественную жизнь, обезпечить послѣдней правильное удовлетвореніе ея насущныхъ потребностей, вопіющихъ нуждъ.

Кончимъ же тѣмъ, съ чего начали: крестьянское самоуправленіе должно быть сдѣлано самостоятельнымъ, и самостоятельность его должна быть обезпечена надлежащими органическими мѣрами: возможно широкимъ распространеніемъ народнаго образованія и развитіемъ правосознанія въ массѣ населенія, путемъ школъ, библіотекъ, читаленъ, чтеній; поднятіемъ уровня самоуправляющагося населенія, путемъ введенія въ его составъ лицъ всѣхъ сословій, безъ исключенія, съ спеціальнымъ устраненіемъ вмѣшательства чиновниковъ въ дѣятельность органовъ самоуправленія и точнымъ опредѣленіемъ юридическаго положенія крестьянъ на началахъ равноправности съ дру-

---

[1]) См. многочисленныя и весьма яркія иллюстраціи по этому предмету въ изданіи министерства финансовъ — „Существующій порядокъ взысканія окладныхъ сборовъ съ крестьянъ".

гими сословіями и съ полнымъ примѣненіемъ законности ко всѣмъ ихъ дѣламъ, отношеніямъ и установленіямъ. А такъ какъ матеріалы, представленные въ настоящее время уѣздными комиссіями и совѣщаніями, для составленія проекта реформы, неполны, отрывочны, односторонни, какъ по свойству программы, по которой они создавались, такъ и по чиновничьему, сословно-дворянскому составу комиссій и совѣщаній,—то необходимо выработать новую программу, организовать спеціальныя изслѣдованія на мѣстахъ юридическаго положенія крестьянъ, создать особое періодическое изданіе для скорѣйшаго обнародованія новыхъ матеріаловъ и, наконецъ, призвать къ обсужденію и составленію проекта крестьянской реформы общественныя силы, безпристрастный, истинно-доброжелательный къ народу общественный элементъ.

Однимъ изъ способовъ обращенія къ общественному элементу въ настоящемъ дѣлѣ должна быть передача проектовъ преобразованій на обсужденіе сельскихъ и волостныхъ сходовъ. При этомъ желательно, чтобы къ участію въ сходахъ, созванныхъ для этой цѣли, были допущены лица всѣхъ сословій, проживающія въ каждомъ данномъ околодкѣ.

Можетъ ли земскій начальникъ присутствовать на крестьянскихъ сходахъ? [1]).

Можетъ ли земскій начальникъ присутствовать на сельскихъ и волостныхъ сходахъ? Безъ сомнѣнія,—нѣтъ,—не можетъ. Отрицательный же отвѣтъ на этотъ вопросъ означаетъ также, что тѣмъ менѣе можетъ земскій начальникъ участвовать въ крестьянскихъ сходахъ съ правомъ голоса и, еще менѣе, въ качествѣ предсѣдателя.

Все это явствуетъ уже изъ одного существа самоуправленія, какъ извѣстной формы мѣстнаго управленія,

---

[1]) Первоначально статья эта была напечатана въ іюльской книжкѣ „Новаго Слова“ за 1897 г.

въ которой государственною властью предоставляется самому населенію—свободно, самостоятельно, независимо—вѣдать свои собственныя опредѣленныя дѣла, нужды и пользы. Вмѣшательство административной власти въ дѣятельность органовъ самоуправленія противорѣчило бы самому существу этой формы управленія, совершенно извращало бы, и даже вовсе упраздняло бы самоуправленіе... Правда, правительственной власти оставляется надзоръ за дѣятельностью органовъ самоуправленія. Но надзоръ этотъ никогда не облекается и не можетъ облекаться въ форму личнаго присутствованія чиновниковъ въ собраніяхъ самоуправляющагося населенія. Предполагающійся тутъ надзоръ выражается лишь въ правѣ просмотра рѣшеній, свободно и самостоятельно постановляемыхъ органами самоуправленія, въ утвержденіи или отмѣнѣ этихъ рѣшеній, но и то почти исключительно по формальнымъ поводамъ (съ точки зрѣнія компетенціи, законнаго состава, соблюденія установленныхъ правилъ и пр.). Этимъ и ограничиваются отношенія между правительственными учрежденіями и органами самоуправленія,—въ сферѣ, спеціально отмежеванной послѣднимъ [1]).

Таковы непремѣнныя, необходимыя свойства и условія

---

[1]) Нельзя не привести по этому поводу недавняго разъясненія сената по дѣлу, возбужденному С.-Петербургскою городскою думою, вслѣдствіе того, что въ 1894 г. бывшій градоначальникъ фонъ-Валь дважды призналъ необходимымъ предложить городскому головѣ снять съ повѣстки дѣла, назначенныя къ слушанію въ засѣданіи думы (оба раза рѣчь шла о служебномъ положеніи и правахъ предсѣдателя исполнительной комиссіи по народному образованію) Признавъ неправильными эти распоряженія бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника, Сенатъ именно разъяснилъ теперь, что, по городовому положенію, градоначальникамъ и губернаторамъ не предоставлено снимать съ очереди дѣла, назначенныя къ слушанію въ городской думѣ, что всѣ распоряженія по назначенію тѣхъ или другихъ дѣлъ къ слушанію въ думѣ принадлежатъ городскому головѣ, какъ отвѣтственному предсѣдателю думскихъ собраній; надзоръ же губернатора выражается лишь въ наблюденіи за правильностью и законностью „послѣдовавшихъ“ уже постановленій городскихъ думъ и въ опротестованіи тѣхъ изъ нихъ, которыя губернаторъ признаетъ несогласными съ закономъ или нарушающими общіе государственные или мѣстные пользы и интересы („Юридическая Газета“, № 34, отъ 8 мая 1897 г).

самоуправленія. Безъ нихъ оно немыслимо. По тѣснѣйшей же связи своей съ существомъ самоуправленія, эти условія примѣняются ко всякому виду самоуправленія,— общественнаго (городского и земскаго), сословнаго, корпоративнаго.

Крестьяское самоуправленіе, въ свою очередь, не поставлено въ исключительное положеніе. Не смотря на всѣ предполагаемыя „особенности“ „простоту“ „патріархальность“ крестьянскаго быта и „мѣстныя условія“, подъ предлогомъ которыхъ относительно крестьянства до сихъ поръ допускается многое, что немыслимо по отношенію къ другимъ сословіямъ,—въ настоящемъ отношеніи, законодательство наше осталось вѣрнымъ приведенному теоретическому началу, какъ непреложному. Имъ весьма ясно выражена самостоятельность дѣятельности сельскихъ и волостныхъ сходовъ, и если буквою положенія о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 г. усиленъ надзоръ надъ сходами, то лишь въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыхъ онъ существовалъ и раньше, и допускается вообще относительно органовъ самоуправленія.

Коль скоро-же сельскіе и волостные сходы самостоятельны вообще по отношенію ко всѣмъ административнымъ установленіямъ, и присутствованіе на нихъ, въ особенности же участіе какихъ-либо представителей послѣднихъ недопустимо,—то тѣмъ менѣе допустимо оно для земскаго начальника. Ибо, съ одной стороны, послѣдній облеченъ правомъ надзора относительно сходовъ въ опредѣленныхъ закономъ формахъ, и присутствованіе или участіе его устраняло бы эти самыя законныя формы, дѣлало бы ихъ излишними; съ другой же стороны, земскій начальникъ обладаетъ дисциплинарною властью, какъ надъ должностными лицами крестьянскаго самоуправленія, такъ и надъ обыкновенными членами сходовъ, и при такомъ условіи присутствованіе или участіе его въ сходахъ становилось бы уже совершенно подавляющимъ, подрывающимъ въ корнѣ самую идею самоуправленія, упразд-

няющимъ дарованное закономъ крестьянамъ самоуправленіе...

Что земскій начальникъ не имѣетъ права даже присутствовать на сходахъ, вытекаетъ со всею ясностью и изъ дальнѣйшихъ частныхъ соображеній, касающихся созданныхъ закономъ отношеній между нимъ и органами крестьянскаго самоуправленія.

Прежде всего, законъ ни однимъ словомъ и ни на какой случай не установляетъ, да, какъ видно, и не можетъ установлять, за земскимъ начальникомъ права присутствовать на сходахъ. А по существу положенія, то, что не дозволено закономъ земскому начальнику прямо въ отношеніи крестьянскаго самоуправленія, то воспрещено. Земскій начальникъ можетъ, по закону, предлагать волостнымъ сходамъ отъ себя — обсудить нѣкоторые вопросы, входящіе въ предѣлы ихъ вѣдомства. Но отсюда вовсе, конечно, не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ участвовать въ обсужденіи собственныхъ предложеній, или же присутствовать при этомъ. Наоборотъ, тутъ предполагается обезпеченною извѣстная необходимая свобода дѣйствій сходовъ. Въ его присутствіи она исчезала бы совершенно... Ставя, далѣе, сходы подъ контроль земскаго начальника, законъ предписываетъ только передачу на разсмотрѣніе или утвержденіе его приговоровъ по нѣкоторымъ опредѣленнымъ дѣламъ и предоставляетъ ему право разсматривать приговоры по всѣмъ прочимъ дѣламъ, облекаемые въ письменную форму; при этомъ же ему вмѣняется въ обязанность представлять въ уѣздный съѣздъ къ отмѣнѣ приговоры, съ которыми онъ несогласенъ или въ которыхъ онъ, непосредственно или по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ, усматриваетъ нарушеніе законовъ, или интересовъ крестьянскаго общества, или правъ отдѣльныхъ членовъ послѣдняго,—съ пріостановленіемъ въ подобныхъ случаяхъ исполненія подлежащихъ приговоровъ. Въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ установляется также закономъ повѣрка земскимъ начальникомъ состоявшихся постановленій сходовъ. Въ такихъ случаяхъ — можно

допустить — предполагается и присутствованіе его на слѣдующихъ, особо созываемыхъ для этого собраніяхъ лицъ, подписавшихъ данный приговоръ, для опроса всѣхъ ихъ сообща, — если онъ найдетъ нужнымъ примѣнить именно такой способъ повѣрки приговора, а не опросъ отдѣльно каждаго изъ числа членовъ схода, участвовавшихъ въ составленіи провѣряемаго постановленія. Затѣмъ, земскому начальнику предоставляется подвергать опредѣленнымъ административнымъ взысканіямъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи приговоровъ незаконныхъ (въ смыслѣ нарушенія предѣловъ вѣдомства и власти сходами). Такимъ образомъ, какъ ни широко отношеніе земскаго начальника къ дѣятельности органовъ крестьянскаго самоуправленія, тѣмъ не менѣе, оно ограничивается все же приговорами сходовъ, уже составленными самостоятельно, свободно и даже подчасъ приведенными въ исполненіе. Ни одно дѣло не можетъ быть разрѣшено въ присутствіи и при участіи земскаго начальника.

Да и какой смыслъ имѣли бы контроль земскаго начальника и право принесенія ему жалобъ на постановленія сходовъ, если-бъ онъ могъ присутствовать на нихъ или, тѣмъ болѣе, участвовать въ составленіи приговоровъ? Онъ судилъ бы самого себя! Какъ могъ бы онъ контролировать учетъ старосты или старшины, коль скоро самъ же былъ на этомъ учетѣ, самъ же его и производилъ, и кто былъ бы отвѣтственъ въ случаѣ неправильности произведеннаго учета? Какъ и кому могла бы быть принесена жалоба на неправильные выборы старшины, коль скоро эти выборы происходили при участіи земскаго начальника? Въ какой роли могъ бы, затѣмъ, земскій начальникъ присутствовать на сходѣ, какъ не въ роли всесильнаго предсѣдателя,—роли, рѣшительно не имѣющей основанія въ законѣ и совершенно непримиримой съ функціей собранія, свободно обсуждающаго свои собственныя дѣла? [1]). Въ какомъ положеніи были бы въ то

[1]) Очень естественно, что наблюдающееся на дѣлѣ участіе земскихъ начальниковъ въ крестьянскихъ сходахъ рисуетъ ихъ

же время единственно указанныя закономъ въ качествѣ предсѣдателей сходовъ сельскіе старосты и волостные старшины? Они были бы низведены въ такомъ случаѣ до роли обыкновенныхъ, заурядныхъ членовъ сходовъ. Въ какомъ положеніи находился бы самъ земскій начальникъ въ административномъ присутствіи уѣзднаго съѣзда при обсужденіи дѣлъ о приговорахъ сходовъ, состоявшихся при его участіи, при его предсѣдательствѣ, подъ его давленіемъ, и, обратно, въ какомъ отношеніи оказывался бы къ нему съѣздъ въ такихъ случаяхъ? Законъ, безъ сомнѣнія, точно и опредѣленно предписывалъ бы, по крайней мѣрѣ, обязательное устраненіе земскаго начальника отъ участія въ съѣздѣ при обсужденіи подобныхъ дѣлъ, если-бъ только предполагалъ и допускалъ непосредственное участіе его въ дѣятельности сходовъ. Далѣе, за приговоры незаконные члены сходовъ подвергаются отвѣтственности передъ земскимъ начальникомъ, или же предаются суду. Но какъ могли бы они быть привлечены къ отвѣтственности передъ земскимъ начальникомъ, коль скоро самъ онъ оказался бы участникомъ постановленія незаконнаго приговора? Съ другой стороны, какое странное явленіе представляло бы преданіе его суду вмѣстѣ съ членами сходовъ! Въ первомъ случаѣ, за собственную и важнѣйшую вину онъ могъ бы карать другихъ... Во второмъ же случаѣ, возникающемъ только при нѣсколько большей важности дѣла, судъ долженъ былъ бы особо строго карать уже его самого и оправдывать или смягчать вину членовъ схода, какъ дѣйствовавшихъ подъ его давленіемъ... Можетъ ли законъ допускать подобныя явленія и положенія или—что одно и то же—допускать участіе земскаго начальника въ дѣятельности крестьянскихъ сходовъ? Очевидно, нѣтъ. Наконецъ, какимъ образомъ крестьянскіе сходы могли бы осуществлять свое

именно, какъ предсѣдателей.. Намъ извѣстенъ случай, когда земскій начальникъ, не имѣя возможности быть лично на сельскомъ сходѣ и не надѣясь на старосту, а, между тѣмъ, желая провести одно дѣло согласно съ своими цѣлями, поручилъ предсѣдательствовать на этомъ сельскомъ сходѣ волостному старшинѣ...

право жаловаться на дѣйствія земскаго начальника, коль скоро, присутствуя при обсужденіи ими дѣлъ, онъ заграждаль бы уста членамъ сходовъ? Вообще, допустить присутствіе земскаго начальника на сходахъ и участіе въ ихъ дѣятельности значило бы допустить рядъ невообразимыхъ, несообразныхъ, безвыходныхъ положеній... Ясно, что такое участіе ни въ какомъ случаѣ не предполагается...

Неимѣніе земскимъ начальникомъ права даже просто присутствовать на сходахъ, вытекая изъ самаго существа и назначенія самоуправленія и изъ всѣхъ установленныхъ закономъ отношеній между земскимъ начальникомъ и крестьянскими сходами, подтверждается и сопоставленіемъ общаго духа и нѣкоторыхъ относящихся сюда частныхъ постановленій дѣйствующаго права, касающихся другихъ существующихъ у насъ видовъ самоуправленія. Ни въ дворянскихъ, ни въ земскихъ, ни въ городскихъ собраніяхъ не могутъ участвовать представители мѣстной полицейской или правительственной власти, хотя бы, по своему имущественному цензу, они и имѣли на это право. Не могутъ они и присутствовать въ засѣданіяхъ совѣщательныхъ или исполнительныхъ органовъ упоминаемыхъ видовъ общественнаго и сословнаго самоуправленія. Такимъ образомъ, губернаторъ только открываетъ, напримѣръ, губернское земское собраніе, но затѣмъ немедленно удаляется, предоставляя ему свободу обсужденія въ предѣлахъ закона. То же самое, безъ сомнѣнія, должно быть и въ отношеніи крестьянскихъ сходовъ. Земскому начальнику не предоставляется даже права и открывать эти сходы. Волостные сходы созываются еще съ вѣдома и согласія земскаго начальника. Но для сельскихъ сходовъ не требуется и этого.

Наконецъ, обращаясь къ прежнимъ постановленіямъ о крестьянскомъ самоуправленіи, созданнымъ по проектамъ графа Киселева, мы видимъ, что чиновникамъ палаты государственныхъ имуществъ и окружнымъ начальникамъ прямо воспрещалось участвовать въ совѣщаніяхъ

государственныхъ крестьянъ на сельскомъ сходѣ [1]). То же самое ясно вытекаетъ изъ прежнихъ постановленій о волостныхъ сходахъ. Можно ли предположить, что законъ допускаетъ какое-либо участіе въ дѣятельности органовъ крестьянскаго самуправленія въ новѣйшее время,—время значительно большаго развитія самоуправленія и общественной самодѣятельности и повышенія уровня самого крестьянства? Конечно, нѣтъ. Новѣйшій законъ, отличаясь краткостью своихъ опредѣленій, не выражаетъ прямого воспрещенія относительно присутствованія чиновниковъ на крестьянскихъ сходахъ или участія въ нихъ только потому, что считаетъ это ясно и само собою подразумѣвающимся, съ несомнѣнностью вытекающимъ изъ его духа, общаго смысла и всѣхъ уже довольно многочисленныхъ опредѣленій, относящихся до различныхъ видовъ развившагося самоуправленія.

II.

Но какъ ни ясенъ теоретически настоящій вопросъ,—практика разрѣшаетъ его, однако, какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ... Практика нынѣшнихъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ не желаетъ знать юридическое существо извѣстнаго установленія и рѣдко справляется съ общимъ духомъ законовъ [2])... Она опредѣляется больше своеобразными обычаями, нежели законами... Отсутствіе же контроля надъ лицами, создающими произвольную практику, лишаетъ ихъ и руководящихъ указаній со стороны высшей

---

[1]) Сводъ законовъ, изд. 1857 г., томъ II, часть первая, общее учрежденіе губерній, ст. 501.

[2]) Впрочемъ, изъ „Свода заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ", видно, что неимѣніе земскимъ начальникомъ права присутствовать на сходахъ и невозможность и несообразность участія его даже въ дѣлахъ, требующихъ наиболѣе близкаго надзора, какъ слишкомъ сильно затрогивающихъ существеннѣйшіе интересы отдѣльныхъ лицъ,—довольно ясно сознаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ, самарское губернское совѣщаніе,—для дѣйстви-

власти [1]). Быть можетъ, и прямое (подобное существовавшему прежде относительно государственныхъ крестьянъ), обращенное къ земскимъ начальникамъ, запрещеніе закономъ личнаго присутствія и участія въ крестьянскихъ сходахъ не привело бы ни къ чему при настоящихъ условіяхъ... Тѣмъ естественнѣе, что при нынѣшнемъ, подразумѣваемомъ лишь, хотя и довольно ясно, воспрещеніи этого рода, на дѣлѣ, въ жизни, сплошь и рядомъ постоянно наблюдается личное присутствіе земскихъ начальниковъ на крестьянскихъ сходахъ и широкое вмѣшательство ихъ въ дѣятельность всѣхъ органовъ сельскаго и волостного самоуправленія...

Нѣсколько преступныхъ дѣяній, вмѣненныхъ впослѣдствіи въ вину земскому начальнику Харьковской губерніи, Протопопову, были совершены имъ на сходахъ: на сельскомъ сходѣ именно онъ грозилъ—„перебить половину“ собравшихся домохозяевъ (всѣхъ было около семисотъ), если будетъ продолжаться шумъ; на сельскомъ сходѣ угрожалъ онъ крестьянамъ, которые будутъ обращаться къ нему съ жалобами и прошеніями, что—„жалобы будутъ на мордѣ, а прошенія на задней части тѣла“; на сельскомъ сходѣ онъ объявилъ, что каждаго совершившаго похищеніе или не уважающаго родителей и старшихъ—будетъ „до суда жестоко бить“; на сельскомъ же сходѣ Протопоповъ ударилъ палкою крестьянина Старченко... чѣмъ, въ концѣ концовъ, вызвалъ наступленіе на себя всего схода... Далѣе, смоленскій губернаторъ, въ отчетѣ своемъ о ревизіи за 1892—1893 гг. подвѣдомственныхъ установленій, почелъ даже нужнымъ

тельности приговоровъ объ удаленіи вредныхъ и порочныхъ членовъ (право, которое слѣдовало бы совершенно отмѣнить), именно предлагаетъ установить закономъ присутствованіе на сходахъ земскаго начальника при составленіи подобныхъ приговоровъ; при этомъ же совѣщаніе прибавляетъ: „однако, не въ качествѣ предсѣдателя и безъ права голоса“ (томъ I, 457)

[1]) Извѣстно, что самое законодательство 12 іюля 1889 г. значительно ограничило участіе правительствующаго сената въ крестьянскихъ дѣлахъ тѣхъ губерній, гдѣ введены земскіе участковые начальники.

особо разъяснить, что менѣе всего способствуютъ усиленію вліянія земскаго начальника на сходѣ—штрафы, внушенія и аресты за возраженія ему: такъ, слѣдовательно, широко практиковалось въ Смоленской губерніи участіе земскихъ начальниковъ въ крестьянскихъ сходахъ [1])... Указывалось также, что земскіе начальники подвергали дисциплинарному взысканію членовъ сходовъ, высказывавшихся противъ прибавки жалованья писарю... Цѣлымъ рядомъ вопіющихъ фактовъ засвидѣтельствовано о томъ давленіи, которое производилъ на сходы саратовскій земскій начальникъ Жеденевъ, стрѣлявшій потомъ въ редактора „Недѣли“ М. Меньшикова по поводу обличеній, появившихся въ газетѣ касательно его... Прежній хроникеръ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, посѣтившій потомъ „жеденевское царство“, какъ онъ назвалъ участокъ Жеденева,—былъ на сельскомъ сходѣ въ сосѣднемъ участкѣ въ присутствіи земскаго начальника Михайлова, хотя и нисколько не похожаго на своего бывшаго сосѣда, но своимъ присутствіемъ за особымъ столомъ и съ знакомъ своей должности, несомнѣнно, производившаго давленіе и на сходъ поселянъ-собственниковъ, бывшихъ колонистовъ, о которомъ шла рѣчь,—несмотря на ихъ нерусскую самостоятельность и на всѣ особенности, поразившія автора въ „саратовской заграницѣ“ [2])...

---

[1]) „Юридическая Газета“, № 41 за 1894 г.

[2]) „Биржевыя Вѣдомости“, 2-е изд., № 164 за 1896 г.—Авторъ замѣтилъ здѣсь, между прочимъ, что онъ могъ присутствовать на сельскомъ сходѣ.. „съ любезнаго разрѣшенія земскаго начальника“... Нельзя не пожалѣть о подобномъ замѣчаніи популярнаго хроникера. Многочисленнымъ читателямъ его оно могло подать поводъ думать, что присутствовать на крестьянскихъ сходахъ можно только съ разрѣшенія земскихъ начальниковъ,—не всегда отличающихся любезностью Михайлова. Подобный же выводъ былъ бы весьма печаленъ, въ виду того забвенія, въ которомъ и такъ находятся эти сходы, и благодаря которому почти совсѣмъ нѣтъ въ литературѣ описаній и картинъ дѣятельности этихъ органовъ крестьянскаго самоуправленія... Къ счастью, однако, это совсѣмъ не такъ Какъ мы видѣли, самъ земскій начальникъ не имѣетъ права присутствовать на сходахъ. Въ то же самое время крестьянскіе сходы—публичны, и для присутствованія на нихъ нѣтъ никакой надобности въ чьемъ-либо разрѣшеніи. Пу-

Наконецъ, помимо указаній на отдѣльныя мѣстности, дѣлаются общія замѣчанія объ участіи земскаго начальника въ сельскихъ и волостныхъ сходахъ и о давленіи на крестьянъ, которое неразрывно соединено съ этимъ участіемъ,—какъ объ явленіяхъ широко распространенныхъ... Такъ хроникеръ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, г. „Не-

---

бличность собраній твердо установилась по отношенію ко всѣмъ общественнымъ и сословнымъ установленіямъ,—земскимъ, городскимъ, дворянскимъ, мѣщанскимъ, ремесленнымъ, казачьимъ и пр Она весьма твердо и ясно выражена въ самомъ законѣ. Существуютъ особыя „правила о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ“, установляющія публичность всѣхъ подразумѣвающихся тутъ собраній общественнаго и сословнаго самоуправленія (томъ II, общее учрежденіе губернское, изд 1892 г, ст 179—191). Относительно крестьянскихъ—сословныхъ, по своему составу,—собраній не сдѣлано въ законѣ никакого исключенія. Иначе и быть не могло: къ крестьянскимъ сходамъ публичность и гласность подлежатъ еще болѣе широкому примѣненію, такъ какъ, съ одной стороны, ихъ сословныя дѣла имѣютъ нерѣдко много точекъ соприкосновенія съ интересами всего мѣстнаго населенія, и вопросъ о всесословности сходовъ жизнь, безъ сомнѣнія, рѣшитъ въ утвердительномъ смыслѣ, съ другой же,—самая обстановка сходовъ, происходящихъ нерѣдко подъ открытымъ небомъ, приводитъ необходимо къ ихъ публичности. Если бы кто-нибудь сдѣлалъ замѣчаніе, что ему пришлось быть въ городской думѣ, въ земскомъ, дворянскомъ, мѣщанскомъ или ремесленномъ собраніи.. „съ любезнаго разрѣшенія“.. какого-либо должностного лица,—то подобное замѣчаніе встрѣчено было бы, конечно, съ крайнимъ недоумѣніемъ... Еще большее недоумѣніе должно было бы вызвать приведенное замѣчаніе г. Далина. Разрѣшать или не разрѣшать присутствовать постороннимъ лицамъ на сходахъ „своихъ“ крестьянъ могъ только помѣщикъ, отъ котораго зависѣло и допускать или не допускать самые эти сходы. Но нынѣшніе крестьянскіе сходы со своей обширною компетенціею подчинены закону, и самостоятельность ихъ ограждена отъ самого земскаго начальника. Замѣчаніе г. Далина—конечно, случайное, за правильность котораго онъ стоять, безъ сомнѣнія, не будетъ—не вызвало, однако, какъ кажется, никакого недоумѣнія, не обратило на себя въ свое время вниманія. Почему? Безъ сомнѣнія, по одной непривычкѣ для лицъ другихъ сословій посѣщать крестьянскіе сходы, по совершенной новизнѣ этого дѣла, потому что эти сходы кажутся чуждыми, далекими, будучи на самомъ дѣлѣ очень близки всѣмъ и представляя общій и глубокій интересъ... Сами крестьяне смотрятъ на свои сходы и установленія, какъ на строго публичные, для всѣхъ и невозбранно открытые Крестьянство живетъ на улицѣ; на улицу, на „міръ“, на судъ всѣхъ добрыхъ людей выносится у него все. Улица, со всѣхъ концовъ открытая, вершитъ у него множество дѣлъ... Вопросъ, можно ли присутствовать на сходѣ, обращенный къ крестьянину, очень и неподдѣльно изумилъ бы его. Онъ не можетъ предста-

зависимый", дѣлаетъ подобныя замѣчанія,—повидимому, на основаніи значительнаго количества данныхъ, полученныхъ имъ въ свое распоряженіе. „На сельскихъ сходахъ предсѣдательствовать долженъ староста, а не волостной старшина,—говоритъ онъ.—На самомъ же дѣлѣ, дѣйствительнымъ предсѣдателемъ и руководителемъ схо-

---

вить себѣ, чтобы для этого нужно было бы чье-либо разрѣшеніе . Публичность крестьянскихъ сходовъ и фактически, и юридически существовала еще до изданія упомянутыхъ „правилъ", въ которыхъ они также подразумѣваются. Всѣ, вообще, крестьянскія установленія представляютъ собою весьма любопытный и подлежащій дальнѣйшему развитію, какъ оправданный опытомъ, примѣръ публичной дѣятельности административныхъ учрежденій Положеніемъ о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ 19 февраля 1861 г. предписано было мировымъ посредникамъ и уѣзднымъ мировымъ съѣздамъ разрѣшать публично, при открытыхъ дверяхъ, чисто административныя дѣла Волостныя и сельскія управленія, въ свою очередь, сами собою стали разрѣшать такъ всѣ свои многочисленныя дѣла Присутствіе волостного правленія всегда и для всѣхъ открыто. Тутъ всѣ—и власти, и граждане Волостной старшина принимаетъ прошенія, жалобы по подвѣдомственнымъ ему дѣламъ,—и тутъ же, при всѣхъ, требуетъ по нимъ справокъ, чинитъ разбирательство постановляетъ рѣшеніе, отдаетъ разныя распоряженія Постороннія присутствующія лица какъ бы принимаютъ при этомъ даже участіе въ дѣятельности власти, вставляютъ свои замѣчанія, возбуждаютъ разные вопросы, даютъ свѣдѣнія, необходимость въ которыхъ тутъ же обнаружилась, и помогаютъ движенію дѣла. Никого это не стѣсняетъ. Подобный порядокъ кажется всѣмъ вполнѣ естественнымъ, нормальнымъ, желательнымъ,—и несомнѣнно, что онъ послужилъ въ значительной степени къ пользѣ для дѣла. При иныхъ условіяхъ, при отсутствіи публичности, дѣятельность крестьянскихъ властей, несомнѣнно, представляла бы гораздо больше различныхъ недостатковъ, принимала бы болѣе грубыя формы, допускала бы произволъ въ большей мѣрѣ. Отдавая теперь себѣ отчетъ въ томъ, что пришлось видѣть и чувствовать за десятки разъ посѣщеній волостныхъ судовъ и сельскихъ и волостныхъ сходовъ въ качествѣ совершенно частнаго человѣка,—я не могу не сказать, кстати, о томъ простомъ и непринужденномъ пріемѣ, который получалъ вездѣ, о томъ тактѣ, съ которымъ былъ встрѣчаемъ всѣми, даже тамъ и тѣми, гдѣ и кому присутствіе мое было, несомнѣнно, непріятно, чьи дѣла укрывались отъ посторонняго взора...

Пусть поэтому нимало не стѣсняются лица, которымъ интересно видѣть крестьянскіе сходы и которыя, бывая въ деревнѣ, имѣютъ къ этому полную возможность. Неловкость тутъ (сначала испытывавшаяся и мною)—кажущаяся, ложная, вредная. На самомъ дѣлѣ, все гораздо проще, чѣмъ представляется. Крестьянскіе же сходы теперь особенно интересны, и—пора обратить на нихъ непосредственное, живое вниманіе. То же самое можно

довъ является земскій начальникъ. Безъ него ни староста, ни старшина не откроютъ схода; безъ него не рѣшается ни одно сколько-нибудь важное крестьянское общественное дѣло. Во многихъ мѣстностяхъ земскій начальникъ принимаетъ слишкомъ активное участіе въ крестьянскихъ дѣлахъ. Но не всегда можно признать это активное участіе желательнымъ и полезнымъ. А самое главное—оно стѣсняетъ свободу крестьянскаго мнѣнія и нагоняетъ столбнякъ на членовъ схода".

Такимъ же образомъ, по словамъ г. „Независимаго",—къ сожалѣнію, не входящаго въ юридическое существо дѣла и не объясняющаго, что земскій начальникъ *не имѣетъ права* не только участвовать въ крестьянскихъ сходахъ (тѣмъ менѣе предсѣдательствовать), но и просто присутствовать на нихъ,—нерѣдко устраняется, подъ давленіемъ земскаго начальника, и единственный путь къ свободному выраженію мнѣній членами сходовъ и въ его присутствіи—баллотированіе... „Повѣрка голосовъ производится иногда,—говоритъ онъ,—посредствомъ вызова каждаго члена къ столу, по одиночкѣ.—Такъ ты что?—хочешь или не хочешь? А? Такъ ты за кого же?—Ну, и понятно, надо имѣть большой запасъ гражданскаго мужества, чтобы не отказаться при такихъ обстоятельствахъ отъ своего первоначально свободно заявленнаго мнѣнія... Порядки на крестьянскихъ сходахъ принимаютъ временами и еще болѣе упрощенный характеръ",—замѣчаетъ въ заключеніе хроникеръ „Биржевыхъ Вѣдомостей" [1]).

III.

Такова практика... Ниже мы увидимъ ея живое изо-

сказать о волостныхъ судахъ, остающихся также не описанными въ томъ видѣ, въ какомъ они происходятъ на самомъ дѣлѣ... Нельзя оправдать обнаруженный въ этомъ отношеніи нашимъ обществомъ недостатокъ вниманія... Онъ усугубляется въ особенности при сопоставленіи съ нынѣшними толками и предположеніями о всесословности въ сельскомъ самоуправленіи...

[1]) № 16 за 1897 г., второе изданіе.

браженіе... Лучшее и наиболѣе выразительное осужденіе ея незаконности заключается въ словахъ самихъ крестьянъ, приводившихся покойнымъ предсѣдателемъ вятской губернской земской управы, А. Батуевымъ, при обсужденіи въ свое время, въ мѣстномъ губернскомъ совѣщаніи различныхъ вопросовъ и предположеній, относящихся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ... „Уже и въ настоящее время,—замѣтилъ онъ,—крестьяне въ иныхъ мѣстахъ говорятъ: *чего на сходъ ходить, когда земскій начальникъ рѣшаетъ?*“... [1]).

Да, въ такой мѣрѣ упразднена самостоятельность крестьянскаго самоуправленія теперь, при настоящихъ, выраженныхъ въ законѣ условіяхъ, ограждающихъ до извѣстной степени самостоятельность... Что же было бы, если бы осуществились предположенія облечь земскаго начальника правомъ устранять со сходовъ лицъ, представляющихся ему „неблагонадежными“, такъ называемыхъ „крикуновъ“, „вожаковъ“, „говоруновъ“?... [2]). Что было бы также, если бы осуществились предположенія о превращеніи сельскихъ сходовъ, составляющихся нынѣ изъ представителей отъ каждаго двора, въ сходы выборныхъ отъ небольшихъ группъ домохозяевъ, съ вліяніемъ

---

[1]) „Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ“, томъ I, 189.

[2]) Покойный А Батуевъ привелъ упомянутое замѣчаніе самихъ крестьянъ именно въ доказательство того, что предполагаемое принятіе закона, который „присутствіе того или другого домохозяина на сходѣ ставилъ бы въ зависимость отъ земскаго начальника“, предоставленіе земскому начальнику „полномочія лишать права участія въ сходахъ лицъ, по нравственнымъ своимъ качествамъ могущихъ имѣть вредное вліяніе на сходы“, уничтожило бы „всякую самостоятельность сходовъ, парализовало бы всякое значеніе ихъ“ и создало бы то, что сходы пошли бы „прямой дорогой къ самоупраздненію“.. Здѣсь же покойный замѣчательный вятскій дѣятель сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія о тѣхъ „неблагонадежныхъ“ членахъ крестьянскихъ сходовъ, противъ которыхъ уже и до изданія новаго закона (который, можно надѣяться, и не состоится) воздвигается, мѣстами, гоненіе, на почвѣ того же личнаго присутствованія на сходахъ и участія въ ихъ дѣятельности земскихъ начальниковъ: „При чрезвычайной разбросанности нашихъ поселеній и при сравнительно ничтожномъ количествѣ въ нихъ агентовъ правительственной власти,

земскаго начальника на самые выборы, съ правомъ его даже назначать выборныхъ въ иныхъ случаяхъ и съ большимъ, вообще, вліяніемъ его на выборныхъ, выражающимся и теперь въ особомъ подчиненіи, въ которое подпали отъ него на практикѣ (составляющіеся изъ выборныхъ) волостные сходы?...

Не ясно ли, что реформа должна быть направлена въ иную сторону? А пока она явится, не необходимо ли устраненіе административнымъ порядкомъ описанной выше незаконной практики, упраздняющей и ту долю самостоятельности крестьянскаго общественнаго управленія, которая выражена въ дѣйствующихъ законахъ?...

жизнь деревни идетъ правильнымъ порядкомъ только при нравственномъ авторитетѣ сравнительно свободнаго и самоуправляющагося схода. Крикуны схода, часто называемые „коштанами", имѣютъ, по большей части, за собою нравственный авторитетъ среди односельцевъ. Ихъ поведеніе на сходѣ объясняется грубостью самой среды, но почти всегда они являются истинными выразителями взглядовъ и настроенія своихъ односельцевъ. они только высказываютъ громко то, что остальные думаютъ Если они иногда противорѣчатъ благимъ начинаніямъ земскаго начальника, то и въ этомъ случаѣ ихъ устами говоритъ вся деревня, по своей неразвитости не понимающая благихъ начинаній. Противорѣчіе ихъ въ этомъ случаѣ приноситъ только пользу, такъ какъ указываетъ, что благая мѣра является непонятной большинству и должна быть надлежащимъ образомъ растолкована и выяснена Надо принять во вниманіе и то, что иногда, особенно въ области хозяйственной, земскіе начальники предъявляютъ къ обществамъ требованія, которыя, представляясь земскому начальнику вполнѣ примѣнимыми, въ дѣйствительности оказываются совершенно непригодными. Понятно, что и въ этихъ случаяхъ сходы, близко знакомые съ хозяйственною жизнью мѣстности, выказываютъ иногда чрезвычайное упорство предложеніямъ земскихъ начальниковъ, которые и видятъ въ подобномъ противодѣйствіи вредное вліяніе говоруновъ и крикуновъ. А между тѣмъ, часто только такое упорство и спасаетъ населеніе отъ массы чрезвычайно убыточныхъ и рискованныхъ операцій"... (Тамъ же, 188).

О СХОДАХЪ *).

Изъ разговоровъ съ крестьянами.

...Ко мнѣ зашелъ знакомый крестьянинъ...

— Сегодня волостной сходъ въ Кобылинѣ,—сказалъ онъ.—Просили сказать, если узнаю. Такъ вотъ,—если хотите. Пойдемте вмѣстѣ,—я иду въ Куликово,—такъ по дорогѣ. Теперь и время. Требуютъ, говорятъ, къ десяти часамъ безпремѣнно. Земской будетъ.

— А!—земской. Это интересно. Пойдемте!

И мы тотчасъ же пошли въ Кобылино,—сосредоточіе управленія волостью.

— А не знаете, какія дѣла будутъ разрѣшаться?—спрашиваю я дорогою своего спутника, котораго звали Иваномъ Васильевичемъ.

— Ни!—не знаю. Не знаю, когда и на свой сходъ иду. Ни у насъ, ни у нихъ, да и нигдѣ, кажется,—объ этомъ не сообщаютъ крестьянамъ заранѣе. Развѣ узнаешь стороной, случайно. А то только какъ откроется сходъ, прочтутъ бумагу, или, тамъ, что скажетъ старшина или староста,—такъ только тутъ и узнаешь.

Я началъ выражать свое изумленіе,—больше для того, чтобы поддерживать словоохотливость Ивана Васильевича,—собесѣдника интереснаго, такъ какъ онъ исходилъ Россію вдоль и поперекъ въ качествѣ книгоноши.

---

*) „Журналъ для Всѣхъ“ за 1901 г.

— Неужели?—говорю.

— Вѣрно. Не знаемъ. Также, ежели собираемся на сельскій сходъ. Идемъ тоже, а о чемъ будемъ судить, рядить—не вѣдаемъ.

— Но какъ же?—нужно бы, кажется, знать... въ особенности выборному волостнаго схода. Деревня посылаетъ, напримѣръ, васъ на волостной сходъ для того, чтобы вы могли постоять за нее, если встрѣтится такое дѣло. Зная заранѣе, о чемъ будетъ рѣчь на сходѣ, вы могли бы посовѣтоваться предварительно съ своими односельцами, что и какъ рѣшать... Да и насчетъ того, что предстояло бы обсуждать на сельскомъ сходѣ, тоже хорошо бы домохозяевамъ заранѣе знать и столковываться между собою, прежде чѣмъ идти рѣшать... И рѣшенія получались бы тогда настоящія...

— Такъ то такъ,—согласился Иванъ Васильевичъ.— Это,—конечное дѣло,—хорошо бы. Слѣдовало бы... Да гдѣ ужъ намъ!—махнулъ онъ рукой.—Наше дѣло подписываться подъ приговорами.

— Вотъ такъ разъ! Но, вѣдь, вы пишете „согласенъ“ или „несогласенъ“, и должны же обдумать дѣло, если не предварительно, то хоть тутъ, на сходѣ...

— Ну, у насъ всѣ просто подписываются. Всѣ, что есть на сходѣ. Согласенъ ли, нѣтъ ли,—объ этомъ не всегда спрашиваютъ. А и спрашиваютъ,—такъ всѣ пишутъ одинаково. Такъ что у насъ и приговоры всѣ единогласны.

— Какъ такъ?

— Да такъ. И вездѣ такъ. Спросите, какъ въ другихъ волостяхъ. Точно такъ же! —махнулъ рукой Иванъ Васильевичъ.

— Но, вѣдь, за приговоры по дѣламъ, вамъ неподлежащимъ, и въ случаяхъ нѣкоторыхъ неправильностей, вы можете подвергаться отвѣтственности... Какъ же можно расписываться всегда въ своемъ согласіи на все?

— Ну, да уже такъ дѣлается, а намъ не передѣлывать,—говоритъ Иванъ Васильевичъ.

— Какъ, по крайней мѣрѣ, обсуждаете дѣла?

— Обсуждаемъ?... Нѣтъ,—какое обсужденіе! Кричимъ,—да. Иногда шибко кричимъ, когда одни, безъ земскаго. На большомъ сходѣ трудно бываетъ разобрать, въ чемъ дѣло, чего хотятъ... Многіе, случается, кричатъ,—и когда дѣло трогаетъ за живое, и когда можно покричать,—безопасно,—когда дѣло касается кого нибудь изъ насъ, простяковъ, только,—а начальство въ немъ незамѣшано...

— Что же тогда въ приговоръ записываютъ?

— Писарь ужъ, тамъ, догадается... Или, тамъ, старшина скажетъ, что слѣдуетъ... Да большой то крикъ,—изъ котораго также мало толку,—рѣдко выходитъ. Чтобы многіе то кричали,—это не часто случается... Большая то часть ждетъ не дождется, когда подписываться начнутъ... Каждому домой поскорѣй хочется. Скотинку нужно, тамъ, обряжать,—да и самому ѣсть захочется. Случается, вѣдь, до вечера продежуришь на сходѣ. Бывало, что земскій начальникъ обѣщаетъ пріѣхать,—и не пріѣдетъ. Ждемъ-ждемъ,—до вечера прождемъ, и разойдемся. А то ужъ вечеромъ рѣшимъ, что слѣдуетъ, коли онъ пришлетъ дозволеніе руководствоваться безъ него...

— А то такъ таки и разойдетесь, не разрѣшивъ ни одного дѣла?

— Такъ!—Окончательно! Не велитъ безъ себя,—такъ чтожъ подѣлаешь!...

— Значитъ, Иванъ Васильевичъ,—вернулся я къ разговору о голосованіи, считая этотъ предметъ особенно важнымъ,—у васъ не соблюдается никакого порядка по собиранію голосовъ и мнѣній членовъ схода?

— То то и оно то. Порядку никакого нѣту въ этомъ дѣлѣ...—съ убѣжденіемъ говоритъ Иванъ Васильевичъ.

— Отчего же вы его не установите? Вѣдь, это отъ васъ зависитъ,—законъ предоставляетъ это вамъ самимъ.

— Да какъ это устроить? Почему мы знаемъ? Кто намъ укажетъ? А и укажетъ кто,—такъ что мы сдѣлаемъ?

Да и не поднимается объ этомъ рѣчей. Всѣ привыкли къ нынѣшнимъ порядкамъ... Какъ будто такъ и надо...

— Но, вѣдь, вы сами же отъ этого и страдаете,— замѣчаю я.—Постановляете такіе приговоры, какихъ не слѣдовало; рѣшаете вопросы такъ, какъ не должно бы рѣшать... Ваши приговоры имѣютъ важное значеніе. А тѣ приговоры, подъ которыми вы такъ-то подписываетесь,— ваши ли?

Считается, что наши,—а на дѣлѣ, еслибы каждаго то спросить,—такъ совсѣмъ бы другое и вышло... Да что же,—привыкли, за обычай это стало, не знаемъ сами и не указываетъ намъ никто настоящихъ порядковъ...— повторилъ Иванъ Васильевичъ.—А что касаемо до того— продолжалъ онъ, все же видимо заинтересованный затронутымъ вопросомъ — чтобы всякаго то спрашивать, такъ, вѣдь, не всякій рѣшится прямой то отвѣтъ держать... Щекотливыя бываютъ дѣла... Да иногда и нужно только, чтобы мы всѣ были согласны безъ разсужденій... Напримѣръ, когда бываетъ земской... А онъ бываетъ на волостныхъ сходахъ почти каждый разъ. Онъ же предложитъ, онъ же и спрашиваетъ, согласны ли, дескать... Вѣстимо выйдетъ, что всѣ согласны. Кто же пойдетъ противъ такого начальства?...Тутъ поневолѣ придержишь языкъ за зубами... И старшина, когда предлагаетъ то, что ему хочется, такъ всѣ бываетъ согласны... А тутъ самъ баринъ!У кого подымется совѣсть...

— Ну, ужъ и совѣсть! Совѣсть то и требуетъ, кажется, говорить правду...

— Ну, тамъ, языкъ, что ли... Да что! зналъ я старшину, такъ тотъ, бывало, чуть кто заикнется противъ,—сейчасъ: „цыцъ! молчать!“, а то и прямо: „взять его въ холодную!“... Тоже имъ дана власть... Или вотъ былъ случай— разошелся Иванъ Васильевичъ— у насъ, въ коровинской волости, лѣтъ пятнадцать тому назадъ... Старшина, что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Чуть не барщину устроилъ. Пикнуть никто не смѣлъ. Вотъ и проявись тутъ одинъ мужичекъ,— Каменевъ по фамиліи—можетъ знаете—онъ и теперь здѣсь

еше, адвокатничаетъ. Молодой еще былъ онъ тогда парень. Жилъ въ Питерѣ допрежъ того, поначитался, толковый былъ. И вздумалъ онъ, пріѣхавъ въ деревню и попавъ въ выборные, заводить новые порядки,—сталъ поднимать разные вопросы, указывать на прорѣхи въ дѣлахъ... Шибко не понутру пришелся старшинѣ... Такъ что бы вы думали?—доносъ какой то на него старшина-то сдѣлалъ... Жандармскій полковникъ да прокуроръ пріѣхали, и взяли парня... Выпустили скоро,—да, вѣдь, непріятностей то сколько...[1]) Вотъ тутъ и разговаривай!

---

[1]) Послѣ я провѣрилъ этотъ разсказъ, и онъ оказался справедливымъ. По части того, что могло происходить прежде, на почвѣ еще большей темноты,—интересенъ слѣдующій разсказъ, слышанный мною отъ самого потерпѣвшаго Дѣло происходило въ половинѣ семидесятыхъ годовъ..

„Я—передалъ разсказчикъ—говорилъ обыкновенно на сходахъ,—хотя и темный былъ человѣкъ, неграмотный Да и другіе то, нужно сказать, не лучше были меня, грѣшнаго . Ну, и не по шерсти было это старшинѣ. Злился онъ. Слышалъ я, что донять меня хочетъ И—донялъ! Оставилъ меня въ дуракахъ, да еще въ какихъ! И теперь не могу понять, какъ это я оплошалъ Бѣдность наша да темнота попутали . Зоветъ разъ въ правленіе Я прихожу. Въ присутствіи онъ да сотскій,—больше никого. Увидѣвъ это меня „А!—говоритъ—вотъ что, братъ, выходи—ка вотъ съ нимъ,—съ сотскимъ, значитъ,—да получай десять розановъ“.. „А ты его хорошенько“,—сотскому то говоритъ. Потомъ опять ко мнѣ: „а то—говоритъ и на работу не спущу“.. Что же!—вотъ она бѣдность наша да темнота. Подумалъ, что продержитъ—де и на работу не поспѣешь, и не сообразилъ сразу то, опѣшивши, что не можетъ онъ такъ то, безъ суда.. А знаю, что никакого постановленія не было Легъ я и—получилъ, сколько ему хотѣлось... Послѣ другихъ училъ. Прикажетъ тоже такъ... ложится—взялъ эту повадку—а я говорю· „робята, не ложись,—не можетъ онъ безъ суда, не имѣетъ такого полнаго права“.. А самъ вотъ легъ,—опростоволосился..

— Эхъ ты!—вступилась тутъ жена разсказчика, видимо обиженная за него.—Я и баба да не легла бы,—ни за чтобы не легла, хошь ты издохни! Какъ же,—безъ суда!... Гдѣ это видано?... А онъ легъ,—хуже всякой бабы!

— Да-а-а!—протянулъ разсказчикъ —Хорошо тебѣ теперь разговаривать. Нонѣ и вовсе нельзя бабъ то стегать,—да и знаютъ ужъ всѣ, что безъ суда никого нельзя. Нонѣшняго народу не положишь такъ то. А прежде что мы знали? Въ этомъ то и дѣло. Не знали ничего, и никто ничего намъ не объяснялъ, и узнать, что касаемое, было не отъ кого А теперь все грамотные, и въ „Вѣстникахъ“ пишутъ, какъ и что, и какой отвѣтъ держать, и по какому полному праву. Оттого то и лучше стало теперь И еще лучше будетъ, какъ станемъ мы сами по-умнѣе, по-грамотнѣе“,—прибавилъ онъ съ убѣжденіемъ.

— Но, вѣдь, это было прежде,—возражаю я.—Мало ли что было прежде! Теперь едва ли можетъ быть что либо подобное.

— Ну, и теперь много можно непріятностей потерпѣть. Знаете наши дѣла. Ничего нѣтъ яснаго, опредѣленнаго. Во всемъ спросись, поклонись, всего бойся. Найдутъ, къ чему подобраться.. Ну, не всякій и рѣшится прямо то выступать. Да вотъ, былъ такой случай у насъ-же, въ коровинской же волости,—и это ужъ въ самое послѣднее время... Былъ одинъ дѣльной паренекъ выбранъ ходить на волостной сходъ, и сталъ онъ на сходѣ поговаривать—то не такъ, другое не этакъ,—задавать вопросы, поднимать нѣкоторыя путаныя дѣла... Ну, и не понравился нынѣшнему старшинѣ. А старшина Ивановъ былъ близокъ и къ тому земскому,—а это было при томъ еще начальникѣ... Ну, вотъ, и поступилъ вскорѣ отъ земскаго приказъ, что-де паренекъ тотъ прыткой не можетъ участвовать не только на волостномъ, а и на сельскомъ сходѣ, —потому что у него есть старшій братъ... Пусть-де возьметъ отъ брата довѣренность. А старшій то братъ никогда и не бываетъ въ деревнѣ,—постоянно живетъ въ Питерѣ—и въ семьѣ у нихъ нѣтъ ни одного мужика, окромя этого парня, лѣтъ 30-ти, женатаго, который и хозяйство ведетъ... Вотъ, ты и поди, добивайся, тамъ, своихъ правъ... Такъ и пересталъ онъ ходить даже на сельскій сходъ,—пока не поступилъ новый земской. Ну, подошелъ разъ къ тому,—спросилъ. Тотъ говоритъ: „можешь“. И сталъ опять парень ходить на сходъ,—да только ужъ скромнѣе сдѣлался. Узналъ сверчокъ свой шестокъ!

— И раньше могъ бы добиться своего права...

— Э-эхъ!—есть ли намъ когда добиваться! Да и что подѣлаешь противъ земскаго,—да еще сначала то, когда на него и ходовъ никакихъ, говорили, не было. Вѣдь, когда у насъ земскихъ-то сажалъ прежній губернаторъ,—такъ прямо говорилъ, что де они постановятъ, такъ тому

и быть, и жаловаться на нихъ некому и некуда...[1]) Теперь ужъ хода-те разные на нихъ объявились. А раньше то—что было!

— Ну, а на шарахъ, закрытымъ способомъ, рѣшаете какія нибудь дѣла?—продолжалъ я задавать вопросы своему спутнику.

— Только выбираемъ старшину, старостъ. И то не всегда. При земскихъ и это оставляется... Иногда объявляются такіе услужливые люди, которые предлагаютъ,—что де канителиться,—выберемъ на голосахъ, да и вся тутъ... Земской говоритъ: „можно“... „Стараго, стараго!“—закричатъ потомъ. Стараго и выберетъ. Потому, какъ ты будешь говорить: „не надо стараго, а давай новаго“, коли старый то тутъ передъ тобой, смотритъ на тебя прямо,—да и земской тутъ же, и опять его хочетъ посадить?... Такъ-то вотъ Ивановъ сидитъ у насъ второе трехлѣтіе,—хоть и ненавидятъ его всѣ... Да и опять выберутъ!... Ну, а оно, конечно, на шарахъ то хорошо. Чего лучше!—закрытое дѣло, куда хочешь туда и кладешь его, шаръ то. Почаще бы на шарахъ то дѣлали дѣла, такъ оно точно было бы лучше...

— За чѣмъ же дѣло встало?

— А за тѣмъ, что и такъ привыкли, да и скорѣе и ближе такъ то къ подписи,—да и для начальства, должно, удобнѣе. Мало еще кто среди насъ, мужиковъ, интересуется этимъ дѣломъ,—вотъ что.

— Но если вы, мужчины, такъ мало интересуетесь общественными дѣлами, то, быть можетъ, больше интересуются ими женщины... А онѣ участвуютъ, конечно, на сельскихъ сходахъ?

— Очень рѣдко. Участвуютъ только домохозяйки, вдовы, владѣющія землей, оплачивающія всѣ повинности и неимѣющія взрослыхъ сыновей. Да и тѣ не всегда, а

---

[1]) Дѣйствительно, такъ это, какъ оказалось, здѣсь и было,—при открытіи дѣйствія новыхъ властей на мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ.

только когда требуется большинство двухъ третей,— только по такимъ дѣламъ.

— Но если, напримѣръ, домохозяинъ, которому нельзя быть лично самому на сходѣ, пошлетъ вмѣсто себя жену?

— Этого у насъ нельзя.

— Какъ нельзя? Вѣдь, самъ законъ ясно предоставляетъ ему право въ такихъ случаяхъ посылать вмѣсто себя, по своему усмотрѣнію, кого либо изъ членовъ своего семейства?

— Ну, у насъ этого не водится,—не принято. У насъ, если домохозяинъ отлучается надолго и у него нѣтъ взрослаго сына, такъ онъ долженъ обязательно передать свой голосъ однообщественнику, а никакъ не женѣ.

— Вотъ странно! Да здѣсь, кажется, женщины и хозяйство ведутъ, а мужчины больше на сторонѣ живутъ, на промыслѣ...

— Да вотъ, поди ты!—женѣ нельзя, все-таки, передать голосъ. Нужно, безпремѣнно, другому однообщественному домохозяину, который согласится за тебя расписываться. А пока не передалъ голоса,—и паспорта тебѣ не выдадутъ въ правленіи. Передай, и тогда можешь на всѣ четыре стороны. Такъ то у насъ многимъ приходится нанимать голоса,—расписываться, значитъ, на приговорахъ. Стоитъ это четыре рубля въ годъ. Недавно еще нанимали за два рубля. А теперь подорожало,—и платятъ четыре. На сельскихъ сходахъ у насъ, поэтому, очень многіе съ двумя голосами,—одинъ свой, а другой по передачѣ. А то и сходы не могли бы часто составляться.

— Отчего же, еслибы, какъ слѣдуетъ, по закону, допускали и женщинъ?

— Такъ то... конечно,—согласился Иванъ Васильевичъ.

— Ну, а на деревенскихъ сходкахъ участвуютъ женщины? Вѣдь, бываютъ и такія сходки?

— Какъ же, бываютъ. У каждой деревни есть свои

дѣла. И на деревенскихъ сходкахъ женщины бываютъ. Да только бабы то хоть и здоровы кричать, а на сходкахъ то тоже не голосисты.

— Что же такъ?

— Да то, что и тутъ онѣ и могутъ, и не могутъ участвовать. Разшумятся,—такъ имъ скажутъ: „бабы, не ваше дѣло,—слушайте больше“... Да и что наши деревенскія сходки!—махнулъ рукой Иванъ Васильевичъ.—На нихъ то можно рѣшать, другое нельзя,—сегодня можно, завтра стало нельзя. Какъ, тамъ, кому взглянется... А то говорятъ, что и ничего на нихъ нельзя дѣлать,—а все нужно на сельскій сходъ...

— Сколько же деревень у насъ въ обществѣ?

— Тридцать двѣ,—вотъ сколько!

— Неужели?... Неудобно, я думаю, всѣмъ сообща рѣшать иныя дѣла?

— Какое удобство! Да это что. Вонъ, въ петровской волости есть общество, въ которомъ восемьдесятъ восемь деревень...

— Можетъ-ли быть?

— Вѣрно! Гдѣ тутъ сговориться. Вотъ, на что укажутъ въ правленіи, подъ тѣмъ и подписывайся безъ дальнихъ разговоровъ.

— А гдѣ собираются у васъ сельскіе сходы?

— Въ правленіи, всегда въ правленіи, какъ и волостные сходы. Гдѣ же больше? Тамъ и писарь, тамъ и бумаги, какія нужны, и старшина. Все у насъ къ волости приспособлено. Да и вездѣ такъ.

— А приговоры всегда записываете?

— Завсегда.

— Въ книгу?

— Нѣ!—просто на отдѣльныхъ листахъ

— Какъ такъ?

— Да такъ,—просто на листахъ, каждый приговоръ отдѣльно.

— Но какъ же?—въ законѣ предписывается заносить приговоры въ особыя книги.

— Ну, у насъ этого нѣтъ,—повторилъ Иванъ Васильевичъ.—Можетъ, тамъ, послѣ вписываютъ приговоры куда нибудь, а только мы расписываемся на отдѣльныхъ листахъ.

— Но этакъ можно и скрыть или уничтожить приговоръ, если нужно?

— Сколько угодно!

— И въ другихъ мѣстахъ приговоры также пишутся на отдѣльныхъ листахъ?

— Окончательно! [1])

Въ это время, на поворотѣ дороги, показалось Кобылино.

— А вотъ мы и пришли,—сказалъ Иванъ Васильевичъ.—Посмотрите, посмотрите, что тутъ дѣлается... Да здѣсь—ничего. Старшина еще порядочный... Къ намъ, вотъ, въ Коровино, приходите...

— Непремѣнно,—сообщите только, пожалуйста, когда будетъ сельскій или волостной сходъ.

— Хорошо,—съ нашимъ со всѣмъ удовольствіемъ. Приходите... Може, и интересно покажется... А для насъ такъ какой тутъ, кажется, интересъ,—закончилъ мой собесѣдникъ, когда мы входили уже въ Кобылино.

Тутъ мы съ нимъ простились, и онъ пошелъ дальше по своему дѣлу, а я вошелъ въ волостное правленіе...

Въ первый же разъ пришлось присутствовать тутъ на цѣлыхъ трехъ сходахъ послѣдовательно,—на деревенскомъ, сельскомъ и волостномъ, хотя Иванъ Васильевичъ предупредилъ меня только объ одномъ [2]). Было очень интересно. Съ тѣхъ поръ я сталъ постоянно посѣщать сходы трехъ ближайшихъ ко мнѣ волостей,—и всегда съ большимъ, неослабѣвавшимъ интересомъ. Крестьянская жизнь, условія крестьянскаго самоуправленія, кри-

[1]) Какъ оказалось, въ упомянутой волости, имѣются при правленіи особыя книги приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. Но въ этихъ книгахъ заключаются собственно копіи общественныхъ приговоровъ. Подлинные приговоры—на отдѣльныхъ листахъ... Такъ дѣлается почти повсемѣстно...

[2]) Въ слѣдующемъ очеркѣ сходы эти и описываются.

дическія потребности народа,—все выступало тутъ ярко, образно, живо. Я постоянно убѣждался въ чрезвычайной важности посѣщенія крестьянскихъ общественныхъ сходовъ, какъ средства для изученія быта крестьянъ. При этомъ же каждый разъ приходилось мнѣ вспоминать своего спутника, съ которымъ я шелъ на первый сходъ. Я всегда убѣждался въ правильности всѣхъ его замѣчаній и указаній на разныя роковыя условія крестьянскаго самоуправленія... Оно находится въ печальномъ положеніи. Поговорите сами съ любымъ крестьяниномъ. Онъ скажетъ вамъ то же самое, что мы сейчасъ слышали отъ Ивана Васильевича... Читатель же крестьянинъ, бывавшій на сходахъ,—навѣрное, все это подтвердитъ...

СРЕДИ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДѢЛЪ *)

СЦЕНЫ СЪ НАТУРЫ.

I.

Было около десяти часовъ утра. Въ кобылинскомъ волостномъ правленіи собралось уже много народу. Предстояли два схода,—сходъ одного изъ сельскихъ обществъ этой волости и сходъ волостной. Затѣмъ, особо собраны были, по распоряженію земскаго начальника, крестьяне одной деревни, для сдачи ими участка общественной земли въ аренду старшинѣ сосѣдней—коровинской—волости: они должны были составить третій сходъ, существующій по обычаю—деревенскій или селенскій. Наконецъ, нынче же предстояло разбирательство земскимъ начальникомъ жалобы, принесенной на коровинскаго волостного старшину, по поводу неправильно произведенныхъ имъ публичныхъ торговъ. Предстояло, такимъ образомъ, много дѣлъ; собрано было, поэтому, и много участвовавшихъ въ дѣлахъ.

Ожидался земскій начальникъ.

Чувствовалась общая натянутость. Всѣ власти были при значкахъ, съ вытянутыми лицами. Суетясь, они постоянно взглядывали на дорогу по направленію къ городу, разстилавшуюся передъ окнами волостного правле-

*) Печаталось первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“.

нія: оттуда именно должна была появиться колесница земскаго начальника...

— Не знаю, что дѣлать,—говорилъ староста собраннаго на сходъ сельскаго общества —Всѣ пришли, а открыть сходъ боюсь безъ барина... Зачѣмъ, скажетъ, не подождалъ..

— Нужно подождать!—тономъ приказанія замѣтилъ старшина.

— Какъ же можно!—не безъ укоризненности вставилъ слово предсѣдатель волостного суда:—можетъ, баринъ самъ захочетъ предсѣдательствовать на сходѣ, прикажетъ что-нибудь,—а ты ужъ и народъ распустилъ...

— Да ждать-то, ждать больно долго придется,—сказалъ староста.

— Подожде-ошь!—протянулъ предсѣдатель суда.

— Опять же,—вступился тутъ староста другого сельскаго общества:—у тебя будетъ сходъ, а, можетъ, баринъ тутъ какъ-разъ и пріѣдетъ, да вздумаетъ дѣла свои разбирать, а гдѣ у насъ мѣсто-то, коли только одна комната и есть?

— А въ своей комнатѣ...

— Въ своей комнатѣ!—передразнилъ кто-то наивнаго старосту.—Тамъ онъ выпиваетъ и закусываетъ,—да и дѣла станетъ тебѣ разбирать...

— Подождать, подождать!—повторилъ старшина, озабоченно глядя на дорогу.—Съ меня спросятъ...

Въ правленіи становилось душно. Небольшими кучками народъ ходилъ „баловаться чайкомъ“ въ чайную лавку, находившуюся саженяхъ въ шестидесяти отъ правленія. Отъ нѣкоторыхъ же слышался все усиливавшійся и усиливавшійся запахъ водки. Должно быть, вопреки запрещенію закона, можно было получать, и до окончанія сходовъ, спиртные напитки изъ винной лавки, находившейся еще ближе къ правленію и принадлежавшей не то неотдѣленному сыну того старшины сосѣдней волости, жалоба на котораго должна была сегодня разсма-

триваться земскимъ начальникомъ, не то ему самому,— при патентѣ на другое лицо...

Пробило двѣнадцать часовъ.

— Ой, какъ долго!—раздавалось чаще и чаще.

Скоро ожиданія, наконецъ, разрѣшились.

— Баринъ, баринъ ѣдетъ!—раздалось около часу.

Всѣ бросились къ окошкамъ. По дорогѣ отъ города, быстро, на тройкѣ, ѣхалъ земскій начальникъ. Впереди летѣлъ, верхомъ, мѣстный полицейскій урядникъ, выѣхавшій, передъ тѣмъ, къ нему на встрѣчу.

Старшина, старосты, волостные судьи, поспѣшно сбѣжавъ внизъ, встрѣтили „барина“ у крыльца и помогли ему выйти изъ экипажа.

Земскій начальникъ прошелъ прямо въ особо отведенную ему комнату

Вновь всѣ собравшіеся стали ждать приступа къ дѣлу... Воцарилось томительное молчаніе, прерывавшееся лишь тихо произносимыми замѣчаніями...

— Чай пьетъ...—пояснялось нѣкоторыми, какъ бы въ отвѣтъ на общія ожиданія.

II.

Уже въ исходѣ второго часа, среди моментально воцарившейся полной тишины, вышелъ изъ своей комнаты земскій начальникъ и прямо направился въ присутствіе. Послѣднее быстро наполнилось, затѣмъ, народомъ. Довольно значительная часть собравшихся осталась въ передней.

— Ивановъ и Рябовъ!—тотчасъ позвалъ земскій начальникъ, сѣвши за столъ.

Это были—коровинскій старшина и жалобщикъ, немедленно и протискавшіеся впередъ.

— Ну, Рябовъ, разскажи, какъ было дѣло, на что жалуешься,—предложилъ земскій начальникъ.

— Были, значитъ, торги,—началъ жалобщикъ. — Больше меня за домъ никто не далъ. Осталось, значитъ,

за мной. Когда же кончилось все, Тюменева позвала пить чай старшину, писаря, старостъ. Потомъ и меня, значитъ, Василій Петровичъ пригласилъ. Староста сказалъ: „пойдемте, попьемъ чайку сначала“... Такъ разсчетовъ и не кончили. Ушли, значитъ. За чаемъ меня стали убѣдительно просить переуступить домъ съ землей. Я не соглашался было сначала,—потому, и мнѣ было нужно. Я сказалъ: „Какъ вамъ, господа, не безъизвѣстно, дочь мою, выданную въ ваше общество, тѣснятъ... Такъ я для нея и покупалъ собственно“... Но потомъ я согласился. Старшина сказалъ: „что-де тебѣ не взять тридцать восемь рублей за уступку“? Я и уступилъ—согласился, значитъ... Анна Никифоровна тутъ же выдала мнѣ двѣсти рублей и сказала, что это-де задатокъ, а остальное—послѣ. Я взялъ. А потомъ старшина, значитъ, вышелъ. За нимъ—Василій Петровичъ. Что такое, думаю, о чемъ они тамъ? Василій Петровичъ скоро вернулся, и говоритъ Аннѣ Никифоровнѣ: „погодите платить деньги“... Я отдалъ двѣсти рублей назадъ. Вижу—тутъ стачка, лихоимство... Когда опять старшина сѣлъ за столъ, потребовали съ меня тутъ всѣ деньги, четыреста шестьдесятъ три рубля. А у меня было всего триста пятьдесятъ. Я сталъ просить сроку хоть на часъ, чтобы сходить домой. Не отпустили ни на шагъ. Написали, замѣсто того, протоколъ, что у меня денегъ не оказалось. Опять, послѣ того, пустили имущество въ торги, и оно осталось за Тюменевымъ... Но его тутъ не было. Торговался за него Василій Петровичъ. Потомъ написано было, что онъ новый покупатель,—тогда какъ онъ торговался и раньше, и первый отступилъ. Послѣ Анна Никифоровна протянула руку старшинѣ и сказала: „мы васъ поблагодаримъ“... Свидѣтели на это есть... Могу представить... Почему же съ меня потребовали всѣ деньги? Не повѣрили! Да у меня въ личной собственности—пятьдесятъ десятинъ, да кирпичный заводъ въ пятьсотъ рублей. Спросите обо мнѣ! Я никакой лжи не дѣлаю.

— Чего же ты просишь?—прервалъ жалобщика земскій начальникъ.

— Да чтобы земля была закрѣплена за мною,—отвѣтилъ Рябовъ.

— А! — протянулъ земскій начальникъ и тотчасъ обратился къ Иванову.

— Ну, теперь разскажи ты, Ивановъ, какъ было дѣло.

— У насъ было написано, что торговаться можно только на наличныя...—началъ Ивановъ.

— Нѣтъ, этого намъ не сказали,—прервалъ Рябовъ коровинскаго старшину.—Что же не объявили? Я бы и приготовилъ всѣ деньги.

— А вотъ тутъ написано,—говоритъ земскій начальникъ, и читаетъ:— „торги производить на наличныя“... Ну, дальше что?

— Когда кончили, — продолжалъ Ивановъ, — насъ, какъ мы всѣ утомились, и меня, и всѣхъ, кто тамъ былъ на торгахъ, пригласили чай пить... Рябовъ согласился тамъ уступить, и взялъ съ Анны Никифоровны двѣсти рублей, чтобы этими деньгами и уплатить все... А какъ потомъ у него всей суммы не оказалось, то я продолжилъ торги...

— Но ты мнѣ скажи,—переспросилъ земскій начальникъ:—за нимъ было оставлено? Никто больше не давалъ?

— Нѣтъ, не давалъ,—признался Ивановъ.

— И ты ударилъ молоткомъ?

— Да, ударилъ... Но за нимъ не осталось, собственно, по тому случаю, что какъ торги должны были происходить на наличныя деньги, а у него всей суммы не оказалось...

— Ну, это неладно, неладно,—покачалъ головой земскій начальникъ.

Ивановъ терялся, конфузился.

— Что же другіе,—вновь заговорилъ Рябовъ:—вносили деньги на третьи, на четвертыя сутки, а вещи

уносили съ собой? А мнѣ не повѣрили! Спросите обо мнѣ...

— У васъ денегъ не было,—вступился упоминавшійся Рябовымъ Василій Петровичъ, стоявшій тутъ же.— Вы взяли у Анны Никифоровны, чтобы этими деньгами и уплатить...

— Что же ты другихъ допускалъ?—вновь обратился земскій начальникъ къ старшинѣ.

— На него я не надѣялся,—отвѣчалъ тотъ, нѣсколько оправившись.—Потому, я увидѣлъ,—проговорилъ онъ скороговоркою,—что тутъ—кулачество, спекуляція... Онъ покупалъ, чтобы продавать опять.

— Нѣтъ, какъ вамъ не безъизвѣстно,—сталъ, конфузясь, оправдываться Рябовъ,—у меня дочь одна замужемъ, въ ихъ общество выдана, то я собственно для нея...

— Вы тутъ же стали предлагать,—рѣшительно перешелъ въ наступленіе старшина.

— Неправда!—возразилъ Рябовъ.—Вы стали меня убѣждать, чтобы я уступилъ.. А потомъ—это лихоимство!—прибавилъ онъ весьма рѣшительно.

— Послушай, Рябовъ, нельзя такъ говорить,—остановилъ его земскій начальникъ.—Нужно говорить съ основаніемъ, а то самъ попадешь подъ судъ.

— У меня свидѣтели на это есть,—настаивалъ жалобщикъ.

— Такъ, значитъ, за нимъ осталось?—прервалъ его земскій начальникъ, заминая категорическое заявленіе, представлявшее, быть можетъ, не совсѣмъ правильную квалификацію дѣянія коровинскаго волостного старшины.

— Да, за нимъ,—признался опять старшина.—Но какъ у него не было всѣхъ денегъ...

— За кѣмъ послѣ было утверждено?—спросилъ земскій начальникъ.

— За Тюменевымъ...

— Да его тутъ не было,—замѣтилъ Рябовъ.

— За него Василій Петровичъ торговался,—объяснилъ Ивановъ.—Все равно, какъ онъ близкій родственникъ... Его попросили...

— Что же, его попросили,—поддержалъ земскій начальникъ Иванова.—И я бы могъ кого-нибудь попросить, и ты бы также могъ,—убѣждалъ онъ Рябова.—Ну, что же,—обратился онъ къ старшинѣ.—Тюменевъ не вступилъ еще во владѣніе имуществомъ?

— Нѣтъ.

— А деньги получены?

— Получены сполна и записаны на приходъ,— добавилъ Ивановъ.

— Я желаю, ваше высокоблагородіе, чтобы, значитъ, осталось за мной,—заявилъ Рябовъ.

— Нѣтъ, этого нельзя,—отвѣтилъ земскій начальникъ, и тотчасъ же провозгласилъ свое постановленіе, безъ ссылокъ на какіе-либо законы: „торги отмѣнить, деньги возвратить и назначить новые торги".

Въ такомъ порядкѣ разсматривалось дѣло о публичныхъ торгахъ,—о важномъ актѣ продажи имущества общественною властью, которому законъ, естественно, стремится придать особую твердость. Вопросъ о гражданскихъ правахъ двухъ лицъ оказался разрѣшеннымъ безъ особенныхъ затрудненій: одни торги уничтожилъ старшина, другіе—земскій начальникъ. Оказалось возможнымъ требовать, чтобы торгующійся, тутъ же, въ моментъ высшей наддачи, имѣлъ всѣ деньги, которыя нужно было бы заплатить,—и даже оказалось возможнымъ предъявлять подобное требованіе на самыхъ торгахъ. Не была вовсе разъяснена вся неосновательность подобнаго требованія, которое, кстати сказать, весьма широко примѣняется въ крестьянской средѣ и приводитъ, естественно, къ тому, что скупщиками на торгахъ являются только люди богатые, и имущество скупается всегда за безцѣнокъ... Оказалось также возможнымъ и правильнымъ торговаться за другого, „по просьбѣ", безъ довѣренности,—чѣмъ въ публичные торги, очевидно, вносится совершенно несвой-

ственная имъ шаткость и неопредѣленность, соединенныя съ возможностью ихъ ниспроверженія. И, при всемъ томъ, старшина оказался правъ.

Провозглашенная резолюція произвела свое впечатлѣніе...

— Нѣтъ, братъ, стой, шалишь!—подъ этого старшину не подкопаешься... Ограда у него, ограда—не перескочишь!—Такъ, довольно близко, кажется, выразилъ общее настроеніе въ заднихъ рядахъ уже пьяненькій мужичекъ, выпившій лишнее, конечно, у того же Иванова.

— Тише, тише!—раздались окрики изъ переднихъ рядовъ, въ которыхъ стояли начальствующіе.

— Нѣ-ѣтъ, не доста-анешь!—затянулъ было тотъ же голосъ и смолкъ...

А запахъ водки слышался сильнѣе и сильнѣе... Лавка Иванова, должно быть, дѣлала свое дѣло...

III.

— Тутъ еще твое дѣло, Ивановъ,—объявилъ земскій начальникъ, когда старшина повернулся, чтобы выйти.—Подожди!

— Слушаю-съ!

Земскій начальникъ началъ перелистывать бумаги.

— Вареговскіе тутъ?—спросилъ онъ.

— Тутъ-съ,—отвѣтили нѣсколько голосовъ.

Небольшая группа мужчинъ и женщинъ протискалась впередъ.

— Вотъ,—началъ земскій начальникъ, указывая на Иванова: — съ новаго года ему придется прекращать торговлю въ теперешнемъ своемъ помѣщеніи [1]). Но у него много распущено въ долги. Онъ проситъ, поэтому, не сдадите ли вы ему имѣющуюся у васъ здѣсь, въ Кобылинѣ, землю на десять лѣтъ для постройки? По моему,

[1]) Какъ сказано выше, собственно, фактически, торговалъ въ мелочной лавкѣ и въ находившейся рядомъ съ нею винной лавкѣ неотдѣленный сынъ Иванова. Но документы были на другое лицо,—такъ какъ ни старшинамъ, ни неотдѣленнымъ членамъ ихъ семействъ питейная торговля закономъ не дозволяется Те-

можно бы... Борисовъ, все равно, сбѣжитъ отъ васъ [1]). Винной торговли не будетъ больше. Я ужъ не допущу [2]). А платить съ одной мелочной лавочки да чайной—ему будетъ накладно... Такъ какъ? Согласны?

— Согласны, согласны!—раздалось нѣсколько голосовъ...

Но согласіе выражалось довольно слабо, и чей-то голосъ довольно громко настраивалъ: „кричите, бабы, что согласны“...

— Согласны, согласны!—подтвердило нѣсколько болѣе крикливыхъ голосовъ.

— Но какъ же?—выступило новое лицо съ видомъ лавочника, при фартукѣ, оказавшееся Борисовымъ:—вѣдь, у меня условіе... Они не имѣютъ никакого полнаго права никому сдавать...

— Кто они?—спросилъ земскій начальникъ.

— Общество,—пироговское общество,—отвѣчалъ Борисовъ.

— Да, общество, дѣйствительно, не имѣетъ права,—а тутъ одна деревня,—объяснилъ земскій начальникъ.

перь же, изъ словъ земскаго начальника, оказывалось, что обѣ лавочки, юридически, принадлежали Иванову-отцу. Для Иванова отца были, по предписанію земскаго начальника, собраны и „вареговскіе“, то-есть домохозяева деревни Варегино, составлявшей, вмѣстѣ съ десятью другими селеніями, „деревенское общество“,—иначе поземельную общину, входившую въ составъ сельскаго общества, называвшагося „пироговскимъ“. Домохозяева деревни Варегино присвоивали себѣ право на тотъ участокъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже, какъ о предметѣ аренды для Иванова, въ видахъ устройства торговаго помѣщенія.

[1]) Борисовъ, котораго мы увидимъ сейчасъ, былъ другой торговецъ, снявшій у всѣхъ одиннадцати деревень, у всей поземельной общины, землю съ помѣщеніями на ней, принадлежащими другому лицу, для производства торговли вмѣсто Иванова. Земскій начальникъ говорилъ: „у васъ“,—такъ какъ деревня Варегино входила въ составъ этой общины, заключавшей съ Борисовымъ условіе, и домохозяева Варегина вмѣстѣ съ прочими, какъ мы увидимъ, подписывались подъ соотвѣтствующимъ приговоромъ.

[2]) Нужно отдать справедливость земскому начальнику: онъ обнаружилъ извѣстное вліяніе, съ цѣлью прекращенія въ Кобылинѣ питейной торговли, наносившей крайній вредъ населенію и особенно плачевно отражавшейся на дѣлахъ самоуправленія. Но это было сдѣлано только послѣ того какъ Иванову пришлось оставить здѣсь питейную торговлю..

— Деревня въ обществѣ,—ихъ одиннадцать деревень,— возразилъ Борисовъ.

— Они свою землю отдаютъ Иванову.

— Да они и мнѣ сдали ту же землю... У меня условіе. Вы сами его и утвердили...

— Нѣтъ, я не утверждалъ,—отказался земскій начальникъ.

— Нѣтъ утвердили,—настаивалъ Борисовъ.

— Утвердилъ?—обратился земскій начальникъ съ вопросомъ къ волостному писарю.

— Да, утвердили, когда было представлено нотаріальное условіе,—объяснилъ писарь.

— А!—да, вѣрно,—пришлось утвердить,—вы выкинули штуку.

— А въ приговорѣ сказано, что...—началъ Борисовъ.

— Гдѣ приговоръ?—прервалъ его земскій начальникъ.

— Вотъ,—сказалъ Борисовъ, протягивая бумагу.

И земскій начальникъ прочелъ приговоръ о сдачѣ домохозяевами одиннадцати деревень и въ томъ числѣ домохозяевами деревни Варегино, Борисову, земли подъ торговыя заведенія, съ ежегодною платою въ 350 рублей и безъ особой приплаты за разрѣшительные приговоры на питейную торговлю...

— Ну, да,—закончилъ земскій начальникъ чтеніе приговора, подавая бумагу Борисову.—Это общество изъ одиннадцати деревень обязалось... А деревня Варегино можетъ и одна... Что же, согласны вы?—обратился онъ опять къ представителямъ деревни Варегино.

— Согласны, согласны!—заявили нѣсколько голосовъ.

Но на сей разъ, послѣ объясненія Борисова, согласіе было выражено еще слабѣе. Не трудно было видѣть, что далеко не всѣ сознательно принимали предложеніе. Нѣкоторые упорно молчали. Иные высказались слишкомъ вяло, сквозь зубы, хотя дѣло было выгодно для нихъ. Странность дѣла всѣхъ озадачивала. Домохозяева Варегина, видимо, находились въ большомъ затрудненіи.

Опять, вслѣдствіе этого, чей-то голосъ настраиваетъ

хоръ къ болѣе единодушному выраженію согласія: „кричите, бабы, что согласны“..

И опять раздается нѣсколько болѣе крикливыхъ голосовъ:

— Согласны, согласны!

— Ну, и ладно!—подтвердилъ земскій начальникъ.

Тутъ выступилъ самъ Ивановъ.

— Сколько же вы возьмете съ меня, господа?—спросилъ онъ.

— А сколько вамъ земли?—спросили его.

— А сколько вамъ будетъ угодно...

— Не намъ, а вамъ,—поправилъ Иванова кто-то изъ числа договаривавшихся. — Вы снимаете и, значитъ, знаете, сколько нужно.

— Ну, хоть десятинку,—сказалъ Ивановъ.

— Сто рубликовъ; а если всѣ три десятины, что есть, возьмете, такъ двѣсти,—предложилъ одинъ изъ вареговскихъ домохозяевъ.—Довольно, что-ли, будетъ?—обратился онъ къ сосѣдямъ.

— Довольно, довольно! — отвѣтили нѣсколько голосовъ.

Ивановъ сталъ просить „посбавить“. Начался торгъ, очень скоро окончившійся. Сбавки не послѣдовало.

— Ну, ладно,—сказалъ Ивановъ, соглашаясь платить двѣсти рублей за три десятины.

Волостной писарь сталъ писать тогда приговоръ.

— Не пойму, какія тутъ условія,—высказалъ онъ черезъ нѣсколько времени свое недоумѣніе.

— Ну, что ты тамъ написалъ? —спросилъ земскій начальникъ.

Писарь подалъ ему свою работу.

— Что же, такъ,—одобрилъ земскій начальникъ.— А дальше нужно означить, что земля сдается на десять лѣтъ; постройки, по истеченіи этого времени, остаются въ пользу Иванова; сборы съ него...—включалъ онъ въ договоръ отъ себя условія, о которыхъ стороны пока и не говорили...

Такъ былъ написанъ и въ такомъ видѣ прочитанъ приговоръ. Теперь нужно было подписываться. Тогда возникъ вопросъ о числѣ представителей Варегина, обсуждавшихъ и разрѣшавшихъ дѣло.

— Староста, считай!—приказалъ земскій начальникъ.

Нашлось двѣнадцать голосовъ, принадлежавшихъ мужчинамъ-домохозяевамъ. Всѣхъ же участвовавшихъ въ сходѣ представителей Варегина было здѣсь двадцать два; въ томъ числѣ находилось нѣсколько женщинъ,—лицъ съ неопредѣленными правами.

— Пусть подписываются,—приказываетъ земскій начальникъ,—сами домохозяева и имѣющіе голоса по передовѣрію, а также вдовы-домохозяйки.

Но въ числѣ присутствующихъ женщинъ вдовъ только одна, да и у той,—говоритъ кто-то,—взрослый сынъ.

— На кого платежная книжка?—спрашиваетъ относительно послѣдней земскій начальникъ.

— На сына,—отвѣчаетъ староста,—и голосъ имъ переданъ... Зачѣмъ же ты пришла?—спрашиваетъ онъ вдову, на дѣлѣ и являющуюся настоящей домохозяйкой, такъ какъ сынъ постоянно живетъ на сторонѣ, еще не женатъ и не достигъ гражданскаго совершеннолѣтія.

— Да голосъ нашъ умеръ,—отвѣчаетъ она.

Раздается смѣхъ.

— Какъ голосъ умеръ?—спрашиваетъ земскій начальникъ.

— А мужчина, которому сынъ-отъ мой передалъ голосъ за себя и который ходилъ за насъ на сходъ, умеръ, значитъ,—объяснила вдова.

— А! понимаю,—сказалъ земскій начальникъ.

Тутъ возникаетъ новое недоумѣніе: какъ быть съ остальными женщинами? Онѣ явились вмѣсто мужей, а сходъ получаетъ характеръ оффиціальный,—явно выйдетъ изъ предѣловъ внутренней жизни селенія: постановленіе его можетъ оказаться на разсмотрѣніи высшей власти.

— Ваше высокоблагородіе,—пытается кто-то разрѣ-

шить затрудненіе:—тутъ и бабамъ можно —это не сельскій, а деревенскій сходъ; онѣ у насъ бываютъ.

— Ну, ладно, все равно,—соглашается земскій начальникъ.—Пусть и бабы подписываются въ концѣ. Значитъ, будетъ двадцать два голоса... Все-таки большинство...

Послѣ этого участвующіе приступаютъ къ подписанію приговора.

Земскій начальникъ уходитъ въ отведенную ему комнату. Присутствующіе, какъ солдаты послѣ словъ команды: „о-п-прав-сь!“ начинаютъ чихать, кашлять, сморкаться [1])...

IV.

„Оправляться“ пришлось недолго. Часть лицъ, явившихся въ правленіе, должна была вскорѣ занять свои мѣста. Послѣдовало распоряженіе земскаго начальника

---

[1]) Въ объясненіе описанной сцены, слѣдуетъ сказать, что въ данной мѣстности допускаются на сельскій сходъ, и то не по всѣмъ дѣламъ, лишь вдовы-домохозяйки, владѣющія землей и самостоятельно оплачивающія всѣ повинности Но если и у такихъ вдовъ подростаютъ сыновья, то матери устраняются отъ общественнаго представительства. Право на участіе въ общественныхъ дѣлахъ переходитъ къ сыновьямъ При этомъ, коль скоро послѣдніе живутъ на сторонѣ (что здѣсь и наблюдается, чаще всего), то они обязываются передавать свои голоса мужчинамъ-однообщественникамъ. Передача эта совершается за плату, колеблющуюся между тремя и шестью рублями. Безъ такой передачи не выдается и паспортъ. Передавать женамъ свой голосъ домохозяева не могутъ. Голосъ не сохраняется даже за матерями не женатыхъ сыновей,—за матерями, которыя самостоятельно имъ пользовались, пока сыновья не пришли въ надлежащій возрастъ, или собственно, пока послѣдніе не стали оплачивать повинности, —такъ какъ въ крестьянской средѣ, обремененной платежами, это считается главнымъ признакомъ совершеннолѣтія. Но собственно въ селенскихъ или деревенскихъ сходахъ, существующихъ по обычаю, какъ описанный, по дѣламъ, касающимся чисто внутренней жизни одного даннаго селенія,—женщины, обыкновенно, участвуютъ, и какъ представительницы своихъ мужей, безъ особаго уполномочія;—однако, съ правами неполными, неопредѣленными и нерѣдко оспариваемыми... Понятно, къ какому произволу можетъ приводить недостаточность закона, взамѣнъ котораго, при безправности женщинъ, развились всѣ эти обычаи, сами по себѣ не представляющіе ничего устойчиваго .. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, будь приговоръ неугоденъ земскому начальнику,—и онъ, не разрѣшивъ женщинамъ подписываться хотя бы „въ концѣ“ сдѣлалъ бы его фактически ничтожнымъ...

открыть сходъ безъ него. Староста поэтому тотчасъ приказалъ однообщественникамъ собираться, и затѣмъ приступилъ къ перекличкѣ.

Читается списокъ домохозяевъ. Поименованные въ немъ даютъ соотвѣтствующіе отвѣты:

— Здѣсь?

— Нѣту!

— Мнѣ переданъ голосъ,—выступаетъ тотъ или другой изъ числа присутствующихъ домохозяевъ собравшагося общества.

— Въ книгу записано?—спрашиваетъ староста въ такихъ случаяхъ.

— Какъ же! записано.

— Уѣхалъ такъ, не передавши голоса,—дѣлается замѣчаніе объ одномъ изъ домохозяевъ, названномъ по списку

— Ахъ, онъ!..—ругается староста.

— Зачѣмъ же паспортъ выдали?—замѣчаетъ кто-то.

— Этакъ и я уѣду,—расходу лишняго не будетъ...—говоритъ другой членъ, разумѣя расходъ по передачѣ голоса,—плату, которая вручается лицу, принимающему голосъ.

Списокъ провѣренъ. Законное число голосовъ есть. Изъ 96 домохозяевъ явились 42 съ 79 голосами (у 37 домохозяевъ по два голоса,—свой и по передачѣ).

— Объявляю сельскій сходъ открытымъ!—говоритъ староста.—Намъ нужно назначить выборныхъ на волостной сходъ и выбрать десятскихъ.

Это—единственное дѣло, для котораго собранъ сходъ. Впрочемъ, тутъ, собственно, два дѣла; но они соединяются въ одно, такъ какъ въ описываемой мѣстности отправленіе обязанностей десятскаго и выборнаго волостнаго схода совмѣщается, обыкновенно, въ одномъ лицѣ. Отъ каждыхъ десяти дворовъ или отъ поселка съ меньшимъ числомъ дворовъ—требуется, по закону, одинъ выборный на волостной сходъ. Отъ тѣхъ же единицъ требуется десятскій. И желающихъ, и способныхъ съ тѣмъ

вмѣстѣ занимать обѣ должности—мало, въ виду того, что большая часть мужчинъ живетъ на сторонѣ отхожими промыслами. Оттого установилась очередь въ отправленіи этихъ обязанностей и совмѣщеніе ихъ въ одномъ лицѣ. Дворы, не могущіе выставить своего представителя для отправленія дошедшей до нихъ очереди „ходить“ въ десятскихъ и выборныхъ, „нанимаютъ“ для этого сосѣдей. Иные живущіе дома домохозяева почти безсмѣнно, поэтому, состоятъ въ выборныхъ и десятскихъ. Обходится этотъ наемъ очереднымъ дворамъ отъ шести до восьми рублей. Къ обязанностямъ десятскихъ отнесена поредача отъ деревни до деревни „приказовъ“ сельскаго старосты о явкѣ на сходъ (приказовъ, указывающихъ только время для явки, но не поясняющихъ, для чего, именно, сходъ созывается). Это — обязанность легкая. Ее можетъ выполнить каждый дворъ собственными силами (деревни маленькія и разстоянія между ними незначительныя). Отсюда же существованіе двухъ видовъ десятскихъ: „полицейскаго десятскаго“ —или собственно десятскаго, какъ онъ называется въ законѣ,—и „деревенскаго десятскаго“. На первомъ лежатъ собственно полицейскія обязанности; второй единственно передаетъ „приказъ“ старосты о явкѣ на сходъ въ сосѣднюю деревню, оповѣстивъ о „приказѣ“ своихъ однодеревенцевъ. Такъ какъ отправленіе обязанностей деревенскаго десятскаго самимъ дворомъ, до котораго дошла очередь поставить десятскаго и выборнаго и который не можетъ самъ выставить изъ своей среды, для исполненія этого, годнаго мужчины,—даетъ нѣкоторое уменьшеніе наемной платы, то въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и оказываются одновременно и полицейскій десятскій, и десятскій деревенскій. Большею же частью, обѣ должности совмѣщаются. Такимъ образомъ, обыкновенно въ одномъ лицѣ собственно совмѣщаются три должности: двѣ установленныя закономъ—выборнаго волостного схода и десятскаго—и одна образовавшаяся по обычаю,—деревенскаго десятскаго. Назначеніе лицъ, для отправленія этихъ обязанностей, ле-

житъ на каждой деревнѣ особо. Это—ея внутреннее дѣло. Но, по закону, выборные волостного схода и десятскіе назначаются сельскими сходами. Отсюда—необходимость для сельскихъ сходовъ какъ бы утверждать назначенія, сдѣланныя на деревенскихъ сходахъ. И сельскіе сходы всецѣло ограничиваютъ свою дѣятельность по настоящему предмету выполненіемъ требуемой формальности. Въ выборы они не вмѣшиваются даже въ томъ случаѣ, если домохозяева одной деревни, не успѣвъ сговориться дома, „укладываютъ“ здѣсь уже, на сельскомъ сходѣ, кому быть выборнымъ волостного схода и полицейскимъ десятскимъ. Остальные члены схода, представители другихъ деревень, при этомъ только безмолвно присутствуютъ. Обязанности сельскихъ сходовъ, созываемыхъ для настоящей цѣли, весьма, такимъ образомъ, несложны.

Одинъ изъ такихъ сходовъ и происходитъ сейчасъ. Онъ созванъ только для подтвержденія выборовъ и назначеній, сдѣланныхъ деревенскими сходами селеній, входящихъ въ составъ даннаго сельскаго общества. Староста просто принимаетъ заявленія отъ представителей отдѣльныхъ селеній о томъ, кто у нихъ будетъ выборнымъ и полицейскимъ десятскимъ (деревни въ описываемой мѣстности заключаютъ въ себѣ меньше десяти дворовъ каждая). Заявленія дѣлаются при этомъ обыкновенно тѣми, чья очередь „ходить“ въ десятскихъ или выборныхъ, или которые договорились, „нанялись“ отправлять эти обязанности или „ходить“ за другихъ.

— Кого же, говори, ты долженъ знать?—спрашиваетъ староста кого-либо изъ домохозяевъ данной деревни.

— Ну, записывай (меня или такого-то).

— Ладно! Дальше! Деревня Жуково! Кто тутъ изъ Жукова, сказывайте, за кѣмъ очередь?

Но съ деревней Жуково—нѣкоторое затрудненіе. Отбывать по очереди повинность, „ходить“ въ выборныхъ и десятскихъ иныя деревни заставляютъ и тѣ дворы, въ

которыхъ вообще нѣтъ мужчинъ соотвѣтствующаго возраста (не менѣе двадцати-пяти лѣтъ, хотя въ законѣ наименьшій возрастъ для выборнаго не установленъ),—и даже дворы, принадлежащіе бездѣтнымъ, одинокимъ вдовамъ... Тяжесть повинности приводитъ къ стремленію—разложить ее на всѣхъ, безъ всякаго исключенія. Такимъ путемъ и въ деревнѣ Жуковѣ очередь дошла нынѣче до бѣдной, бездѣтной вдовы. Дома, на деревенской сходкѣ, она не могла отклонить возлагавшуюся на нее обязанность. Теперь же она пытается сдѣлать это на сельскомъ сходѣ или, такъ сказать, въ его присутствіи. Обращаясь и здѣсь къ своимъ однодеревенцамъ, она, все-же, какъ бы аппеллируетъ къ сельскому сходу... Съ плачемъ доказываетъ она, что возлагаемая на нее обязанность не можетъ относиться къ ней, какъ къ женщинѣ бездѣтной, что ей не на что „нанять"; что она должна будетъ продать послѣдній „льнишко", оставленный для того, чтобы „попрясть самой"... Но сходъ безучастенъ. Домохозяева прочихъ селеній, участвующіе въ сходѣ, уклоняются отъ вмѣшательства въ „чужое" дѣло. Раздаются только отдѣльныя сочувственныя замѣчанія. Однако, въ концѣ концовъ,—но все-же именно жуковскіе домохозяева предоставляютъ сосѣдкѣ „нанять" десятскаго, вмѣстѣ съ другою такою же вдовою, у которой есть неприписанный къ обществу зять. Тѣмъ не менѣе, она, почему-то не пользуется предложеннымъ ей облегченіемъ и предпочитаетъ „нанять" подходящее лицо одна, „безъ канители",—и тутъ же, не переставая плакать, нанимаетъ сосѣда за пять рублей (съ очевидной уступкой съ его стороны).

Это было единственное обстоятельство, нѣсколько затянувшее сходъ. Во всемъ остальномъ онъ прошелъ очень гладко. Скоро были выписаны, прочитаны и подписаны два соотвѣтствующіе приговора.

Таковъ механизмъ выборовъ въ члены волостного схода и десятскіе [1]).

---

[1]) Настоящій сходъ и закончился, какъ видно, въ отсутствіи земскаго начальника. Казалось бы, послѣдній не проявилъ инте-

V.

Вскорѣ отъ земскаго начальника послѣдовало приказаніе собираться членамъ волостного схода. Вновь появился и самъ земскій начальникъ. Онъ усѣлся за столъ. Члены схода стояли,—впереди должностныя лица (члены по должности), дальше—выборные члены.

— Сколько собралось всѣхъ?—спросилъ земскій начальникъ.

— Сорокъ пять изъ пятидесяти двухъ-съ,—отвѣтилъ старшина, законный предсѣдатель, но нынѣ стоявшій вмѣстѣ съ должностными лицами въ роли совершенно неопредѣленной.

— Такъ... Ну, вамъ нужно будетъ выбрать сотскихъ,—обратился земскій начальникъ къ сходу, вступая въ роль предсѣдателя.

— Старыхъ! Старыхъ!—тотчасъ раздалось нѣсколько дружныхъ голосовъ.

— Это вѣдь грязь мѣсить,—пояснилъ кто-то.

— Старые-то привыкли,—подкрѣпилъ другой голосъ.—Новые скорѣй сбѣгутъ...

— Старыхъ, старыхъ! — вновь раздались дружные голоса.

— А старые,—ваше высокоблагородіе, согласны,—сдѣлалъ старшина существенное добавленіе, такъ какъ сотскіе назначаются здѣсь по найму.

реса къ выборамъ. Но это—не такъ. Интересъ къ выборамъ въ члены волостного схода былъ проявленъ имъ въ свое время. Когда приговоръ о лицахъ, назначенныхъ выборными волостного схода, былъ представленъ ему на разсмотрѣніе (превратившееся, впрочемъ, на практикѣ, въ утвержденіе по отношенію къ такимъ, равно и ко всѣмъ прочимъ приговорамъ, не требующимъ утвержденія со стороны какой-либо власти),—онъ просто вычеркнулъ одно неугодное ему лицо и представилъ этотъ приговоръ, въ этой его части, къ отмѣнѣ въ уѣздный съѣздъ. Такова система устраненія неугодныхъ членовъ изъ состава сельскихъ и волостныхъ сходовъ, свободно примѣняемая и нынѣ, безъ установленія въ законѣ соотвѣтствующихъ—проектируемыхъ нѣкоторыми—правъ для земскихъ начальниковъ.

— Согласны-ли?—переспросилъ тогда земскій начальникъ.

— Согласны, согласны!—подтвердили нѣсколько голосовъ.

Въ такомъ же порядкѣ и такъ-же быстро рѣшено было оставить сотскимъ и прежній окладъ жалованья.

— А теперь насчетъ арестантской,—объявилъ земскій начальникъ, оставаясь въ роли предсѣдателя схода.—Старшина говоритъ, что ее нужно бы передѣлать.

— Да,—обратился къ сходу старшина.—Требуется передѣлочка. Потому, много бываетъ пьяныхъ. Бушуютъ часто. Мѣшаютъ заниматься въ правленіи.

— А сколько будетъ стоить передѣлка?—спросилъ одинъ изъ членовъ схода.

— Рублей двѣсти,—объяснилъ старшина.

— Много больно!—раздалось въ заднихъ рядахъ.

— Да и не нужно,—заявилъ кто-то.—Съ новаго года Ивановъ виномъ торговать не станетъ, пьяныхъ не будетъ, и станетъ тише. Не нужно.

— Не нужно, не нужно!—подхватило нѣсколько голосовъ.

— И такъ обойдемся,—раздался еще отдѣльный голосъ.—А то нынѣче двѣсти, завтра двѣсти... И такъ много расходовъ. Объ этомъ слѣдуетъ подумать. Нужно бы сокращать..

— Да, двѣсти рублей—сумма порядочная,—заключилъ пренія земскій начальникъ.—Значитъ, и приговора составлять не нужно,—обратился онъ къ писарю.—Пусть подписываются подъ однимъ.

Скоро былъ прочитанъ и приговоръ. Началось затѣмъ отбираніе подписей,—„дача рукъ“. Земскій начальникъ ушелъ. Постепенно разошелся и народъ, наполнявшій правленье цѣлый день. Не мало осталось, однако, представителей крестьянскаго самоуправленія около винной лавки Иванова, гостепріимно и широко уже распахнувшей свои двери по окончаніи схода.

VI.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Наступилъ новый годъ. Ивановъ не торговалъ больше ни въ мелочной, ни въ винной лавкахъ въ Кобылинѣ. Винной торговли здѣсь уже совсѣмъ не было. Борисовъ, не получивъ права на продажу крѣпкихъ напитковъ, однако, не сбѣжалъ, вопреки предсказанію земскаго начальника, а торговалъ, по прежнему, въ мелочной и чайной лавкахъ, перебравшись только въ новыя помѣщенія, которыя были до того заняты мелочною и винною лавками. Ивановъ же, въ свою очередь, уже построился-было на участкѣ, взятомъ въ аренду у крестьянъ деревни Варегино. Легонькая постройка, которая должна была вмѣщать мелочную лавку и квартиру для хозяина, была уже почти готова... Какъ вдругъ случился пожаръ... Какъ-то рано утромъ, солома, разбросанная по обрѣшетинѣ для крыши, которую въ этотъ день предполагалось крыть, вспыхнула отъ искръ, вылетавшихъ изъ трубы временной печки. Моментально занялась вся постройка,—и въ теченіе двухъ часовъ на мѣстѣ новаго помѣщенія Иванова образовалась куча пепла и обгорѣлыхъ бревенъ.

Огонь серьезно угрожалъ и нѣкоторымъ волостнымъ и сельскимъ общественнымъ постройкамъ. Спасло ихъ только то, что вѣтеръ дулъ въ противоположную сторону. Это не мѣшало, однако, Иванову начать, послѣ того, хлопотать о томъ, чтобы вновь построиться позволено было ему еще ближе къ общественнымъ зданіямъ. Очевидно, онъ считалъ свое положеніе достаточно благопріятнымъ, для того, чтобы проводить свои и столь сомнительныя дѣла навѣрняка.

Между тѣмъ, хотя и трудно было ожидать продолженія дѣла о сдачѣ Иванову земли крестьянами деревни Варегино,—тѣмъ не менѣе, десять деревень, права которыхъ были нарушены, не пожелали оставить дѣло такъ. Возникло дѣло [1]).

[1]) Въ объясненіе нѣкотораго, проявленнаго тутъ мѣстными крестьянами, упорства нужно сказать, что крестьяне эти—бывше

И вотъ, оба дѣла—о возведеніи Ивановымъ своихъ построекъ ближе къ общественнымъ зданіямъ, и споръ между одною и десятью однообщественными деревнями—были разрѣшены одновременно съ волостнымъ сходомъ, созывавшимся для годового учета волостного старшины Петрова,—и разрѣшены были тѣмъ же самымъ земскимъ начальникомъ.

Народъ созывался въ этотъ день въ Кобылино въ восемь часовъ. Въ девять всѣ были уже въ сборѣ. Но земскаго начальника все еще не было. Онъ пріѣхалъ около двѣнадцати часовъ.

Приблизительно, около часу земскій начальникъ вошелъ въ присутственную комнату волостного правленія, гдѣ его ожидалъ сходъ.

Воцарилась тишина.

— Ну, читай! — обращаясь къ писарю, приказалъ земскій начальникъ, закуривая папироску и усаживаясь на столъ.

О предсѣдательствѣ одного изъ старостъ, которое должно было наступить, по закону,—не возникло здѣсь и рѣчи: земскій начальникъ самъ принялъ опять на себя предсѣдательство.

Писарь сталъ читать статьи прихода. Главную статью этого рода составлялъ мірской волостной сборъ Почти исключительно имъ и покрывались многочисленные расходы (привожу статьи, какія удержались въ памяти):

...Двоимъ сотскимъ по 72 руб.; разсыльному—72 руб., правленскому сторожу—72 руб.; сторожихѣ при училищѣ—60 руб.; „становому приставу на дежурства десятскихъ при становой квартирѣ“—10 руб. 25 коп.; „на обивку комнаты для пріѣзда земскаго начальника“—4 руб.; урядннку квартирныхъ—30 руб.; на пріемъ чудотворныхъ иконъ 10 руб.; на молебны—21 руб.; на неугасимое масло передъ иконой—25 руб.; на отопленіе и освѣщеніе волостныхъ зданій—180 руб.; старшинѣ по

государственные, отличающіеся вообще бо́льшимъ развитіемъ личности чѣмъ крестьяне бывшіе помѣщичьи.

сдачѣ призываемыхъ къ воинской повинности—10 руб.; содержаніе призываемыхъ въ городѣ—27 руб.; награда принятымъ на службу—21 руб.; на письменныя принадлежности для училища—35 руб., жалованье старшинѣ—300 р.; жалованье волостному писарю—360 р.; двумъ учетчикамъ за настоящій учетъ—4 руб.; и пр., и пр. Общая сумма расходовъ составляла около 1.500 р. На рукахъ у старшины оставалось мірскихъ суммъ 18 к. и „переходящихъ“ суммъ 60 рублей.

— Значитъ, у тебя теперь восемнадцать копѣекъ? Много!—съострилъ земскій начальникъ.

Общій смѣхъ, не лишенный характера почтительности.

— Признаете, господа? — обратился староста къ сходу.

— Ну, что тутъ!—прервалъ его земскій начальникъ, какъ бы считая всякое обращеніе къ сходу въ его присутствіи и подъ его предсѣдательствомъ излишнимъ.— Читай!—приказалъ онъ писарю.

И писарь прочелъ готовый приговоръ объ учетѣ [1]).

Послѣ этого приступлено было къ опредѣленію расходовъ на мірскія потребности на слѣдующій годъ. Это заняло чуть-чуть больше времени. Большая часть статей сохранялась въ неизмѣнномъ видѣ. Но по нѣкоторымъ статьямъ проектировано было увеличеніе. При этомъ всѣ предложенія относительно прибавокъ не вызывали ни возраженій, ни одобренія. Сходъ молчалъ. Молчаніе же

---

[1]) Печальна картина учета, данная, въ свое время покойнымъ Астыревымъ („Въ волостныхъ писаряхъ“, изд 1-ое, стр. 39),— съ поясненіемъ, что учеты производятся такъ „почти всюду и вездѣ“ Но еще печальнѣе, конечно, эта позднѣйшая картина.. Тамъ, по прочтеніи заранѣе подготовленнаго приговора, спрашивается, все-же, согласіе схода на утвержденіе учета и предлагается желающимъ „книги или суммы провѣрить самимъ“, и наконецъ, послѣ отказа отъ этого—„стоитъ возжаться“!—предлагается поднять руки, въ знакъ дѣйствительнаго согласія. Здѣсь же, въ настоящее время, все приняло болѣе упрощенныя формы... Если тамъ не оказывается желающихъ произвести учетъ лично, то здѣсь это какъ бы и невозможно, такъ какъ представилось бы, нѣкоторымъ образомъ, вмѣшательствомъ въ дѣйствіе земскаго начальника .

его принималось за согласіе. Только въ концѣ подобнаго „обсужденія“ смѣты возникли непродолжительныя пренія по статьѣ, считавшейся уже принятою.

— Много больно выходитъ дровъ!—сказалъ кто-то.— Шутка ли! по пятнадцати саженъ въ мѣсяцъ, по полусаженкѣ въ день!

— Ну, и помѣщенье, вѣдь, большое отопить нужно!— возразилъ другой членъ схода. — Подумай: правленіе, квартира писаря, училище, фершальской пунктъ... Много и требуется.

— Топятъ больно жарко,—сдѣлалъ замѣчаніе новый членъ схода.—Нажарятъ,—дверь откроютъ; холодно станетъ,—опять топитъ... въ тотъ же день. Такъ—нельзя же...

— А въ крестьянствѣ,—дѣлается еще замѣчаніе,— такъ: сегодня потопятъ, а завтра смотрятъ, нельзя ли и такъ обойтись, не будетъ ли тепло и безъ топки...

— Ну, это плохой примѣръ!—замѣтилъ кто-то.

Этимъ все и кончилось.

Въ результатѣ смѣты—раскладка „на крестьянъ и мѣщанъ“... по землѣ, въ размѣрѣ 43 коп. съ десятины... на одну копѣйку больше противъ предшествующаго года [1]).

— Тяжеленько!—вздохнули нѣкоторые члены схода, когда былъ объявленъ этотъ результатъ.

— И все прибавляется, да прибавляется, хоть по копѣечкѣ каждый годъ.

— Сбавить бы какъ не худо...

Еще въ этомъ смыслѣ сдѣлано было нѣсколько замѣчаній.

— А вотъ, господа, для облегченія, мы думаемъ привлечь пришлыя деревни,—обратился тутъ старшина къ сходу, подразумѣвая подъ „пришлыми деревнями“ нѣсколько находившихся въ предѣлахъ волости поселковъ крестьянъ сосѣдней губерніи, которые переселились

[1]) Тутъ подразумѣваются мѣщане, вышедшіе изъ среды мѣстныхъ крестьянъ и владѣющіе выкупленными ими надѣльными землями

сюда на купленныя частно-владѣльческія земли и остались, частью въ составѣ своихъ сельскихъ обществъ, большею же частью перешли въ мѣщане, для того, чтобы избѣжать чрезмѣрной тяжести личныхъ и денежныхъ повинностей, лежащихъ на крестьянахъ.—Какъ это сдѣлать, нужно будетъ подумать... Можно будетъ...—началъ было старшина.

— Ну, тамъ, сдѣлаемъ это какъ-нибудь,—прервалъ его объясненіе земскій начальникъ.

VII.

— Теперь дѣло Иванова!—объявилъ земскій начальникъ.

Ивановъ былъ тутъ и выступилъ впередъ.

— Кстати, Ивановъ,—обратился земскій начальникъ къ коровинскому волостному старшинѣ:—твой сынъ былъ у меня и просилъ опять о винной торговлѣ... Не могу, не допущу...

— Я и самъ не желаю-съ; слава Богу, что развязался-съ,—началъ увѣрять Ивановъ.

— Стало лучше,—добавилъ мѣстный старшина.—А то были бы уже пьяные.

— Куда теперь покойнѣе!—замѣтилъ кто-то и изъ среды схода.

— Какъ можно!—подтвердилъ другой: кабакъ рядомъ али и совсѣмъ нѣтъ его ..

Еще кто-то обнаружилъ желаніе высказаться по этому предмету. Но тутъ земскій начальникъ счелъ нужнымъ прервать замѣчанія, свидѣтельствовавшія о свойствѣ того вліянія, которое имѣлъ Ивановъ и за предѣлами своей волости.

— Такъ вотъ, — сказалъ онъ: — Ивановъ проситъ, чтобы вы разрѣшили ему построиться иначе... вотъ такъ здѣсь...—и земскій начальникъ показалъ, какъ именно желалъ бы Ивановъ построиться на томъ пепелищѣ, ко-

торое находилось передъ правленіемъ и было хорошо видно изъ окошка.

— Нѣтъ,—такъ, какъ онъ желаетъ, намъ неудобно!— тотчасъ послѣдовало возраженіе.

— Такъ намъ придется платить больше страховки,— объяснилъ мѣстный старшина.—Теперь мы страхуемъ общественныя зданія, какъ отдѣльную усадьбу,—а тогда будемъ ужъ какъ въ селеніи. Премія будетъ больше,— потому, станетъ опаснѣе. Разница будетъ большая,—добавилъ онъ.

— Сохрани Богъ, если опять несчастный случай!— поддержалъ кто-то старшину.

— Расходъ намъ выходитъ лишній,—послѣдовало новое замѣчаніе.

— Я, господа, прибавлю пятьдесятъ рублей,—сказалъ Ивановъ.

Но оказалось, что излишекъ страховой преміи, которую придется платить, если новая постройка будетъ возведена такъ близко къ правленію и къ другимъ общественнымъ зданіямъ, какъ желалъ Ивановъ, составитъ около восьмидесяти рублей. Это и объяснилъ кобылинскій волостной старшина.

— Что же, онъ заплатитъ и всю разницу,—сказалъ земскій начальникъ за Иванова.

Но тутъ сходъ заволновался. Съ разныхъ сторонъ стали раздаваться разомъ и отдѣльно рѣшительныя замѣчанія:

— Нѣтъ, лучше не надо!

— Помилуй Богъ, если пожаръ!

— Загорится тутъ, такъ все сгоритъ!

— Что страховое вознагражденіе!—на него всѣхъ построекъ не поставишь!

— Да и не однѣ постройки сгорятъ! въ магазеяхъ-то, вѣдь, хлѣбъ!

— И то погорѣли-было ужъ! Хорошо, что вѣтеръ дулъ не въ ту сторону. А то...

— Рубашку бы съ насъ снялъ!

— Тутъ вѣдь што всего погоритъ: хлѣбъ, фершальскій пунктъ, училище, правленіе...

— Ребятамъ и учиться негдѣ будетъ!

— Былъ ужъ случай!

— И опять все можетъ быть!

— А онъ еще ближе хочетъ!

— Съ ума онъ сошелъ!

Возраженія раздавались громче и громче. Это былъ рѣдкій случай, когда по дѣлу высказывался каждый членъ схода. Всѣ были противъ предложенія. Ни одного голоса—за. Слишкомъ ужъ существенно угрожало предложеніе интересамъ волости.

— Стойте, стойте, замолчите!—закричалъ тутъ земскій начальникъ, покрывая голоса разошедшихся-было членовъ схода.—Не о томъ теперь рѣчь...

— Молчите, молчите!—начали водворять тишину и прочіе начальствующіе, стоявшіе впереди.

Сходъ смолкъ, какъ бы считая, что дѣло рѣшено,—предложеніе отвергнуто.

— Вашему старшинѣ вышла медаль,—заявилъ земскій начальникъ.—Я ее удержалъ у себя, чтобы вручить ему лично, при васъ. Старшина награжденъ за хорошую службу. Вотъ!

И земскій начальникъ подалъ медаль старшинѣ Петрову, который стоялъ передъ нимъ.

— Благодаримъ, выше высокоблагородіе, благодаримъ!—раздалось со стороны схода.

— Поздравляемъ, поздравляемъ!—обращался сходъ къ старшинѣ.

Но тутъ общее удовольствіе было нарушено въ пользу Иванова, который продолжалъ стоять впереди, видимо не считая своего дѣла оконченнымъ.

— Ну, такъ вотъ, Ивановъ, заплатишь, значитъ, разницу,—обратился къ нему земскій начальникъ, возвращаясь къ прежнему дѣлу и разрѣшая его на сей разъ уже единолично,—а тамъ, стройся съ Богомъ, если съѣздъ утвердитъ мое постановленіе по дѣлу, которое я

буду сейчасъ разбирать,—добавилъ онъ, еще до разбирательства предрѣшая свое постановленіе.

Крестьяне, видимо, были озадачены настолько, что никто не сказалъ ни одного слова. Да и небезопасно было уже тутъ и говорить что-нибудь: каждому угрожала дисциплинарная власть земскаго начальника.

Дѣйствіе, между тѣмъ, продолжалось.

VIII.

— Дѣло вареговскихъ крестьянъ!—тотчасъ объявилъ земскій начальникъ.—Здѣсь они?

— Здѣсь-съ,—отвѣтилъ старшина:—вареговскіе, подходите!—обратился онъ, затѣмъ, по направленію къ собравшимся.

Впередъ протискалось нѣсколько мужчинъ и женщинъ изъ числа участвовавшихъ въ прошлый разъ въ сдачѣ Иванову въ аренду земли для возведенія построекъ, о которыхъ шла рѣчь. Въ числѣ этихъ лицъ, представлявшихъ одну сторону въ дѣлѣ, находился староста всего пироговскаго сельскаго общества и поземельной общины, которую составляли одиннадцать деревень и которая, въ лицѣ десяти селеній, являлась другою стороною. Староста самъ былъ изъ деревни Варегина.

— Уполномоченные отъ десяти деревень,—Васильевъ, Семеновъ, Ларіоновъ!—вызывалъ земскій начальникъ.

— Здѣсь!—выступили три крестьянина, ставъ на другую сторону, противъ первой группы.

— Чего вы желаете?—обратился къ нимъ земскій начальникъ.

— Земля эта находится въ общемъ владѣніи всѣхъ одиннадцати деревень, а никакъ не одного Варегина,—отвѣтилъ одинъ изъ уполномоченныхъ, Ларіоновъ.

— Изъ всѣхъ деревень ни одна не знаетъ у насъ своего собственнаго клочка,—сталъ объяснять другой уполномоченный, Васильевъ.—Мы не размежованы. Только

пахотныя поля — отдѣльныя у каждой деревни. Вся остальная земля — въ общемъ владѣніи.

— Нѣтъ, это нашъ участокъ,—возразилъ староста, какъ представитель деревни Варегина.

— Это вы утверждаете голословно,—замѣтилъ ему Ларіоновъ.

— Участокъ этотъ вы получили въ обмѣнъ?—спросилъ земскій начальникъ.

— Да, въ обмѣнъ отъ казны,—отвѣтилъ Ларіоновъ.— И какъ тотъ участокъ, который мы уступили казнѣ, находился въ общемъ владѣніи, такъ и этотъ, полученный взамѣнъ его, остался въ общемъ владѣніи всѣхъ одиннадцати деревень. У насъ одна владѣнная запись.

— Этакъ всѣ одиннадцать деревень захотѣли бы сдавать отдѣльно,—замѣтилъ третій уполномоченный, Семеновъ.

— Вареговскіе одни не могутъ,—продолжалъ Ларіоновъ.— Тутъ общее владѣніе,— должны быть и общіе убытки, и общіе интересы.

— Какіе тебѣ убытки!— возразилъ земскій начальникъ.

— Интересы должны быть общіе... „Другъ друга тяготы носите“... — пояснилъ свою мысль Ларіоновъ ссылкою на священное писаніе.

— Борисовъ будетъ требовать сбавки,—указалъ Васильевъ въ подкрѣпленіе заявленія Ларіонова о возможности убытковъ.

— Вареговскіе сдавали и ему. Они даже первые подписались подъ приговоромъ,—замѣтилъ Семеновъ.

— Гдѣ приговоръ? Отыщи!—приказалъ земскій начальникъ писарю.

Скоро приговоръ былъ отысканъ и изъ него былъ прочитанъ пунктъ, въ которомъ было сказано, что никому, кромѣ Борисова, общество обязывается земли подъ торговыя заведенія не сдавать.

— Такъ и въ нотаріальномъ условіи,— говоритъ Ларіоновъ.

— Позовите Борисова съ условіемъ! — приказалъ земскій начальникъ.

На нѣкоторое время воцарилось молчаніе.

— Что, Борисовъ еще не пришелъ?—спросилъ земскій начальникъ.

— Нѣтъ еще-съ,—отвѣтилъ кто-то.

— Ну, такъ сбѣгай поскорѣе! Что онъ тамъ копается!

Новый посланецъ отправился за Борисовымъ

— Кто же пользовался этою землею? — спросилъ послѣ этого земскій начальникъ.

— Никто,—отвѣтилъ Ларіоновъ.

— Мы пользовались,—каждый годъ косили,—отвѣтилъ староста, какъ представитель деревни Варегина.

— Да тутъ и косы переломаешь!—замѣтилъ Ларіоновъ.

— Вотъ что,—предложилъ земскій начальникъ.—Нельзя ли такъ, чтобы вареговскихъ не принимать къ участію въ вознагражденіи, которое будетъ получаться съ Борисова?

— Они не откажутся, я думаю, отъ своей доли,—отвѣтилъ Ларіоновъ.—Да это и посторонній вопросъ,—резонно добавилъ онъ.

— Тутъ общее владѣніе,—подтвердилъ Васильевъ.

Въ это время пришелъ Борисовъ.

— Давай условіе! — сказалъ земскій начальникъ, протягивая руку за бумагой.

Борисовъ подалъ условіе.

Тогда земскій начальникъ прочелъ, между прочимъ, въ послѣднемъ слова: „могутъ сдавать и другимъ лицамъ“... (Очевидно, нотаріусъ отказался совершить договоръ съ точнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ условій по приговору схода поземельной общины, такъ какъ въ этомъ случаѣ создавалась бы незаконная монополія винной торговли для Борисова).

— Можете, значитъ, и вы,—сдѣлалъ заключеніе земскій начальникъ, отдавая бумагу Борисову.—Вотъ, и

разрѣшите Иванову, съ своей стороны, арендовать землю, которую онъ снялъ у вареговскихъ. Тогда получите вмѣстѣ съ ними часть денегъ, которыя будетъ платить Ивановъ.

— Нѣтъ, мы такъ не желаемъ,—отвѣтилъ, однако, Ларіоновъ.—Это и посторонній вопросъ. Они не могутъ одни. Тутъ общее владѣніе. Всѣ одиннадцать деревень заключали договоръ съ Борисовымъ, и одна изъ нихъ не можетъ нарушить его. Не желаемъ!—закончилъ онъ.

— Не желаемъ!—подтвердили два другіе уполномоченные.

На лицѣ земскаго начальника отразилось неудовольствіе, крайняя досада.

— Я сказалъ вамъ, какъ сдѣлать... Разрѣшите и вы... А не хотите,—закончилъ, онъ,—такъ и ни копѣйки не получите...

И вслѣдъ затѣмъ, земскимъ начальникомъ было написано и объявлено постановленіе (безъ всякихъ мотивовъ и ссылокъ на законы): „признать жалобу крестьянъ десяти деревень незаслуживающею уваженія и въ просьбѣ имъ отказать“...

— Позвольте намъ копію,—сказалъ Ларіоновъ.

— Хорошо, пришлю... А ты, Ивановъ,—обратился земскій начальникъ къ продолжавшему стоять около него съ видомъ побѣдителя коровинскому старшинѣ:—хочешь, такъ стройся... Но имѣй въ виду, что если тамъ, въ верхахъ, постановленіе мое отмѣнятъ, то тебѣ придется забирать свою лавочку подъ мышку...

Черезъ нѣсколько времени, однако, земскій начальникъ прибавилъ:

— А лучше подождать... Впрочемъ, какъ хочешь. Только послѣ на меня не пеняй!

— Ну, у кого еще до меня дѣла?—обратился затѣмъ земскій начальникъ къ собравшимся, стоявшимъ въ порядочномъ недоумѣніи передъ только-что закончившимся разборомъ дѣла и произнесеннымъ рѣшеніемъ.

Выступили мужчина и женщина. Какъ оказалось,

это были—двоюродный братъ Иванова, Николай Ивановъ, съ женою. Видъ родственника коровинскаго старшины былъ удрученный, растерянный. Онъ сталъ объяснять свое дѣло. Но у него ничего не получалось. Трудно было понять, что именно хочетъ онъ сказать... Было ясно, однако, что онъ хочетъ засвидѣтельствовать что-то о неправильныхъ дѣйствіяхъ своего двоюроднаго брата, старшины...

— Ничего не понимаю,—сказалъ земскій начальникъ, пожимая плечами.

Тутъ выступила въ помощь къ мужу жена, и объяснила очень толково:

— Намъ вотъ что нужно, выше высокоблагородіе... Вчерась нашъ старшина сказалъ: „у меня-де есть бумага,— земскій начальникъ присудилъ мнѣ два надѣла“... Но мы не знаемъ, какая это бумага и присудили ли вы ему чего... Мы не получали ни повѣстки, ни копіи. А какъ же можно было бы безъ этого разбирать дѣло!.. Такъ если это правда, то пожалуйте намъ копію. Намъ желательно узнать, что тутъ такое, какая у него бумага...

— Ну, приходите завтра въ Коровино. Я въ вашей волости самъ буду. Тамъ и разберу ваше дѣло... А только я ему ничего, кажется, не присуждалъ,—добавилъ земскій начальникъ.

Николай Ивановъ съ женою отошли.

— У кого еще до меня дѣла?—обратился земскій начальникъ вновь къ присутствовавшимъ.

Ни у кого никакихъ дѣлъ не оказалось болѣе, и засѣданіе было на этомъ закончено.

IX.

Постановленіе земскаго начальника, оставившее безъ послѣдствій притязанія десяти деревень по поводу сдачи Иванову одиннадцатою, составлявшею вмѣстѣ съ ними одну поземельную общину, въ аренду участка земли,

принадлежавшаго всей поземельной общинѣ, было отмѣнено вскорѣ уѣзднымъ съѣздомъ, съ признаніемъ правъ на этотъ участокъ всей поземельной общины, а не одной деревни Варегина, и съ уничтоженіемъ приговора послѣдней, составленнаго, какъ мы видѣли, при участіи земскаго начальника. Тогда Иванову пришлось оставить мысль о торговлѣ въ Кобылинѣ чѣмъ бы ни было, не говоря уже о крѣпкихъ напиткахъ. Это же разомъ подало поводъ къ возникновенію въ ближайшихъ волостныхъ судахъ цѣлаго ряда исковъ, вытекавшихъ изъ отпуска въ долгъ товаровъ и—какъ оказалось изъ одного дѣла, на которомъ мнѣ пришлось быть,—изъ отпуска водки въ долгъ, подъ работу.

Упоминаемое дѣло разбиралось въ кобылинскомъ волостномъ судѣ и состояло во взысканіи Ивановымъ-сыномъ тридцати рублей съ подрядчика-плотника Владиміра Курочкина.

— Онъ у меня забиралъ и остался, по разсчету, долженъ тридцать рублей,—объяснилъ на судѣ истецъ.—Была квитанція изъ заборной книжки, да потерялъ. Не могу теперь найти. А вѣрно!—осталось за нимъ, не додалъ...

— Я съ нимъ совсѣмъ разсчитался, – возразилъ отвѣтчикъ.—Тому ужъ три года, какъ я забиралъ. Это было, когда я строилъ фершальскій пунктъ и училище. Заплатилъ за все, что слѣдовало. Здѣсь, въ правленьи, и платилъ, и Василій Кузьмичъ (старшина) скажетъ—спросите его. На двѣсти-пятьдесятъ рублей забрано было, и все отдалъ. На семьсотъ рублей было работы только здѣсь... и самъ хоть домой на палкѣ поѣхалъ... послѣднюю пилу за цѣлковый продалъ—да со всѣми расквитался, никому ничего не остался долженъ. Спросите Василья Кузьмича. А росписокъ никакихъ не писалъ и не давалъ. Это Ивановъ напрасно говоритъ. Не знаю, съ чего...

Допрашивается Василій Кузьмичъ, старшина.

— Когда дѣло дошло до разсчета съ Курочкинымъ

у насъ за его работы на волость,—началъ объяснять свидѣтель,—такъ самъ Ивановъ-отецъ пріѣзжалъ ко мнѣ и просилъ не отдавать всѣхъ денегъ Курочкину. Потому, Володя (Курочкинъ) запивалъ, и Ивановъ боялся, что не получитъ своихъ по книжкѣ. При мнѣ, здѣсь, въ правленіи, они и разсчитывались. Ивановъ-сынъ получилъ все, что слѣдовало Онъ только скинулъ Курочкину сколько-то... Потому, кой-гдѣ, на пустыхъ мѣстахъ, было вписано: масло, баранки, прочее что... Отпускалъ, значитъ, вино, а записывалъ другое...—видимо сбиваясь, самъ конфузясь за Иванова, пояснилъ свидѣтель свое не совсѣмъ понятное показаніе.—Я ему еще говорилъ,—продолжалъ онъ,—нельзя-де такъ дѣлать... „Да не я, а неволя моя,—говоритъ,—заставляла... Потому, просятъ неотступно“... Ну, онъ и поскинулъ. А то все, какъ есть, заплатилъ ему Курочкинъ.

— Не знаю, что онъ ищетъ,—добавилъ отвѣтчикъ.—А я никакой росписки не давалъ, и ничего ему не долженъ. Все уплатилъ, хоть самъ ни съ чѣмъ остался. Мало ли что вписывалось въ книжку,—сталъ онъ, съ своей стороны, пояснять показаніе свидѣтеля.—Всякій съ ней ходилъ. Брали водку, а писали другое. На семьсотъ рублей было у меня здѣсь работы, да вся и выгода была отъ работы только въ томъ, что много было выпито у него же...

Кобылинскій волостной судъ, естественно, отказалъ Иванову въ искѣ, по бездоказательности.

Черезъ нѣсколько дней, я пріѣхалъ въ сосѣдній курицынскій волостной судъ, опоздавши къ началу засѣданія. Оказалось, что до меня разбиралось дѣло о взысканіи Ивановымъ съ кого-то долга по торговлѣ въ Кобылинѣ.

Еще черезъ нѣсколько дней, пришлось быть въ волостномъ судѣ, хотя и смежной съ Кобылинскою волости, но другого уѣзда и земскаго участка. На объявленіи о дѣлахъ, назначенныхъ къ разбирательству, которое въ этомъ—считающемся образцовымъ на большой

округъ—волостномъ судѣ выставляется при входѣ въ волостное правленіе, значилось четыре дѣла о взысканіи Ивановымъ съ разныхъ лицъ небольшихъ суммъ.

— Вотъ,—объяснилъ кому-то предсѣдатель объ этихъ дѣлахъ,—третій разъ назначаемъ... Самъ же не явится—прекратимъ; а онъ опять подастъ... Просто, должно быть, попугать хочетъ своихъ должниковъ. Думаетъ, что предъявитъ искъ, а они тотчасъ и съ денежками къ нему... Да нѣтъ!—что-то, должно быть, не дѣйствуетъ... Должно быть, что-то неладно... Вотъ, и опять его нѣтъ,—и опять придется прекратить дѣло производствомъ...

Такъ и случилось. Ко времени разбирательства ни самъ Ивановъ, ни его повѣренный не явился—и дѣла были прекращены.

Изъ того же обстоятельства—закрытія винной лавки въ Кобылинѣ—возникло любопытное дѣло, обошедшее четыре волостныхъ суда, занявъ въ каждомъ по нѣскольку засѣданій, и три раза побывавшее въ уѣздномъ съѣздѣ,—дѣло, въ которомъ Ивановъ выступалъ отвѣтчикомъ... Изслѣдуя волостные суды, я невольно столкнулся нѣсколько разъ съ этимъ дѣломъ, и, оставаясь добросовѣстнымъ фотографомъ, не могу не передать здѣсь то, что пришлось наблюдать по отношенію къ этому дѣлу. Къ тому же оно крайне характерно и представляетъ собою существенное дополненіе къ настоящей картинѣ положенія крестьянскихъ дѣлъ...

Дѣло состояло въ искѣ, предъявленномъ къ Иванову владѣльцемъ дома съ винною и мелочною лавками въ Кобылинѣ, въ которыхъ торговалъ коровинскій волостной старшина до вынужденной уступки этого дома и земли подъ нимъ Борисову. Владѣлецъ этотъ, Яковлевъ, именно искалъ съ Иванова сорокъ-пять рублей за утраченныя невозвращенныя и испорченныя вещи, составлявшія „обстановку“ и необходимыя принадлежности винной и мелочной торговли, а также и самаго дома.

Искъ былъ первоначально предъявленъ въ коровинскомъ волостномъ судѣ, по мѣсту жительства отвѣтчика.

Но еще до разбирательства здѣсь, дѣло было передано въ сосѣдній курицынскій волостной судъ, по распоряженію земскаго начальника, подъ предлогомъ возможности обнаруженія пристрастія со стороны суда, подчиненнаго отвѣтчику и состоящаго подъ предсѣдательствомъ его родного брата,—пристрастія конечно, вполнѣ возможнаго, но, какъ оказалось, однако, представлявшаго не одну опасность для интересовъ отвѣтчика, не одно затрудненіе вести дѣло противъ лица, пользующагося сильнымъ покровительствомъ.

X.

Въ первый разъ встрѣтился я съ этимъ дѣломъ уже въ барановскомъ волостномъ судѣ, въ который оно было передано потомъ съѣздомъ, по жалобѣ Иванова на курицынскій волостной судъ, постановившій рѣшеніе противъ него.

Пять разъ, какъ оказалось, назначалось дѣло къ разбирательству въ курицынскомъ волостномъ судѣ... Но Ивановъ-отвѣтчикъ не являлся, ссылаясь на какія-либо особыя занятія по службѣ, препятствовавшія ему отвѣчать по иску; не присылалъ онъ и повѣреннаго. Наконецъ, повѣренный истца принесъ земскому начальнику жалобу на Иванова по поводу подобныхъ попытокъ къ уклоненію отъ гражданской отвѣтственности. Тогда уже— въ слѣдующее (шестое) засѣданіе по дѣлу — Ивановъ явился. Дѣло было тогда и разрѣшено курицынскимъ волостнымъ судомъ. Искъ былъ присужденъ. Затѣмъ, какъ сказано уже, рѣшеніе это было обжаловано и отмѣнено, съ передачею дѣла въ барановскій волостной судъ. Теперь, въ этомъ послѣднемъ, предстояло разыграться той же исторіи, живо рисующей положеніе волостного суда передъ лицомъ, пользующимся покровительствомъ земскаго начальника.

Въ третій разъ уже разбирается настоящее дѣло въ барановскомъ волостномъ судѣ, вслѣдствіе того, что отвѣт-

чикъ въ первые два раза не явился... Не видно Иванова и теперь, на сей разъ. Присутствуетъ одинъ повѣренный истца,—знакомый уже намъ крестьянинъ Кобылинской волости, Семеновъ, выступавшій въ числѣ трехъ уполномоченныхъ отъ вареговской поземельной общины по дѣлу съ Ивановымъ.

Объявивъ о предстоящемъ слушаніи дѣла, когда до него дошла очередь, предсѣдатель суда докладываетъ отзывъ, только-что доставленный отъ отвѣтчика, въ отвѣтъ на повѣстку о явкѣ: Ивановъ пишетъ, что не можетъ явиться, такъ какъ у него, въ волости, происходятъ учеты сельскихъ старостъ. „На этихъ учетахъ,— говоритъ онъ,—я долженъ присутствовать". Разбирательство дѣла проситъ поэтому отложить.

— Да этакъ онъ вѣдь никогда не явится!—замѣчаетъ повѣренный истца, Семеновъ.—У насъ въ волости тоже учеты старостъ. Но старшина тутъ ни причемъ,— сами знаете. Не его это дѣло. Онъ просто оттягиваетъ дѣло, выдумываетъ разныя причины, дурачитъ насъ... Прошу разобрать дѣло и безъ него.

Но судъ, видимо, стѣсняется,—по понятной причинѣ, зная о томъ значеніи, которымъ пользуется Ивановъ въ глазахъ земскаго начальника.

— Вотъ и свидѣтель, — продолжаетъ между тѣмъ Семеновъ, указывая на знакомаго уже намъ преемника Иванова по торговлѣ въ Кобылинѣ, Борисова. — Онъ знаетъ, въ какомъ видѣ Ивановъ оставилъ обстановку въ лавкахъ,—послѣ него вбирался.

— Повѣстка свидѣтелю Борисову вручена?—спрашиваетъ смущенный, не знающій, что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, предсѣдатель суда.

— Вручена, вручена,—говоритъ Семеновъ, спѣша отвѣтить за своего свидѣтеля.

— Я получилъ повѣстку, — замѣчаетъ тогда самъ Борисовъ.

— Вручена, только еще сюда не воротилась,—

добавляетъ волостной писарь, разумѣя второй экземпляръ повѣстки.

— Такъ какъ же?—выражаетъ недоумѣніе предсѣдатель, явно желающій найти хоть какой-нибудь предлогъ, для того, чтобы отложить дѣло.

— Да, можетъ быть, повѣстка уже и воротилась,—говоритъ, между тѣмъ, волостной писарь, какъ бы не понимая, въ настоящемъ случаѣ, истинной причины нерѣшительности и нелѣпаго формализма предсѣдателя.—Я не всѣ бумаги, какія пришли сегодня, разсмотрѣлъ. Да и свидѣтель здѣсь на лицо. Къ чему же и повѣстка?'—прибавляетъ писарь.

— Все-таки, — безнадежно говоритъ предсѣдатель. Затѣмъ онъ прибавляетъ рѣшительно, какъ бы собравшись съ силами, видимо выдержавъ большую внутреннюю борьбу.—Нужно отложить! Безъ Иванова—нельзя разбирать...

— До слѣдующаго раза!—обращается онъ къ повѣренному истца.

— Такъ допросите хоть его, чтобы не вызывать въ другой разъ,—указываетъ Семеновъ на свидѣтеля.—Вѣдь за семнадцать верстъ пріѣхали!

— Это можно,—находитъ предсѣдатель, видимо не зная, что, быть можетъ, даетъ поводъ къ отмѣнѣ и будущаго рѣшенія, или, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы отложить дѣло вновь, когда бы снизошелъ явиться и отвѣтчикъ.

Борисовъ допрашивается и показываетъ, что „обстановка" въ лавкахъ, когда торговалъ Ивановъ, была полная, „какъ слѣдуетъ быть"; но что Ивановъ, выбираясь, выломалъ все, что только было возможно,—стойки, прилавки, замки, отдушники у печекъ, даже полъ. Ему Борисову, пришлось возобновить все, въѣхавъ въ домъ, какъ въ разрушенный сарай.

— Кто тутъ дѣйствовалъ, самъ Ивановъ или сынъ его?—спросилъ предсѣдатель.

— Сынъ торговалъ, а отецъ распоряжался всѣмъ,— отъ него все зависѣло,—объяснилъ Борисовъ.

— Такъ,—замѣчаетъ предсѣдатель.

— У насъ хозяиномъ считался отецъ, старшина,— подтверждаетъ и Семеновъ.—Съ него и деньги получали. Съ нимъ былъ и договоръ—какъ у Яковлева на постройки, такъ и общества на землю. Съ нимъ потомъ и никакого дѣла не захотѣли имѣть. Сынъ былъ въ родѣ какъ бы приказчика.

— Такъ,—еще разъ повторилъ предсѣдатель, все еще видимо недоумѣвавшій и послѣ рѣшительнаго объявленія о томъ, что дѣло отлагается.

Но затѣмъ онъ вновь собрался съ духомъ и объявилъ, что разборъ дѣла откладывается.

— На кого же Ивановъ держалъ у васъ винную лавку? вѣдь ему самому, какъ старшинѣ, нельзя было,— и сыну, какъ неотдѣленному члену семьи, тоже было нельзя? спросилъ потомъ Семенова, во время послѣдовавшаго затѣмъ перерыва, кто то изъ присутствовавшихъ.

— Да на разныхъ лицъ,—отвѣчалъ тотъ:—на Лапина, на Бурова, еще на кого-то... Такъ всѣхъ и канителилъ... Насилу наше общество отдѣлалось отъ такого арендатора...

— Ну, а получили, все-таки, все, что слѣдовало, сполна?

— Нѣтъ, какое! Замоталъ около ста-восьмидесяти рублей. Разъ далъ прежнему начальнику изъ арендныхъ денегъ двадцать-пять рублей, и вычитаетъ при расплатѣ съ нами. Мы говоримъ, какое-де намъ дѣло до того, что ты далъ на чай кому хотѣлъ... Не отдалъ, все-таки. Онъ передъ начальникомъ выслужился,—а съ насъ содралъ...

— Но зачѣмъ же вы простили ему такую сумму?

— Общество... Гдѣ тутъ было взыскивать! Приговоръ нужно было составлять, да земскому представлять, повѣреннаго назначать... Вотъ каково взыскивать съ него и частному человѣку!—развелъ безнадежно руками Се-

меновъ.—Десятый разъ ужъ являюсь,—да не знаю, и будетъ ли когда конецъ...

— Да, не скоро, должно быть, дождешься конца,—соглашается съ Семеновымъ его собесѣдникъ.

XI.

Черезъ двѣ недѣли вновь ждетъ Семеновъ въ присутственной комнатѣ барановскаго волостного правленія разбирательства своего дѣла. Иванова же опять не видно.

— Говорятъ, опять прислалъ отзывъ,—съ печальнымъ видомъ дѣлаетъ замѣчаніе несчастный повѣренный несчастнаго истца

Такъ и оказывается, когда дѣло ставится на очередь.

— Вотъ, онъ опять не явился,—говоритъ предсѣдатель суда, съ тѣмъ же выраженіемъ растерянности и недоумѣнія, какъ и въ прошлый разъ.

— Да онъ и никогда не явится,—замѣчаетъ Семеновъ.—Всегда найдетъ какую-нибудь отговорку. Въ прошлый разъ, сказывали мнѣ, не было у него никакого засѣданія, никакого учета, и онъ показалъ облыжно, что не могъ явиться. Нужно же когда-нибудь разобрать дѣло. Я прошу...

— Не знаю ужъ, какъ и быть,—недоумѣваетъ предсѣдатель.—Ну, да прочитайте!—предлагаетъ онъ писарю.

Писарь читаетъ тогда исковое прошеніе. Затѣмъ онъ докладываетъ новый отзывъ, присланный Ивановымъ. По поводу сдѣланнаго ему судомъ въ повѣсткѣ заявленія, что если не явится къ разбирательству на этотъ разъ, то дѣло будетъ разрѣшено безъ него,—отвѣтчикъ пишетъ, что, состоя волостнымъ старшиной и исполняя обязанности службы прежде всего, онъ иногда не имѣетъ возможности явиться по собственному частному дѣлу, и потому сдѣланное ему заявленіе считаетъ „излишнимъ и неумѣстнымъ“. Не можетъ явиться и нынѣче, такъ какъ состоитъ обвинителемъ по одному дѣлу, разсматрива-

мому одновременно въ коровинскомъ волостномъ судѣ. Предлагаетъ истцу получить восемь рублей, въ полное удовлетвореніе. Если тотъ не согласенъ, то разборъ дѣла проситъ вновь отложить.

— Согласны получить восемь рублей?—спрашиваетъ предсѣдатель повѣреннаго истца.

— Нѣтъ, не согласенъ, — отвѣчаетъ тотъ. — Какъ можно! Это вмѣсто сорока-то пяти! Больно онъ ловокъ...

Судьи и въ особенности предсѣдатель вновь явно въ большомъ затрудненіи. Имъ, видимо, хочется опять отложить дѣло, хотя они и пригрозили Иванову, что разрѣшатъ предъявленный къ нему искъ на сей разъ и безъ него, если не явится. Происходитъ, однако, и дальше нѣчто въ родѣ разбора дѣла, при остающихся на лицахъ представителей барановскаго волостного суда признакахъ смущенія, нерѣшительности, даже страха... Они какъ бы чувствуютъ, что совершаютъ родъ покушенія на тяжкое преступленіе, за которое придется отвѣчать передъ земскимъ начальникомъ, безъ надежды на пощаду...

Семеновъ, поддерживая свои исковыя требованія, указываетъ на договоръ, въ которомъ сказано: „за утраченныя вещи обязуюсь заплатить по оцѣнкѣ“. Онъ перечисляетъ и вещи, входившія въ составъ „обстановки“ и не возвращенныя Ивановымъ. Среди этихъ вещей оказываются: мѣдная мѣрная винная посуда, сто-пятьдесятъ пивныхъ бутылокъ, стеклянная посуда изъ-подъ вина и водокъ, вѣсы, гири и прочее. Вмѣстѣ съ поломанными стойками, прилавками, замками, отдушниками и другими предметами, составляющими необходимыя принадлежности недвижимаго имущества, Семеновъ и оцѣниваетъ невозвращенныя, утраченныя и испорченныя вещи въ сорокъ-пять рублей.

— Вы, значитъ, сами цѣните? — спрашиваетъ его предсѣдатель.

— Да, самъ, то-есть, мой довѣритель.

— А Ивановъ будетъ несогласенъ... Какъ мы при-

судимъ безъ него? Неудобно...—обнаруживаетъ предсѣдатель вновь свои сомнѣнія, страхъ...

— Да вѣдь онъ никогда не явится'—опять говоритъ Семеновъ.

— А можетъ быть, и явится,—выражаетъ надежду предсѣдатель.

Послѣ этого судъ удаляется въ совѣщательную комнату, казалось бы, все-таки, для постановленія рѣшенія по существу. Однако, вскорѣ выносится опредѣленіе: „дѣло отложить до слѣдующаго раза".

Но и въ слѣдующій разъ дѣло было отложено, за неявкою отвѣтчика, и въ виду новаго, присланнаго имъ, отзыва о невозможности явиться, вслѣдствіе обязанностей службы. Только въ шестой разъ уже, не смотря на неявку его вновь, барановскій волостной судъ осмѣлился покончить съ дѣломъ и присудилъ истцу его требованія.

XII.

Во второй разъ дѣло оказалось въ уѣздномъ съѣздѣ по жалобѣ Иванова, ссылавшагося на то, что оно было рѣшено въ отсутствіе его, отвѣтчика, не имѣвшаго возможности явиться по своимъ служебнымъ обязанностямъ.

— Что же было дѣлать, коли онъ не являлся?—замѣтилъ здѣсь Семеновъ.

— Онъ и могъ не явиться,—у него служебныя дѣла,—остановилъ Семенова земскій начальникъ, присутствовавшій въ составѣ съѣзда и здѣсь принявшій на себя какъ бы представительство за Иванова.

— Такъ могъ бы прислать повѣреннаго,—очень резонно указалъ Семеновъ.

— Да ты и затѣялъ это дѣло,—ты и втянулъ въ него Яковлева,—укорилъ его тогда земскій начальникъ.—Ты адвокатъ и родственникъ Яковлеву,—почему-то прибавилъ онъ.

— Выше высокоблагородіе,—заявилъ тогда Семеновъ, видимо взволнованный,—я не за тѣмъ вызванъ сюда,

чтобы меня укоряли въ адвокатствѣ и въ родствѣ,—хотя что-жъ изъ того, что я и родственникъ Яковлеву!—я требую по закону, правильно.

Иванова не было. Онъ удовольствовался указаніемъ въ письменной формѣ нѣсколькихъ поводовъ къ отмѣнѣ состоявшагося противъ него рѣшенія суда, кромѣ упоминавшихся. Не трудно отыскать подобные поводы по каждому дѣлу, разрѣшенному волостнымъ судомъ.. Уѣздный съѣздъ и постановилъ опредѣленіе объ отмѣнѣ рѣшенія, съ передачею дѣла въ новый, уже четвертый по счету, судъ, призывавшійся къ участію въ немъ,—въ волковскій волостной судъ.

Началась старая исторія. Въ третьемъ засѣданіи по дѣлу искъ былъ, все-таки, признанъ волковскимъ волостнымъ судомъ подлежащимъ удовлетворенію, хотя въ суммѣ только двадцати-пяти рублей. Истецъ былъ доволенъ и этимъ. Но Ивановъ обжаловалъ рѣшеніе суда. Однако, оно было утверждено и съѣздомъ. Тогда Ивановъ рѣшился принести жалобу и на рѣшеніе съѣзда въ губернское присутствіе...

Конца своего настоящее дѣло, поэтому, еще не дождалось. Какъ видно, оно, дѣйствительно, характерно. Любопытно въ немъ и то, что Ивановъ, проводя его черезъ столько инстанцій, нисколько не стѣснялся тѣмъ что документально, оффиціально, передъ цѣлымъ рядомъ учрежденій, передъ губернскимъ присутствіемъ наконецъ,—обнаруживалъ, что, состоя въ должности волостного старшины, содержалъ винную лавку, при патентѣ на другихъ лицъ...

Такъ велика была его увѣренность въ совершенной и во всемъ безнаказанности,—въ отсутствіи на практикѣ закона, въ покровительствѣ усмотрѣнія...

На сходахъ волости особаго устройства *).

Самою характерною чертой фактическаго положенія нынѣшняго крестьянскаго самоуправленія, уничтожающею юридическую сущность этого вида мѣстнаго управленія, является, безъ сомнѣнія, его полная приниженность, подавленность, зависимость,—слѣдовательно, нѣчто даже большее, чѣмъ отсутствіе самостоятельности, составляющей необходимую принадлежность всякаго вида самоуправленія. . Еще К. Д. Кавелинъ, въ книжкѣ, вышедшей въ 1882 году, справедливо замѣтилъ: „Въ чемъ заключаются недостатки крестьянскаго самоуправлевія? Они сводятся, главнымъ образомъ, къ двумъ: по имени, по названію, по наружнымъ формамъ, принципъ его есть самоуправленіе. На самомъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, самоуправленія вовсе не существуетъ. На дѣлѣ крестьянами управляютъ разнаго рода власти, назначаемыя правительствомъ, выбранныя отъ земства и отъ дворянства,—и это дѣйствительное самоуправленіе во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительно“ [2]). Но если слова эти были вѣрны относительно времени, предшествовавшаго введенію въ значительной части Россіи въ дѣйствіе законоположеній 12 іюля 1889 года, то насколько печальнѣе должно быть ихъ значеніе относительно нынѣшняго времени?..

---

[1]) Первоначально напечатано въ апрѣльской книжкѣ „Русской Мысли“ за 1899 г.

[2]) *Крестьянскій вопросъ*, стр. 116

Особенно подавляющее значеніе для крестьянскаго самоуправленія имѣетъ широко распространившійся, несоотвѣтствующій закону, обычай присутствованія земскихъ начальниковъ на общественныхъ сходахъ. Наблюдающееся непосредственное участіе земскихъ начальниковъ въ дѣятельности сходовъ, въ роли всесильныхъ предсѣдателей, обладающихъ дискреціонною властью и надъ обыкновенными членами сходовъ, и надъ должностными лицами, — естественно, и не можетъ дать иныхъ слѣдствій, кромѣ подавленія самостоятельности крестьянскаго самоуправленія.

Но земскіе начальники присутствуютъ обыкновенно на волостныхъ сходахъ. Сельскіе сходы сохраняютъ еще нѣкоторую долю своей самостоятельности, по крайней мѣрѣ, въ первый моментъ ея проявленія. Въ волостяхъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, крестьянское самоуправленіе не представляется еще совершенно подавленнымъ разсматриваемымъ обычаемъ. Оно обнаруживаетъ еще въ такихъ волостяхъ нѣкоторые признаки жизни.

Но есть волости, въ которыхъ самостоятельность крестьянскаго самоуправленія, благодаря указываемому обычаю, представляется уже совершенно убитою. Это тѣ волости, которыя состоятъ изъ одного сельскаго общества. Здѣсь общественный сходъ одинъ, рѣшающій всѣ дѣла, отнесенныя къ вѣдомству какъ сельскаго, такъ и волостного [1]). И на этомъ сходѣ еще чаще, чѣмъ на волостномъ, присутствуетъ земскій начальникъ. Безъ него сходъ такой волости почти никогда не происходитъ. Понятно, что крестьянское самоуправленіе и должно представляться здѣсь уже совершенно подавленнымъ, лишеннымъ всякой самостоятельности, не обнаруживающимъ признаковъ жизни.

---

[1]) Положеніе такихъ волостей заслуживало бы, казалось, особаго вниманія Между тѣмъ, страннымъ образомъ, о нихъ не имѣется и простого упоминанія въ *Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ.*

Это, именно, и оказывается въ одной изъ волостей, которыя мнѣ пришлось наблюдать. Пусть дѣйствительная жизнь говоритъ сама за себя, своими картинами, своимъ для всѣхъ вразумительнымъ языкомъ. Воспроизводимъ ее фотографически.

I.

Барановская волость населена единственно крестьянами, бывшими государственными, водворенными на собственныхъ земляхъ, вышедшими изъ крѣпостной зависимости еще въ 1833 году въ званіе „свободныхъ хлѣбопашцевъ“. Особенности ихъ положенія въ значительной степени стерлись и забылись, при постепенномъ распространеніи на всѣ разряды крестьянъ сельскихъ обывателей законоположеній, выработанныхъ для крестьянъ крѣпостныхъ. Особенности эти только глухо держатся въ народномъ сознаніи. Земля оплачена давно. Мѣстные крестьяне владѣютъ ею безъ передѣловъ. По существу, они имѣютъ на нее право личной собственности. Таково убѣжденіе самихъ крестьянъ. Но это положеніе не получаетъ полнаго признанія со стороны мѣстной администраціи. Споры о землѣ отнесены практикою мѣстныхъ учрежденій къ вѣдѣнію схода и вообще административныхъ, а не судебныхъ установленій. Поземельныя отношенія крестьянъ Барановской, какъ и другихъ сосѣднихъ волостей бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, представляются отъ этого неопредѣленными, неясными, запутанными,—и дѣла, возникающія изъ нихъ безконечными, крайне тягостными. [1]).

Трудно установить съ надлежащею точностью, откуда возникла особенность положенія Барановской волости, заключающаяся въ томъ, что она состоитъ изъ одного сельскаго общества съ соотвѣтствующими измѣненіями

---

[1]) См. дальше докладъ мой: *О поземельныхъ правахъ бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ*, читанный въ гражданскомъ отдѣленіи Спб. Юридическаго Общества 26 марта 1898 г.

въ отношеніи управленія ея дѣлами. Во всякомъ случаѣ, представляемая ею особенность не предусмотрѣна закономъ, не опирается на законъ. Законъ допускаетъ образованіе волости изъ одного значительнаго селенія [1]). Но здѣсь сорокъ три селенія [2]). Такъ же или иначе, благодаря такой особенности, въ Барановской волости, какъ и во всякой иной общинѣ-волости, волостной сходъ замѣняется сельскимъ и къ вѣдѣнію одного схода отнесены предметы вѣдѣнія обоихъ сходовъ, установленныхъ въ области крестьянскаго самоуправленія,—сельскаго и волостного.

При такихъ условіяхъ, по закону, для созыва схода, не требуется разрѣшенія земскаго начальника и не представляется послѣднему самый списокъ дѣлъ, надлежащихъ обсужденію схода [3]). Но въ силу особаго распоряженія земскаго начальника, на созывъ схода каждый разъ испрашивается его согласіе. Земскій начальникъ имѣетъ при этомъ обыкновеніе почти всегда, за самыми рѣдкими исключеніями, присутствовать на сходахъ самолично.

Какъ и въ каждой общинѣ-волости, здѣсь нѣтъ сельскихъ старостъ. Мѣсто старосты сельскаго общества, изъ котораго состоитъ волость, заступаетъ волостной старшина съ избираемымъ, для содѣйствія ему, въ его распоряженіе, помощникомъ. Отсутствіе же старосты дѣлаетъ необходимымъ существованіе особаго сборщика податей. Вообще, составъ управленія, по своей численности и по издержкамъ на его содержаніе, такой же, какъ если бы волость была раздѣлена на два сельскихъ общества.

---

[1]) Общее положеніе о крестьянахъ, ст. 45.

[2]) Весьма любопытно, что общины-волости, образованныя съ такимъ отступленіемъ отъ закона, встрѣчаются нерѣдко. Такъ, въ сосѣдней съ Барановской общинѣ-волости другого уѣзда считается шестьдесятъ три селенія

[3]) *Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ,* составленный И. Л Горемыкинымъ, изд. 3-е, 1898г., т. I, ч. I. Общее положеніе о крестьянахъ, ст. 74, и разъясненіе къ ней изъ опредѣленія гражданскаго кассац. департамента правит. сената отъ 7 марта 1885 г.

Сходъ бываетъ весьма многочисленный. Въ составѣ его считается свыше трехсотъ домохозяевъ. Собирается же обыкновенно до двухсотъ человѣкъ, изъ которыхъ у значительной части по два голоса,—свой и по передачѣ, допущенной однимъ изъ Высоч. утв. положеній главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, дополняющихъ въ значительной степени положенія о крестьянахъ. Женщины вовсе лишены здѣсь представительства на сходѣ. Это—издавна, со временъ вотчиннаго управленія. Никто не помнитъ даже, чтобы когда-либо женщины допускались здѣсь къ участію въ дѣятельности сходовъ. Не только, какъ и въ сосѣднихъ волостяхъ, мужья, отлучаясь надолго изъ дому, не могутъ поручать женамъ участвовать вмѣсто себя на сходахъ и обязываются передавать свои голоса за деньги мужчинамъ-однообщественникамъ (подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, невыдачи паспорта), но и вдовы-домохозяйки, владѣющія землею и аккуратно выплачивающія всѣ повинности, не могутъ ни лично присутствовать на сходахъ съ правомъ непосредственнаго голоса, ни даже уполномочивать на это мужчинъ. Дворы такихъ женщинъ вовсе остаются безъ представительства въ общественномъ управленіи. Мѣстная власть не обращаетъ на это вниманія. Въ то же время не является и возраженій противъ такого порядка... Почему? Потому что по существующимъ условіямъ положенія, дѣятельности, зависимости, неустройства и приниженности крестьянскаго „самоуправленія“,—участіе въ судахъ составляетъ одну обузу для огромнаго большинства, не извлекающаго изъ этого разныхъ практическихъ выгодъ... Неполученіе „приказовъ“ объ явкѣ на сходъ считается здѣсь особо большимъ счастьемъ, благодаря крайней раскинутости волости и отдаленности нѣкоторыхъ деревень отъ правленія, въ помѣщеніи котораго сходы собираются [1]).

[1]) На одной изъ стѣнъ Барановскаго правленія виситъ объявленіе,—родъ „закона“, изданнаго земскимъ начальникомъ: „По распоряженію земскаго начальника, будутъ подвергнуты штрафу

Многочисленность сходовъ, естественно, приводитъ къ большимъ неудобствамъ въ отношеніи обсужденія и разрѣшенія дѣлъ. Рознь интересовъ отдѣльныхъ селеній, соединенныхъ въ одно общество, собираемыхъ для рѣшенія всѣхъ дѣлъ въ одинъ сходъ, обнаруживается здѣсь особенно ярко. Крики бываютъ безпорядочнѣе, громче, непонятнѣе, чѣмъ на сходахъ сосѣднихъ волостей. Въ дѣло вносится здѣсь еще меньше обсужденія. Писарю приходится чаще только догадываться, на чемъ остановился сходъ, и что слѣдуетъ занести въ приговоръ. Равнымъ образомъ, старшинѣ чаще представляется возможность истолковать, по-своему, крики однообщественниковъ и приказывать писарю, по собственному усмотрѣнію, заносить въ приговоры то или иное рѣшеніе дѣла.

Между тѣмъ, общественному сходу здѣсь есть чѣмъ заняться. Волость—богатая. Въ ней имѣется свыше двадцати тысячъ наличнаго капитала. Часть имѣвшагося прежде еще въ большей суммѣ капитала затрачена нѣсколько лѣтъ назадъ на покупку имѣнія въ нѣсколько сотъ десятинъ,—и имѣніе это состоитъ подъ управленіемъ должностныхъ лицъ волости, подъ предполагаемымъ контролемъ общественнаго схода. На попеченіи схода находится, далѣе, каменная богадѣльня, устроенная однимъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, состоящимъ нынѣ временнымъ купцомъ. Словомъ, дѣлъ, требующихъ вниманія схода, совѣщанія и распоряженія со стороны общества,—много. Но при нынѣшнемъ его устройствѣ это ведетъ только къ тому, что сильнѣе и яснѣе чувствуются и обнаруживаются недостатки и безпорядочность въ дѣятельности схода.

Совершенно непонятно существованіе подобныхъ общинъ-волостей (въ особенности при данныхъ условіяхъ и при отсутствіи всякихъ особенностей положенія

или аресту тѣ, кто не придетъ на сельскій сходъ, или уйдетъ со схода, не подписавъ приговора". Ни въ одной изъ прочихъ волостей, подвѣдомственныхъ тому же земскому начальнику, нѣтъ такого „закона". Здѣсь случаи неявки на сходъ болѣе часты. „Законъ" этотъ и примѣняется.

Барановской волости, по сравненію съ сосѣдними волостями, устроенными по обычному типу). Если это опытъ извѣстнаго устройства крестьянскаго общественнаго управленія, то несостоятельность его должна была давно сдѣлаться явною. Впрочемъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлено крестьянское „самоуправленіе", въ подобныхъ общинахъ-волостяхъ дѣла идутъ вообще немного хуже, чѣмъ въ волостяхъ съ отдѣльными сельскими обществами, съ сельскими и волостными сходами,—или такъ же худо... Но въ частныхъ случаяхъ они могутъ идти гораздо хуже. Это именно при старшинахъ, склонныхъ чрезмѣрно расширять свою власть, умѣющихъ добиваться благоволенія и довѣрія начальства и не зѣвающихъ тогда, когда можно бываетъ устроить собственныя дѣлишки... Тутъ старшина можетъ явиться, дѣйствительно, всесильнымъ, могущественнымъ владыкой... Понятно теперь, что старшина сосѣдней Коровинской волости, Ивановъ, отличающійся въ изобиліи всѣми этими свойствами, съ завистью взираетъ на положеніе барановскаго волостного старшины, Костина. На его мѣстѣ онъ не былъ бы такъ простъ и неповоротливъ и съумѣлъ бы гораздо лучше угодить начальнику... Понятно и то, что въ Коровинской волости,—конечно, не безъ вліянія со стороны Иванова,—возникаютъ предположенія возбудить ходатайство объ уничтоженіи сельскихъ обществъ и сельскихъ сходовъ и объ образованіи одной общины-волости, съ однимъ сходомъ и съ помощниками старшины, вмѣсто старостъ, не всегда бывающихъ достаточно покладистыми и покорными старшинѣ, иногда сознающими свою законную самостоятельность и независимость отъ него...

Посмотримъ же теперь на барановскій особенный сельскій общественный сходъ.

II.

Члены схода, созывавшіеся къ восьми часамъ, собрались въ законномъ составѣ къ девяти. Каждый вновь

являвшійся домохозяинъ записывался. Затѣмъ нѣкоторые изъ записанныхъ уходили...

— У насъ,—говорятъ здѣсь,—только запишись, а тамъ уходи, куда хочешь. Приходи только подписываться подъ приговорами. Все равно торчать-то взади...

Дѣйствительно, сходы открываются безъ повѣрки присутствующихъ по списку. Огромное большинство являющихся, впрочемъ, съ обычнымъ для русскаго человѣка терпѣніемъ, высиживаетъ до конца...

Лишь въ одиннадцать часовъ, въ залу, биткомъ набитую народомъ, вошелъ земскій начальникъ и помѣстился за рѣшеткой.

— Учетъ и раскладка?—сказалъ онъ полувопросительно, обращаясь больше къ старшинѣ.—По порядку. Значитъ нужно выбрать учетчиковъ.

— Кого, господа, выбираете въ учетчики?—обращается къ сходу, въ свою очередь старшина, подлежащій учету.

По закону, при учетѣ старшинъ предсѣдательствуетъ на сходахъ общинъ-волостей помощникъ волостного старшины, или одинъ изъ помощниковъ, если ихъ нѣсколько. Въ данномъ же случаѣ, вопроса объ особомъ предсѣдателѣ не возникло. Предсѣдательство на сходѣ, по обыкновенію, принялъ на себя самъ земскій начальникъ. Имѣвшійся помощникъ старшины остался въ своемъ званіи. Вопросъ, обращенный къ сходу учитываемымъ старшиной, былъ нарушеніемъ и закона, и фактическихъ „правъ“ земскаго начальника, забывшаго въ этотъ моментъ, что онъ самъ взялся быть „предсѣдателемъ“ на сходѣ...

На предложеніе относительно избранія учетчиковъ, въ крикахъ со стороны схода можно было разобрать четыре имени. Лица, которымъ принадлежали эти имена, и объявлены были учетчиками. Но одно изъ нихъ отказалось отъ этого званія. Тогда указано было новое лицо двумя-тремя членами схода, и комплектъ учетчиковъ, самъ собою такимъ образомъ составившійся, оказался полнымъ.

Учетчики съ книгами и бумагами удалились въ другую комнату.

Почему только теперь, на самомъ учетномъ сходѣ избраны учетчики? Дѣло въ томъ, что учетчики были уже назначены сходомъ мѣсяца три назадъ. Но земскій начальникъ уѣхалъ въ отпускъ, схода же безъ себя, по обыкновенію, не разрѣшалъ. Между тѣмъ, избранные сами разъѣхались, живя, какъ большая часть мѣстныхъ крестьянъ, значительную часть года на сторонѣ. Такъ учетъ, произведенный ими, и не могъ быть доложенъ сходу и и потребовались новые учетчики.

Теперь надлежало ждать, пока они справятся,—наскоро, спѣшно, конечно,—съ своей задачей.

— А пока,—предложилъ земскій начальникъ, послѣ того какъ учетчики удалились,—разбирайте мелочь.

И сходъ сталъ разбирать „мелочь".

— „Раздѣлъ братьевъ Мухиныхъ", — предлагается первое дѣло...

— Согласны. Особое хозяйство у каждаго. Давно бы разойтись *и на бумагѣ!*—раздались болѣе или менѣе однообразныя и единодушныя восклицанія [1]).

---

[1]) У насъ нерѣдко выражается мнѣніе, что постановленія о семейныхъ раздѣлахъ, какъ прежнія, устанавливавшія лишь односложно обязательность разрѣшенія сельскаго схода, такъ и новыя подробныя отъ 18 марта 1886 г. въ мѣстностяхъ съ общиннымъ пользованіемъ полевою землею,—на практикѣ не примѣняются, а существуютъ больше на бумагѣ.. Успокоительное мнѣніе это, однако, совершенно неосновательно. Оно выводится изъ того только, что не всегда семейные раздѣлы крестьянъ происходятъ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ закономъ. Это такъ. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что существующія постановленія не ставятъ препятствій естественному стремленію отдѣльныхъ членовъ крестьянскихъ семей къ самостоятельности и не даютъ чувствовать себя сторонамъ подчасъ очень тяжело... Увы!—все это наблюдается тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе развивается среди крестьянъ стремленіе къ самостоятельности и независимости Дѣло въ томъ, что „домовой раздѣлъ", какъ называется, напримѣръ, здѣсь раздѣлъ безъ участія сельскаго схода, есть дѣло чисто-фактическое, не влекущее за собою многихъ необходимыхъ юридическихъ послѣдствій. При такомъ раздѣлѣ, платежною единицей остается та же семья въ ея совокупности,—и они могутъ быть поставленны въ необходимость платить за другихъ; представительство на сходѣ, равнымъ обра-

Другой раздѣлъ...

Тутъ крики безпорядочнѣе, разнорѣчивѣе... Возникаетъ горячій споръ между десятью-пятнадцатью членами схода, протискивающимися впередъ. Вѣроятно, это сосѣди дѣлящихся,—домохозяева того селенія, одинъ изъ

зомъ, не измѣняется,—и новый дворъ, фактически образовавшійся, не пріобрѣтаетъ права на участіе въ общественныхъ дѣлахъ; домохозяиномъ или старшимъ членомъ семьи юридически остается прежнее лицо,—и оттого, между прочимъ, члены новаго двора обязываются испрашивать его разрѣшеніе на отлучки и остаются лишенными самаго важнаго и необходимаго права, права передвиженія, и пр Самыя имущественныя взаимныя притязанія между членами семьи, распавшейся по „домовому раздѣлу", не преграждаются при такомъ условіи: пусть новыя семьи много лѣтъ живутъ самостоятельно, независимо послѣ домашняго частнаго раздѣла обще-семейнаго имущества,—это нисколько не обезпечиваетъ однихъ отъ предъявленія къ нимъ со стороны другихъ правъ на „части", якобы слѣдовавшія имъ по раздѣлу; подобныя притязанія возникаютъ часто уже между наслѣдниками раздѣлившихся безъ разрѣшенія схода, — предъявляются племянниками и внуками къ дядьямъ или дѣдамъ и дядьями къ племянникамъ, племянницамъ, невѣсткамъ и пр.; иски такого рода возникаютъ нерѣдко спустя не одинъ десятокъ лѣтъ послѣ „домового раздѣла", благодаря господствующей (совершенно неосновательной, кстати сказать) практикѣ, считающей земскую давность необязательною для примѣненія въ крестьянской средѣ (см о земской давности въ статьѣ нашей *Крестьяне и общее гражданское право,* напечатанной въ №№ 5 и 6 *Журнала Юридическаго Общества* за 1896 г). Отсюда же постоянное неопредѣленное, тревожное положеніе семьи, раздѣлившейся домашнимъ порядкомъ... Понятно теперь, что постановленія о раздѣлахъ примѣняются, – хотя больше въ смыслѣ только-что описаннаго дѣла, разрѣшеннаго барановскимъ сходомъ: въ смыслѣ раздѣла „на бумагѣ", сходы очень часто призываются признавать и какъ бы вновь производить раздѣлъ, состоявшійся 20—30 лѣтъ домашнимъ порядкомъ ..

Несмотря на всѣ препятствія, семейные раздѣлы не уменьшаются, а усиливаются, учащаются. Иначе и быть не можетъ. Въ нихъ находитъ себѣ выраженіе развивающаяся *личность крестьянина.* Свобода, самостоятельность, независимость становятся неодолимою потребностью его души.

Таковъ голосъ самой жизни... Весьма любопытно, что онъ весьма ясно слышится въ матеріалахъ, служащихъ извѣстнымъ основаніемъ для происходящаго нынѣ пересмотра законовъ о крестьянахъ,—въ *Сводѣ губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ* Какъ нимало могли быть склонны, собиравшія эти матеріалы, бюрократическія коммиссіи прислушиваться къ такимъ новымъ тонамъ въ народной жизни, къ запросамъ личности крестьянина, тѣмъ не менѣе, онѣ воспроизвели именно этотъ тонъ.. Страницы „Свода", посвященныя семейнымъ раздѣламъ—лучшія, наиболѣе яркія и жизненныя страницы .

дворовъ котораго ходатайствуетъ о разрѣшеніи раздѣлиться. Они только и знаютъ, вѣдь, положеніе двора. Ихъ только и касается до извѣстной степени раздѣлъ. Эти члены схода окружаютъ однообщественниковъ, желающихъ раздѣлиться, и принимаютъ ближайшее участіе въ ихъ дѣлѣ. Споръ, повидимому, возбуждается кажущеюся несправедливостью предложенныхъ условій раздѣла... Кто-то представляется обиженнымъ, кто-то обдѣляемымъ... Трудно понять, къ чему приходятъ спорящіе, и еще менѣе, что думаетъ объ основаніяхъ раздѣла безмолвная безучастная масса членовъ схода... Но въ прочитанномъ послѣ приговорѣ значится: „домъ продать, деньги пополамъ, землю также пополамъ“ [1]).

---

[1]) Такъ обыкновенно и дѣлятъ „сельскіе сходы своихъ однообщественниковъ не на бумагѣ, а по предписаннымъ закономъ правиламъ“ Какъ, на какомъ основаніи, почему устанавливается то или иное распредѣленіе между членами дѣлящагося семейства—надѣльной земли, строеній, необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства? Что слѣдуетъ признать „необходимою принадлежностью крестьянскаго хозяйства“, кромѣ указанныхъ въ законѣ точно лишь земледѣльческихъ орудій и скота? Гдѣ искать разрѣшенія послѣднихъ вопросовъ, коль скоро въ общихъ гражданскихъ законахъ понятіе о необходимыхъ принадлежностяхъ представляется совершенно неразвитымъ, а обычно правовыхъ положеній можетъ и вовсе не существовать по этому предмету, или они могутъ оказаться покрытыми совершеннымъ туманомъ и оставаться неизвѣстными? Все это остается неяснымъ, невразумительнымъ, допускающимъ всевозможныя стороннія вліянія. Въ то же самое время право жалобы на приговоры сходовъ касательно семейныхъ раздѣловъ, постановляемые обыкновенно при всемъ томъ съ крайнею спѣшностью,—весьма ограниченно, и на дѣлѣ, въ концѣ концовъ, существеннѣйшіе интересы крестьянъ, права чисто-гражданскія, по своему существу, требующія правильнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія со стороны цѣлаго ряда судебныхъ инстанцій,—остаются въ зависимости отъ земскаго начальника, вращаются въ обычномъ для крестьянскихъ дѣлъ „заколдованномъ кругу“ Недостатки положенія вещей въ настоящемъ отношеніи усугубляются еще тѣмъ, что, по закону, раздѣлъ производится сходомъ сельскаго общества, а не сходомъ одной той деревни, къ которой принадлежитъ дѣлящаяся семья и которой, конечно, ближе и лучше знакомо состояніе ея дѣлъ..

Понятно, что желательна отмѣна всѣхъ ограниченій касательно семейныхъ раздѣловъ крестьянъ, уравненія крестьянъ въ этомъ отношеніи съ лицами прочихъ сословій, подчиненіе суду всѣхъ споровъ, возникающихъ изъ раздѣловъ, касаются ли они надѣльной, или внѣнадѣльной земли, недвижимаго или движимаго имущества,—словомъ, необходимо прямое и ясное утверж-

Разрѣшеніе „мелочи“ продолжается...

Въ богадѣльню просится старикъ.

— Принять!

Старшинѣ дается довѣренность на полученіе процентовъ съ капитала.—Подъ пасѣку при училищѣ предоставляется на вѣчно участокъ земли.—По поводу ходатайства одного изъ общественниковъ о разрѣшеніи ему перейти окончательно въ купеческое званіе указывается, что сначала должно быть испрошено имъ на это согласіе отца...

Дальше писарь читаетъ заявленіе старшины слѣдующаго (по возможности буквально приводимъ) содержанія: „Въ общественныхъ лѣсахъ, въ купленномъ имѣніи, производятся у насъ порубки. Это ведетъ къ расхищенію лѣсовъ и непріятностямъ между домохозяевами. Представляю сходу, чтобы симъ сходомъ меня уполномочить привлекать виновныхъ къ судебной власти для отвѣтственности по существующимъ законамъ“.

— Раздѣлимъ, такъ пожалуйте,—добавляетъ на словахъ старшина.—Тогда руби каждый свою часть. А безъ этого—чтобы ни сучка!

Для провѣрки того, насколько русскій крестьянинъ лѣсной хищникъ, лѣсоистребитель и смотритъ на чужой лѣсъ какъ на свой,—это дѣло было весьма любопытно. Изъ словъ старшины выходило, что рубили лѣсъ свои однообщественники. Значитъ, порубщики находились въ въ составѣ схода. Ничто не помѣшало бы хотя одному такому порубщику выкрикнуть изъ толпы: „не надо“!... Однако, ни одного возраженія не послѣдовало. Но, быть можетъ, порубки, подавшія поводъ къ доложенному предложенію старшины, были значительны и часты? Нѣтъ. Порубокъ было нѣсколько и каждая была совершенно не-

---

деніе закономъ и практикою полной самостоятельности и независимости крестьянъ въ имущественномъ отношеніи, раздѣльности имущественныхъ правъ между дѣтьми и родителями, мужьями и женами, братьями и сестрами (что собственно и предполагается въ законѣ, какъ это мы доказываемъ въ упомянутой статьѣ—*Крестьяне и общее гражданское право*).

значительна. И это было въ отношеніе лѣса, плохо охраняемаго (сторожъ,—объяснилъ кто-то тутъ же на сходѣ,—получаетъ жалованье черезъ три мѣсяца, благодаря тому „порядку“, который установился въ общественномъ хозяйствѣ волости). Лѣсъ этотъ притомъ каждый барановскій крестьянинъ считаетъ своимъ, какъ это въ извѣстной степени и есть на самомъ дѣлѣ,—почему и земскій начальникъ сосѣдняго уѣзда, въ предѣлахъ котораго расположено имѣніе, выносилъ оправдательные приговоры по двумъ-тремъ обвиненіямъ, которыя и до настоящаго приговора возбуждались передъ нимъ барановскимъ старшиною противъ своихъ однообщественниковъ (для чего, кстати сказать, вовсе и не требовалось согласіе схода) [1].

По разрѣшеніи этого дѣла, писарь доложилъ новое письменное предложеніе старшины: „У насъ есть пустошь Куликово въ восемьдесятъ пять десятинъ. Какъ по отдаленности ея, надзору имѣть невозможно. Какъ мнѣ извѣстно и можетъ вамъ также, она приходитъ въ уничтоженіе. Какъ-то лѣсъ вырубается. Все завалено. А потому, нужно бы пустошь ту сдать въ аренду, а еще лучше продать, чтобы извлечь больше пользы изъ каждаго полученнаго рубля“...

— Я былъ тамъ,—прибавляетъ сборщикъ податей.—Что же,—все поломано, завалено, пустота совсѣмъ.

— Продать, продать!—раздается нѣсколько громкихъ голосовъ.

Впередъ выходитъ Шапкинъ, содержатель трактира въ ближайшемъ къ Баранову большомъ торговомъ селѣ, оказывающійся желающимъ купить пустошь и дать обществу возможность „извлечь больше пользы изъ каждаго полученнаго рубля“... Онъ узналъ о предстоящей продажѣ. Члены сходовъ не знаютъ заранѣе, о чемъ будутъ они разсуждать, какія дѣла рѣшать. Но постороннее

---

[1]) *Свода* Горемыкина, т. I, ч. 1, пунктъ 7, статья 83 и разъясненіе изъ рѣшенія угол. кассац. департ. сената отъ 16 ноября 1893 г.

заинтересованное лицо легко узнаетъ, что нужно въ подобныхъ случаяхъ...

— Нужно бы публиковать, коли такъ. Можетъ, найдется больше желающихъ купить,—дѣлается возраженіе нѣсколькими членами схода противъ немедленной угрожающей продажи земли.

— Что тутъ! Три года назадъ постановляли ужъ продать...

— Теперь всѣ узнаютъ, и явится больше покупателей.

— Затянется опять!

— И торопиться некуда. Не загорѣлось.

— Продать, продать!—опять усердно выкриваетъ нѣсколько человѣкъ.

Покупатель протискивается еще ближе.

— А сколько бы вы дали?—обращаются къ нему.

— Три рублика за десятину,—предлагаетъ онъ, не моргнувъ и глазомъ.

— Что вы!

Столь откровенно предложенная цѣна, видимо, смутила многихъ и изъ числа сторонниковъ Шапкина.

— Расходовъ на купчую больно будетъ много,—поддерживаетъ Шапкинъ свое предложеніе.—Возьмите расходы на себя,—тогда четыре рубля...

— Какъ можно!

— Продать, продать!—кричатъ, все же, нѣкоторые.

— Публиковать!—Оставить!—не менѣе громко кричатъ другіе.

Въ приговорѣ означается, что настоящее дѣло откладывается. Нѣкоторые усердные сторонники Шапкина все же выкрикиваютъ: „продать,—сейчасъ можно продать“.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ о ссудахъ на обсѣмененіе полей изъ хлѣбо-запаснаго магазина. Прежде всего, читается списокъ недоимщиковъ. Ихъ довольно много...

— Предоставить брать по шести четвертей на осьмакъ,—предлагаетъ одинъ изъ членовъ схода [1]).

— Я прибавилъ бы,—вступается земскій начальникъ,—что ссуда въ такомъ размѣрѣ выдается только тѣмъ домохозяевамъ, которые уплатили недоимку по прежнимъ ссудамъ...

Но предложеніе земскаго начальника вызываетъ единодушныя возраженія.

— Какъ можно!

— Такъ нельзя!

— Не по міру же идти недоимщикамъ!

Въ концѣ концовъ, подъ явнымъ вліяніемъ земскаго начальника, все же постановляется выдавать недоимщикамъ только по половинѣ ссуды въ общей принятой нормѣ. Нужно было бы составить затѣмъ списокъ нуждающихся въ ссудѣ, съ точнымъ обозначеніемъ нужды каждаго (и безъ всякихъ общихъ нормъ, не установленныхъ для ссудъ закономъ). Но этого не дѣлается. (Не было бы, поэтому, ничего неожиданнаго, если бы разрѣшенія на позаимствованія изъ хлѣбо-запаснаго магазина волости и не послѣдовало, и крестьяне остались бы безъ сѣмянъ къ посѣву).

III.

Между тѣмъ, учетчики не замедлили. Не прошло и часу какъ одинъ изъ нихъ явился въ залу засѣданія схода и доложилъ:

— Учетъ готовъ, ваше высокоблагородіе.

— А, прекрасно!—сказалъ земскій начальникъ.

---

[1]) „Осьмакъ"—мѣра неопредѣленная Есть осьмаки въ 18—19 десятинъ; есть и другіе въ 20—21 дес Откуда эта мѣра? Можно полагать, что она составляетъ остатокъ прежнихъ вотчинныхъ распорядковъ. Въ осьмакѣ считается четыре надѣла, четыре „души" Отсюда счетъ на четверти и половины осьмака. Вѣроятно, осьмакъ представлялъ собою въ былыя времена „тягло", но тягло не душевое; а тягло средняго двора. Не одинаковъ же осьмакъ въ разныхъ деревняхъ, надо полагать, вслѣдствіе различій въ качествѣ почвы, нѣкогда и раздѣлявшейся на „грани"

Вскорѣ писарь, по приказанію земскаго начальника, читаетъ не то отчетъ о произведенныхъ расходахъ, большею частію въ круглыхъ и крупныхъ цифрахъ, не то смѣту на будущій годъ въ такихъ же цифрахъ:

„Старшинѣ 400 р., писарю 300 р., двумъ сотскимъ 192 р., уряднику квартирныхъ 30 р., на разные расходы по правленію и училищу, какъ-то: на очистку отхожихъ мѣстъ, чистку трубъ и пр. 130 р., на ремонтъ мостовъ 235 р., на канцелярскія принадлежности для волостного правленія 55 р., на письменныя принадлежности для училища 30 р., на новобранцевъ 50 р., на пріемъ чудотворныхъ иконъ 20 р., на неугасимое масло 25 р., на молебны и панихиды 40 р., на общественные поминки 135 р.“ [1]). Всего расходовъ около четы-

[1]) Это—поминки помѣщицы, отпустившей мѣстныхъ крестьянъ на волю, въ „свободные хлѣбопашцы“ Память этихъ крестьянъ, освобожденныхъ полнѣе и раньше „общей воли“,—благодарна, хотя съ нихъ и былъ взятъ тогда огромный выкупъ Но, къ сожалѣнію, настоящій способъ чествованія памяти бывшей помѣщицы представляетъ собою явленіе крайне некрасивое Это—непокрытое общественное пьянство Благоразумная часть волости давно помышляетъ объ уничтоженіи поминокъ Но это очень трудно, хотя каждый годъ дѣлаются на сходѣ особыя ассигновки на устройство поминокъ и иногда даже сходъ созывается для этого. Вотъ, одинъ изъ случаевъ голосованія по этому вопросу, совпавшій съ поводомъ, указывавшимъ возможность лучшаго назначенія хотя для части тѣхъ денегъ, которыя тратятся ежегодно на объяденіе и пьянство.

Сходъ, на сей, очень рѣдкій, разъ безъ участія земскаго начальника Одно дѣло чередуется съ другимъ. Очередь доходитъ до предложенія старшины относительно поминокъ

— Попрежнему, что ли, господа?—спрашиваетъ онъ.

— Вовсе бы не нужно!—раздаются голоса

— По старому, по старому!—кричатъ другіе

— По старому, по старому!—подхватываетъ большее число голосовъ

— А сколько истрачено было въ прошломъ году?—спрашиваетъ одинъ изъ членовъ схода

— Сто тридцать пять рублей,—объясняетъ старшина

— Такъ не составить ли смѣты, чего купить?—предлагаетъ тотъ же членъ схода, видимо желая, по крайней мѣрѣ, сократить столь крупный ежегодный расходъ.

— По старому, по старому!—кричатъ „чествователи“, предчувствуя, что предложеніе направлено если не къ отмѣнѣ, то къ ограниченію поминокъ.

— Вовсе не нужно!—настаиваютъ другіе

Но тутъ выступаетъ старшина

рехъ тысячъ рублей. Столько же поступленій: мірского сбора, „травяныхъ денегъ“ (денегъ, получаемыхъ по сдачѣ травы въ имѣніи), процентовъ на капиталы. Капиталовъ оказалось: предназначеннаго для богадѣльни семь тысячъ, мірского—двадцать двѣ тысячи.

За такимъ докладомъ не послѣдовало никакого предложенія обсудить что-либо, никакого вопроса, обращеннаго къ сходу. И сходъ безмолвствовалъ.

— Раскладка прежняя,—не то съ вопросомъ, не то съ предложеніемъ, обратился старшина къ сходу, приступая прямо ко второй части дѣла, стоявшаго на очереди.

— Сбавить можно!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Нынче не будетъ такихъ расходовъ,—поддерживаетъ кто-то предложеніе о сбавкѣ.

— Слушайте, вотъ что пишетъ земскій начальникъ въ этотъ счетъ,—говоритъ онъ и читаетъ: „На сходъ не пріѣду Разрѣшаю собраться безъ себя. Расходъ на поминовеніе разрѣшаю по прошлогодней смѣтѣ“ Значитъ, и баринъ желаетъ по старому,—основательно заключаетъ старшина

— По старому, по старому! — подхватываютъ ободренные „чествователи“

Между тѣмъ, у противниковъ „чествованія“ языки, естественно, оказываются прилипшими къ гортанямъ.

Старшина переходитъ къ новому дѣлу и докладываетъ.

— Крестьянка Черногорова просится въ богадѣльню. Но у нея раны на ногахъ, „посредствомъ которыхъ она можетъ заразить другихъ призрѣваемыхъ“ Поэтому, лучше дать ей „способіе“ въ два рубля въ мѣсяцъ,—предлагаетъ старшина

Дѣло это уже не вызываетъ къ себѣ столь же горячаго отношенія, какъ только что разрѣшенное

— Согласны!—раздается нѣсколько голосовъ.

Ни возраженій, ни иныхъ замѣчаній

— Съ какого мѣсяца пособіе, съ 1 октября?—спрашиваетъ вскорѣ послѣ того писарь, составляя утвердительный приговоръ.

Сходъ же происходитъ въ половинѣ сентября.

— Съ 1 октября,—говоритъ старшина, не обращаясь даже къ сходу, хотя передъ этимъ вовсе не упоминалъ въ своемъ докладѣ о срокѣ, съ котораго слѣдовало выдавать пособіе больной женщинѣ

Спустя нѣкоторое время, передъ сходомъ появляется жалкая старуха и бормоча что-то, становится на колѣни. Это, оказывается, и есть Черногорова. Никто не обращаетъ на нее вниманія.

— Прибавки проситъ,—замѣчаетъ только кто-то.

Постоявъ на колѣняхъ, старуха уходитъ, какъ бы незамѣченная

— Непредвидѣнные могутъ быть,—возражаетъ старшина.

— То-то у насъ много непредвидѣнныхъ,—замѣчаетъ одинъ изъ членовъ схода.

— По рублю съ осьмака можно сбавить,—рѣшительно предлагаетъ одинъ изъ членовъ барановскаго схода. При этомъ, вставая съ одной изъ переднихъ лавокъ, онъ махаетъ заднимъ рядомъ однообщественниковъ: „Что же вы не кричите?“ Но задніе ряды откликаются очень слабо. „Вотъ,—замѣчаетъ онъ съ укоромъ,—ты имъ продиктуй, а они молчатъ. Такъ вотъ ты-то скажешь, и будешь *не хорошъ*“.

— Сбавить, сбавить! — раздается опять нѣсколько голосовъ.

— Какъ хотите, скинемъ,—говоритъ старшина.—Для насъ все единственно. А только будетъ нехватка, такъ придется добавлять.

— Сбавить, сбавить!—дружнѣе и дружнѣе кричитъ сходъ.

И по числу „осьмаковъ“ земли, облагаемыхъ мірскимъ сборомъ, смѣта уменьшается на 292 руб.

— А коли убавили,—выступаетъ тутъ неожиданно земскій начальникъ,—такъ пусть сборщикъ немедленно составляетъ списокъ недоимщиковъ и описываетъ ихъ имущество... Нужно взыскивать [1]).

Такимъ образомъ, осталось неопредѣленнымъ точно, на что будутъ производиться расходы, въ какомъ именно размѣрѣ и на какомъ основаніи. Не выяснено было сходу и то, по какимъ статьямъ были поступленія и на какомъ размѣрѣ, какъ ведется хозяйство въ имѣніи, почему

---

[1]) Послѣ, дѣйствительно, и происходитъ „выколачиваніе недоимокъ“. Приступаютъ прямо къ описи и продажѣ имущества, безъ особаго общественнаго приговора, по одному настоящему распоряженію земскаго начальника и безъ принятія предварительно болѣе мягкихъ мѣръ, предписываемыхъ закономъ. Недоимки безпощадно взыскиваются, несмотря на то, что всѣ мірскія потребности покрыты и что у общества есть имѣніе, купленное частнымъ путемъ, капиталъ и пр.

85 десятинъ пустоши оказались даже не сданными въ аренду. Словомъ, сходу не было представлено никакого отчета, при невозможности и для учетчиковъ войти, по краткости времени, въ какія-либо подробности. Но, по крайней мѣрѣ, уменьшена на одинъ рубль раскладка, и то составившая 5 р. 60 к. на „осьмакъ“. Зато, какъ бы въ наказаніе, строжайшая мѣра взысканія, примѣняемая къ недоимщикамъ.

Затѣмъ сходъ закрывается. Члены начинаютъ подписываться по очереди, по списку, подъ приговорами. Въ коридорахъ и на лѣстницѣ образуются отдѣльныя кучки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ продолжаютъ говорить объ учетѣ. Возбуждаются сомнѣнія по поводу различныхъ расходовъ, поставленныхъ обществу въ счетъ, когда теперь, уже по утвержденіи учета, нѣкоторыя цифры становятся извѣстными частнымъ образомъ.

— Петръ Иванычъ,—говорятъ въ одной кучкѣ (разумѣя помощника старшины),—обѣщалъ огородить пасѣку такъ, на свой счетъ, а замѣсто того взялъ сто шестьдесятъ пять рублей.

— Неужто?

— Вѣрно!

— Какъ же старшина выдалъ?

— Выдалъ!

— Безъ приговора?

— Безъ приговора!

Нѣкоторые негодуютъ.

— А приходъ съ расходомъ вѣренъ,— насмѣшливо замѣчаетъ въ толпѣ одинъ изъ учетчиковъ.

— Такъ что же вы?—укоряетъ его кто-то.

— Смотри самъ въ книгу,—отражаетъ укоръ учетчикъ.

— Да, поди тутъ, смотри!—выражаются сомнѣнія съ разныхъ сторонъ.

Такимъ-то образомъ обременяется довольно высокими платежами крестьянская земля и здѣсь, гдѣ она давно очищена отъ оброка или выкупа. При незначительности

государственнаго и земскаго поземельнаго сборовъ, она обременяется именно почти исключительно мірскими сборами. При извѣстныхъ условіяхъ, на отдѣльныхъ надѣлахъ накопляются недоимки. Онѣ достигаютъ значительныхъ размѣровъ, и тогда, съ одной стороны, лицо, имѣющее право на землю, вынуждено бываетъ отступиться отъ нея, съ другой же стороны, и отступаясь, оно, по личному, а не вещному характеру платежей, падающихъ на крестьянъ, по порядку ихъ взысканія, и по нераздѣльности семей, оказывается стѣсненнымъ въ важнѣйшемъ своемъ правѣ, въ правѣ передвиженія, выхода изъ общества и перехода въ другое общество, сословіе.

Случай такого рода обнаружился тутъ же, немедленно по закрытіи схода. Къ земскому начальну подошелъ одинъ крестьянинъ, оказавшійся принадлежавшимъ къ Коровинской волости Словесно онъ предъявилъ жалобу на барановскій сходъ, не увольняющій его зятя и препятствующій такимъ образомъ приписке послѣдняго къ его, тестя, обществу, при которой только онъ, тесть, и могъ бы обезпечить его и свою дочь имѣвшеюся у него землею. Иначе, дочь, за его смертью, осталась бы безъ земли, а сыновей у него не было.

— Почему не увольняютъ?— спросилъ земскій начальникъ.

— Недоимки сто сорокъ шесть рублей,—объясилъ старшина.

— На комъ?

— На дядѣ, а онъ (зять просителя) не отдѣленъ.

— Такъ у него, ваше высокоблагородіе. части нѣтъ,— говоритъ жалобщикъ о своемъ зятѣ.—Онъ ничѣмъ не пользовался.

— Все равно,—заявляетъ земскій начальникъ.—Не можетъ быть уволенъ. Объ этомъ нечего и говорить. Не дадутъ приговора.

— Уплатите недоимку, тогда...—предлагаетъ старшина.

— Хоть пополамъ съ дядей,—совѣтуетъ земскій начальникъ.

— Да онъ-то, онъ ничѣмъ не пользовался... части у него не было...—продолжаетъ жаловаться тесть.

Ни далѣе какъ на слѣдующемъ сходѣ Щуринъ (фамилія зятя) вновь возбуждаетъ ходатайство объ увольненіи изъ барановскаго общества.

— Да у него недоимки сто сорокъ шесть рублей,— говоритъ старшина, обращаясь къ сходу.

Тутъ выступаетъ уже въ защиту просителя родная мать.

— Деверь, деверь, вѣдь, батюшки, накопилъ, —плачетъ она передъ сходомъ.

— Человѣкъ и землей не пользовался, въ Коровинской волости и воспитывался,—поддерживаетъ ее кто-то.

— За что держатъ человѣка?—раздается еще сочувственный голосъ.

— Заплати недоимку,—поддерживаютъ, однако, нѣсколько голосовъ заявленіе старшины.

Въ концѣ концовъ, предлагается заплатить хотя только пятьдесятъ рублей. Дѣлать нечего, бѣднякъ соглашается. Старшина возбуждаетъ тогда вопросъ, когда, съ какого момента увольняется Щуринъ.

— Заплатитъ пятьдесятъ рублей, такъ и пусть уходитъ, тогда и приговоръ,—предлагаетъ кто-то изъ состава схода.

Увольнительный приговоръ, все же, дается Щурину.

IV.

— Иди, вотъ, на сходъ... А день-то какой! Сѣно сушить нужно бы... Подмоченнаго много... Былъ у насъ приговоръ, чтобы въ рабочую пору не собирать сходы по днямъ. Да, вотъ, земскому начальнику ѣхать подъ статью: сегодня онъ въ Коровинѣ, завтра—у насъ, а послѣзавтра—въ Кобылинѣ. Нарочно самъ не хочетъ пріѣзжать... А крестьянинъ—иди! А сколько бы можно было наработать въ такой-то день...

Такъ разсуждалъ одинъ изъ членовъ барановскаго схода, котораго я догналъ, направляясь въ слѣдующій

разъ въ Бараново, и съ которымъ дошелъ до правленія. Собесѣдникъ мой не принадлежалъ, кажется, къ числу особо старательныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ. Но и онъ былъ, дѣйствительно, недоволенъ распоряженіемъ земскаго начальника...

Первое дѣло, которымъ пришлось заняться этому новому сходу, открывшемуся около одиннадцати часовъ, касалось устройства безплатной народной библіотеки въ волости. Предположеніе объ учрежденіи библіотеки явилось еще года за три передъ тѣмъ. Тогда же сходомъ ассигновано было на этотъ предметъ сто рублей. Между тѣмъ, библіотеки все еще не было... Стремленіе крестьянъ къ самообразованію, книгѣ встрѣтилось и здѣсь съ обычными общими внѣшними препятствіями, съ тѣми сложными правилами, которыми обставлено у насъ открытіе народныхъ библіотекъ и которыя на практикѣ, по усердію низшихъ властей, соединяются еще съ разными другими.

— Вотъ, вы когда-то пожертвовали сто рублей на открытіе у себя библіотеки,—началъ земскій начальникъ. (Привожу почти буквально его недлинную рѣчь) —По всей вѣроятности, осенью она будетъ открыта. Но для того, чтобы получить разрѣшеніе, вамъ нужно избрать отвѣтственное лицо, которое отвѣчало бы за библіотеку. Вотъ, я вамъ объясню законъ... Отвѣтственнымъ лицомъ можетъ быть мѣстный земскій начальникъ или помѣщикъ. Кого хотите, того и выбирайте,—земскаго начальника или другого... А потомъ вамъ нужно будетъ выбрать двухъ завѣдующихъ. Впрочемъ, завѣдывать библіотекой будетъ учительница. Все-таки, завѣдующихъ нужно выбрать... Такъ вотъ, главное, необходимо отвѣтственное лицо,—земскій начальникъ или помѣщикъ...

Въ первый разъ земскій начальникъ упоминалъ слово „законъ“,—да и это упоминаніе было, очевидно, неумѣстно, такъ какъ рѣчь шла не о законѣ, а о несогласномъ съ закономъ распоряженіи административной власти. Самыя подразумѣвавшіяся тутъ правила 15 мая 1890 г. о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ-читаль-

няхъ вовсе не ограничивали въ такой мѣрѣ круга, изъ котораго могли бы быть избираемы отвѣтственныя лица. Устанавливавшееся ими ограниченіе было тѣмъ у́же притомъ, что въ описываемой мѣстности вовсе не было помѣщиковъ... Земскому начальнику явно желательно было стать „отвѣтственнымъ“ лицомъ самому, наложить на дѣло свою руку... По условіямъ же, при которыхъ происходитъ обсужденіе общественныхъ дѣлъ на сходахъ, и по вліянію, которое имѣлъ здѣсь земскій начальникъ, никто, кромѣ него, и не могъ быть избранъ. Подчиненные члены схода необходимо должны были „избрать“ своего начальника. Для нѣкоторыхъ было совершенно ясно, что указать на него—значило ему угодить...

— Мы бы попросили васъ, ваше высокоблагородіе,— очень естественно обратились къ нему старшина, его помощникъ и нѣсколько человѣкъ изъ числа сидѣвшихъ впереди.

— Да ужъ!—подхватило еще нѣсколько голосовъ.

— Хорошо... А можетъ, другого кого,—помѣщика?..

— Нѣтъ, ужъ васъ, в. в.

— Ну, а кого назначите завѣдующими?

Названо было нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ старшина и его помощникъ.

— И я думалъ, тебя, да тебя,—сказалъ земскій начальникъ, обращаясь къ послѣднимъ.

Библіотечное дѣло окончилось скоро, и сходъ перешелъ къ слѣдующему дѣлу...

— Вотъ, господа,—обратился старшина къ однообщественникамъ,—Кашкинъ не платитъ пятидесяти рублей за траву, которую снималъ въ нашемъ кочетковскомъ имѣніи. Теперь онъ въ Петербургѣ. Уполномочиваете требовать съ него деньги черезъ полицію?

— Какъ же, ежели не платитъ.

— Нужно бы судомъ, кажется...

— Извѣстенъ порядокъ-то...

— Уполномачиваемъ!

Но тутъ земскій начальникъ указалъ иной „порядокъ“... не объяснивъ неосновательности предложенія старшины.

— Лучше подождать, пока не явится сюда самъ Кашкинъ,—вступился онъ и, обратившись къ старшинѣ, спросилъ:—Срокъ его паспорта кончается, вѣдь, скоро?

— Скоро, в. в.,—отвѣчалъ старшина.

Ну, а новаго ему не выдавать, моимъ именемъ. Не выдавать! Слышишь?

— Слушаю, в. в.,—покорно отвѣчалъ старшина.

— Не выдавать!—еще разъ повторилъ земскій начальникъ и прибавилъ:—А то онъ больно много всякихъ пакостей понаписалъ тутъ... Пишетъ: то неправильно, другое... и что всѣ мы—мошенники...

Рѣчь шла о какихъ-то бумагахъ, присланныхъ передъ тѣмъ Кашкинымъ и въ правленіе, и земскому начальнику [1]).

Сходъ молчалъ, видимо недоумѣвая, какъ же можно было и взыскивать арендную плату, и наказывать Кашкина за подобныя письменныя заявленія невыдачею паспорта, прегражденіемъ ему возможности снискивать себѣ на сторонѣ средства къ существованію (а Кашкинъ занималъ въ то время порядочное мѣсто въ Петербургѣ)? Многіе понимали, что земскій начальникъ и не имѣетъ никакого права приказывать не выдавать паспортъ кому-либо... Другіе испытывали понятное смущеніе передъ наличностью той власти, которую присвоивалъ онъ себѣ,—власти лишать ихъ свободы передвиженія, по собственному усмотрѣнію... Мѣстные-же крестьяне, живущіе преимущественно отхожими промыслами, естественно, цѣнили эту свободу... Въ то же время и по тому же самому, больше и лучше, чѣмъ многія иныя правила, они знали, при какихъ условіяхъ и въ какомъ порядкѣ она

[1]) Кашкинъ—бывшій дѣятель волости, писарь, адвокатъ. По его предложенію, открывается и библіотека. Онъ не могъ ужиться въ деревнѣ, при настоящихъ условіяхъ,—и самъ удалился со сцены... Иначе дѣло могло бы кончиться для него печально.. Извѣстно, какими способами „доводятъ“ въ современной деревнѣ людей, имѣющихъ голосъ и интересъ къ общественнымъ дѣламъ.

могла быть до сихъ поръ ограничиваема... Самъ старшина былъ, видимо, сконфуженъ отдачею ему страннаго приказанія [1])...

— Вотъ, господа,—заявилъ потомъ старшина, переходя къ новому дѣлу,—по случаю рабочаго времени, мы отмѣняемъ присутственные дни по два раза въ недѣлю. Пусть будутъ они только по понедѣльникамъ. Согласны?

Земскій начальникъ молчалъ. Не послѣдовало возраженія и со стороны схода.

— Нужно бы скостить сколько-нибудь изъ жалованья старшинѣ,—довольно тихо замѣтилъ только кто-то.

Вслѣдъ затѣмъ къ земскому начальнику подошла молодая, порядочно одѣтая женщина, оказавшаяся крестьянкою Пестриковою, и словесно предъявила ему просьбу—

---

[1]) Угроза не была приведена въ исполненіе, и паспортъ Кашкину былъ возобновленъ, когда онъ того потребовалъ Да это и была, безъ сомнѣнія, одна угроза, „острастка". поселить Кашкина снова въ деревнѣ не было никакого интереса. Но фактъ тотъ, что приказаніе о невозобновленіи паспорта упомянутому лицу было громогласно и самоувѣренно отдано .. Еще печальнѣе то, что земскій начальникъ, дѣйствительно, легко можетъ, злоупотребля своимъ положеніемъ, ограничивать крестьянъ въ столь важномъ и необходимомъ правѣ, каково право передвиженія Виды на жительство крестьянамъ выдаются волостными старшинами, на дѣйствія старшинъ по этому предмету предоставлено жаловаться земскому начальнику. Дальнѣйшаго порядка обжалованія дѣйствій властей по выдачѣ паспортовъ не указано. Право дальнѣйшаго обжалованія, однако, несомнѣнно, есть, и порядокъ, надо полагать, долженъ соблюдаться тутъ общій. Но, уже независимо отъ усиливающейся этимъ отсутствіемъ прямыхъ указаній по настоящему предмету затруднительности дальнѣйшаго обжалованія, ясно, какое вліяніе можетъ принадлежать земскому начальнику въ дѣлѣ полученія видовъ на отлучку крестьянами: онъ можетъ на довольно продолжительное время задержать полученіе паспорта лицомъ, которому пожелаетъ сдѣлать непріятность... Такъ, въ данномъ случаѣ приказаніе не возобновлять Кашкину паспортъ могло быть отдано конфиденціально, безъ оборота на автора приказанія, а не открыто, не громогласно, на всемъ сходѣ (чѣмъ уже облегчалась возможность добиться его отмѣны) Старшина исполнилъ бы это приказаніе На дѣйствія же его жалоба должна была бы быть принесена тому же земскому начальнику. Затѣмъ, послѣдній могъ не торопиться ея разрѣшеніемъ, требовать не одинъ разъ объясненій, возбуждать различные вопросы—и, наконецъ, разрѣшить дѣло не въ пользу жалобщика... Тѣмъ же временемъ послѣдній могъ потерять мѣсто и потерпѣть тысячи непріятностей...

распорядиться отпереть домъ, запертый мужемъ отъ нея, и отдать ей землю, сданную имъ въ аренду...

Осталось неизвѣстнымъ, было ли дальнѣйшее продолженіемъ схода, или разбирательствомъ земскимъ начальникомъ административнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, перерыва объявлено не было, и сходъ принялъ участіе въ сужденіяхъ по этому поводу, вовсе не относившемуся ни къ его вѣдомству, ни къ вѣдомству земскаго начальника. Возникло позорище для бѣдной женщины,—безъ нужды и повода.

— Она дурного поведенія,—замѣтилъ кто-то,—а господинъ у ней хорошій.

— Какой господинъ?—спросилъ земскій начальникъ.

— Господинъ,—мужъ, значитъ.

— Черезъ нее и погибаетъ!

— Она его обобрала!

— Лавка своя была у него въ Питерѣ, а она взяла деньги и уѣхала.

Было сдѣлано еще нѣсколько замѣчаній въ этомъ родѣ. Пестрикова оправдывалась. Кое-кто поддерживалъ ее, въ томъ числѣ мать, бывшая тутъ же.

Земскій начальникъ, предоставивъ разыграться подобной сценѣ, отклонилъ, между тѣмъ, просьбу Пестриковой, безъ объясненія, какъ ей нужно дѣйствовать.

V.

Послѣ того земскій начальникъ оставилъ залу, и сходъ продолжалъ свою дѣятельность въ его отсутствіе съ нѣсколько бо́льшею свободой.

Старшина сдѣлалъ письменное заявленіе: „Какъ по сдачѣ въ прошедшемъ году луговъ въ Кочетковскомъ имѣніи выходило много непріятностей, и особенно недобросовѣстнымъ оказался крестьянинъ Кашкинъ, то нынче нужно сдавать траву за наличныя, чтобы сейчасъ же и получать, что слѣдуетъ“...

— Что же это? Изъ-за одного-то?!...—замѣтили нѣкоторые.

Затѣмъ возникли горячія пренія собственно о томъ, можно или нельзя, снявъ траву, сдавать ее другимъ, и не однообщественникамъ. Одни говорили: „снялъ, и кому хочешь сдавай самъ...“ Другіе: „не смѣй, бери только для себя, по силѣ возможности...“ Указывалось, однако, что, все равно, не услѣдишь,—„и на себя возьметъ, и съ своими работниками скоситъ, а тамъ продастъ сѣномъ...“ На сходѣ произошелъ расколъ...

— Чѣмъ же рѣшили?—спросилъ я одного изъ крестьянъ, не лишеннаго голоса на сходѣ, когда пренія смолкли и писарь заносилъ на бумагу мнѣніе схода.

— Да по старому, должно быть... Петръ Петровичъ,—обратился онъ, однако, тутъ же самъ къ старшинѣ,—какъ теперь съ лугами? По старому?

— По старому.

— Сдавай, значитъ, кому хочешь?

— Ни... Не моги! Бери только для себя сколько можешь, и сейчасъ же денежки.

Въ этомъ смыслѣ оказался составленнымъ и приговоръ, прочитанный потомъ.

Затѣмъ доложено было слѣдующее дѣло: изъ Москвы препровождался на родину арестантъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, Пѣшковъ. Выданная ему изъ мѣста высылки одежда, по сдѣланной тогда оцѣнкѣ, стоила около 5 руб. съ копейками; по возвращеніи же по принадлежности, она была оцѣнена въ три рубля съ копейками. Почти черезъ годъ губернское правленіе и потребовало съ общества разницу между стоимостью платья по той и другой оцѣнкѣ. Волостное правленіе, получивъ это требованіе, отвѣтило, что „за проносъ платья“ имъ уплачено было тогда же 18 коп., но что одежда была принята имъ отъ арестанта „въ должномъ видѣ“, и если она цѣнится теперь иначе, то потому, вѣроятно, что во второй разъ цѣнилъ ее другой оцѣнщикъ... Предписано было, однако, взыскать, не принимая никакихъ отговорокъ... Такъ

требованіе это и переписка возобновлялись нѣсколько разъ.

— Какъ теперь быть, господа?—обратился старшина къ сходу.—Мы сдали все въ должномъ видѣ, а тамъ, можетъ, годъ-то прислуга у станового носила арестантское платье...

— Они оцѣнятъ въ 15 рублей, а послѣ переоцѣнятъ! Что же, намъ и платить?!

— Не слѣдовало бы!

— Пусть съ Пѣшкова и получаютъ!

— Да съ него взять-то нечего.

— Казна свое возьметъ,—не безпокойся!

— Чего тутъ,—отдать!

— Отдать, два рубля—пустяки.

— Такъ отдать?—переспросилъ старшина.

— Отдать ужъ, отдать.

— Не слѣдовало бы,—упрямился кто-то.

Въ приговорѣ было постановлено потомъ: удовлетворить требованіе губернскаго правленія.

— Господа, - предложилъ, въ заключеніе, старшина,—вотъ писарь говоритъ, что ему больно много работы съ прописки паспортовъ пришлыхъ рабочихъ. А какъ вездѣ за это берется плата, то нужно и намъ постановить...

Сборъ подобнаго рода съ лицъ постороннихъ, столь же незаконный, какъ и широко распространенный сборъ съ видовъ на отлучки однообщественниковъ, дѣйствительно, весьма распространенъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда прибываетъ много сторонних рабочихъ. Затѣмъ и паспорты всѣхъ вообще лицъ, прибывающихъ въ уѣздъ, прописываются вмѣсто полиціи волостными правленіями. Черезъ волостныя правленія пересылаются всѣмъ вообще лицамъ и различные документы изъ всякаго рода учрежденій. Такимъ образомъ, волостныя правленія, благодаря подобнымъ фактически разлагаемымъ на нихъ обязанностямъ, лишній разъ являются правительственными установленіями, содержимыми, однако, единственно на сословныя крестьянскія средства. Съ этой же стороны понятно

стремленіе крестьянъ возмѣщать какъ-либо расходы, дѣлаемые ими на постороннихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, установленіе подобнаго или какого-либо иного сбора съ постороннихъ лицъ въ законодательномъ порядкѣ возможно и желательно, конечно, лишь при условіи, когда крестьянскія установленія сдѣлаются не только по обязанностямъ, произвольно и силою житейской необходимости, на нихъ налагаемымъ, но и по правамъ, и по составу, общественными, всесословными или безсословными съ правительственными функціями.

Предложеніе старшины относительно настоящаго сбора съ паспортовъ пришлыхъ рабочихъ встрѣтило, однако, здѣсь со стороны самихъ крестьянъ довольно сильныя возраженія, будучи понято, къ тому же, какъ клонящееся къ пользѣ волостного писаря.

При такихъ условіяхъ, писарь счелъ, повидимому, за лучшее отказаться отъ сбора, и на самомъ дѣлѣ предназначавшагося въ его пользу, и въ приговорѣ не значилось, чтобы сходомъ былъ установленъ этотъ сборъ, хотя при недостаткѣ голосованія и потому, какъ подписываются приговоры крестьянами, онъ могъ совершенно свободно занести въ приговоръ обратное заключеніе.

Настоящее дѣло было послѣднимъ. Началось подписываніе приговоровъ членами схода, занимающее здѣсь довольно много времени. Было уже довольно поздно, когда барановскій сходъ разошелся.

VI.

Прошелъ годъ со времени описаннаго выше, въ главѣ третьей, учетнаго и раскладочнаго схода. Хотя, какъ мы видѣли, къ явному неудовольствію земскаго начальника, раскладка была уменьшена на одинъ рубль съ осьмака и составила 5 р. 60 к., вмѣсто 6 р. 60 к., взимающихся прежде, тѣмъ не менѣе, всѣ волостныя потребности были вполнѣ покрыты. Конечно, по непремѣнному обыкновенію, остатка не оказалось... Но на все, по крайней мѣрѣ, достало и уменьшеннаго сбора. Казалось бы, слѣдовало и опять

испытать систему уменьшенія обложенія и облегченія платежныхъ тяжестей населенія. Но вотъ, ровно черезъ годъ, на новомъ учетномъ и раскладочномъ сходѣ, доходитъ очередь до установленія раскладки на текущее время.

— Въ прошломъ году было пять рублей шестьдесятъ копеекъ на осьмака, а нынче, я думаю, нужно назначить по шести рублей,—неожиданно предлагаетъ предсѣдательствующій вновь земскій начальникъ.

— По пяти, по пяти!—очень дружно раздается, однако, со стороны схода.

— Будетъ по пяти, больше не надо! — слышатся новые не менѣе громкіе и столь же многочисленные голоса.

Земскій начальникъ взволновывается.

— Не хватитъ!—возражаетъ онъ и добавляетъ тономъ приказанія:—По шести рублей назначайте! Меньше нельзя!

— По пяти, по пяти!—еще громче и дружнѣе, однако, кричитъ сходъ.

Земскій начальникъ начинаетъ считать вслухъ прошлогодніе расходы въ круглыхъ и крупныхъ суммахъ. Изъ общей суммы онъ вычитаетъ, затѣмъ, проценты съ капиталовъ и доходы съ имѣнія и остальную сумму дѣлить на число осьмаковъ, подлежащихъ обложенію.

— Вѣдь, выходитъ даже по восьми рублей съ полтиной,—заявляетъ онъ.—Видите. А я предлагаю по шести...

— По пяти, по пяти!—вновь дружно кричитъ сходъ.

— Ишь ты, сколько вышло, этакъ можно насчитать и больше,—дѣлаются менѣе громкія отдѣльныя замѣчанія.

— Говорю вамъ, что нельзя меньше,—убѣждаетъ земскій начальникъ, какъ бы не отдавъ еще себѣ отчета въ томъ, что дѣло его безнадежно, что сходъ желаетъ рѣшительно заупрямиться.

— По пяти, по пяти!—стоятъ на своемъ крестьяне дружнѣе и дружнѣе.

Земскій начальникъ дѣлаетъ, однако, новыя попытки убѣдить сходъ въ необходимости принять высшій размѣръ обложенія.

— Тѣ, которые стоятъ ближе,—говоритъ онъ,—слышали, какъ я считалъ. Я сосчиталъ все. Вѣрьте мнѣ. Неправильностей никакихъ нѣтъ. Лишняго ничего не положено. Говорю вамъ, меньше шести рублей невозможно.

— Можно, можно!—единодушно, какъ эхо, возражаетъ сходъ.—По пяти! Довольно!

Земскій начальникъ, однако, не менѣе упрямъ.

— Нынче нельзя меньше шести рублей,—все еще продолжаетъ онъ убѣждать крестьянъ.—На будущій годъ, дѣйствительно, можно... Нынче заплатите за пожарную трубу,—а тамъ не будетъ ужъ этого расхода. Можно будетъ и еще что-нибудь уменьшить...

— И нынче можно! По пяти! по пяти — стоитъ сходъ на своемъ съ большимъ единодушіемъ...

— Не хватитъ, такъ придется дѣлать дополнительную раскладку, добавлять,—дѣлаетъ земскій начальникъ послѣднее усиліе убѣдить сходъ, такъ сказать, обыкновенными доводами.

— Добавимъ! Тамъ видно будетъ! По пяти! по пяти!

Тогда уже, въ виду подобнаго упрямства схода, земскій начальникъ прибѣгаетъ къ инымъ доводамъ въ пользу своего предложенія, видимо, раздражаясь болѣе и болѣе.

— Если вы назначите только пять рублей,—заявляетъ онъ,—то я представлю приговоръ вашъ къ отмѣнѣ въ съѣздъ, и ровно черезъ недѣлю вамъ придется вновь прогуляться на сходъ по тому же дѣлу...

Увы!—не дѣйствуетъ и угроза.

— Придемъ хоть завтра! По пяти, по пяти!

Земскій начальникъ уходитъ въ „свою“ комнату, видимо, крайне раздраженный.

Казалось бы, пятирублевое обложеніе было оконча-

тельно установлено. Слѣдовало немедленно составить и приговоръ въ этомъ смыслѣ. Но этого сдѣлано не было. Съ уходомъ земскаго начальника наступилъ какъ бы перерывъ засѣданія, хотя онъ и не былъ объявленъ. Оставшись какъ бы безъ предсѣдателя, сходъ, въ его цѣломъ, пересталъ обсуждать раскладку. Онъ раздѣлился на группы и разошелся по корридорамъ правленія. Но и въ отдѣльныхъ группахъ слышатся тѣ же замѣчанія— въ пользу назначенія пяти рублей на осьмакъ; тутъ же принимаются отдѣльныя статьи расходовъ истекшаго года и указывается на возможность ихъ уменьшенія или и полнаго исключенія. Одна особенно многочисленная группа наиболѣе вліятельныхъ членовъ схода разсматриваетъ прошлогодніе расходы по самому докладу учетчиковъ и приходитъ къ тѣмъ-же заключеніямъ. Убѣжденіе въ достаточности пяти рублей на осьмакъ, повидимому, еще болѣе крѣпнетъ. Кажется, что если вновь послѣ перерыва будетъ обращенъ къ сходу вопросъ: „сколько?“—то единодушіе его обнаружится еще ярче.

Но къ послѣдней группѣ членовъ схода подходитъ старшина, побывавшій уже у земскаго начальника и успѣвшій, какъ оказывается, побесѣдовать съ нимъ по поводу упрямства схода.

— Какъ хотите, братцы,—заявляетъ онъ.—Постановите хоть по пяти рублей, мнѣ все равно. А только *онъ* говоритъ: не дамъ де вамъ тратить проценты съ капитала, если такъ... Тогда ужъ придется не по шести рублей платить...

При этомъ заявленіи лица всѣхъ присутствующихъ моментально вытягиваются.

— Сдѣлаетъ,—говоритъ кто-то съ убѣжденіемъ,—это дѣйствительно во власти земскаго начальника.

— Такъ ужъ и сдѣлано въ Полозовской волости,— подкрѣпляетъ другой представитель наиболѣе вліятельной группы схода это убѣжденіе однообщественника, видимо, раздѣляемое и другими.

— Въ его рукахъ, можетъ сдѣлать—раздаются по-

давленные голоса.—И по пятнадцати рублей будемъ платить.

Картина быстро мѣняется. Новая угроза сразу производитъ желаемое дѣйствіе.

— Потѣшьте барина!—предлагаетъ старшина—А то хуже будетъ...

Во вліятельной группѣ членовъ схода немедленно и созрѣваетъ согласіе „потѣшитъ барина“.

— Постановимъ ужъ шесть рублей!

— Что-жъ дѣлать!—постановимъ...

— Ничего не подѣлаешь,—постановимъ...

— Пожалѣемъ рубля,—десять переплатимъ...

Здѣсь уже нѣтъ возраженій. Тутъ всѣ уже отступили отъ первоначальнаго рѣшенія. „Верхи“ схода, члены, сидящіе напереди, готовы „потѣшить барина“. Но какъ „низы“, какъ остальная масса схода, помѣщающаяся назади, обыкновенно безучастная, а на сей разъ съ такимъ одушевленіемъ выражавшая свое несогласіе на предложеніе земскаго начальника и стоявшая за пятирублевое обложеніе?

— Скажите тамъ, чтобы соглашались на шесть рублей,—предлагаетъ одинъ изъ членовъ настоящей вліятельной группы схода, стоящій въ серединѣ ея, у стола, на которомъ лежитъ докладъ учетчиковъ, только что разсмотрѣнный съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ на самомъ сходѣ.

— Хуже, дескать, будетъ,—процентовъ не дастъ!—дается наставленіе нѣсколькимъ лицамъ, изъявляющимъ готовность идти и уговаривать однообщественниковъ „потѣшить барина“.

— Ладно,—говорятъ новые дипломаты, отправляясь исполнять порученіе.

Когда же, минутъ черезъ двадцать, явился земскій начальникъ, и сходъ открытъ былъ вновь, предложеніе назначить по шести рублей на осьмакъ не встрѣтило ни одного достаточно громкаго возраженія и было признано принятымъ. Въ цѣломъ сходѣ, состоявшемъ не

менѣе какъ изъ двухсотъ человѣкъ, не нашлось ни одного, который возбудилъ бы хотя сомнѣніе въ томъ, можетъ ли, дѣйтвительно, земскій начаникъ не дать процентовъ и заставить болѣе нежели вдвое увеличить и безъ того непосильное обложеніе.

У «свободныхъ хлѣбопашцевъ» *).

I.

Мы въ Коровинской волости, состоящей изъ трехъ сельскихъ обществъ и населенной исключительно крестьянами, бывшими „свободными хлѣбопашцами“, еще въ тридцатыхъ годахъ истекающаго столѣтія вышедшими на волю изъ крѣпостной зависимости. Что же такое представляетъ собою нынѣ этотъ разрядъ крестьянъ, сдѣланныхъ ранѣе, общаго освобожденія закрѣпощеннаго сельскаго населенія, не только свободными лично, но и собственниками отошедшей имъ земли въ довольно полномъ смыслѣ этого слова? Какъ протекаетъ среди нихъ общественная жизнь?

Нынѣшній волостной старшина Ивановъ—всесиленъ. Но онъ не первый всесильный старшина здѣсь. Мѣстныя устныя лѣтописи полны сказаніями еще о нѣсколькихъ другихъ старшинахъ, которые служили до него и, быть можетъ, были даже сильнѣе его, развивая свою дѣятельность на почвѣ прежней еще большей темноты, приниженности и забитости ниселенія. При одномъ изъ нихъ сгорѣло и правленіе съ письменными сказаніями о дѣятельности достопочтенныхъ коровинскихъ старшинъ.

Пожаръ этотъ способствовалъ украшенію Коровина: уже при Ивановѣ и Ивановымъ построенъ былъ здѣсь для правленія, съ затратою большей части обществен-

---

[1]) Первоначально напечатано въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Вѣстника всемірной исторіи“, за 1900 г.

наго капитала, двухъ-этажный домъ, высящійся нынѣ въ концѣ селенія. Въ то же время упомянутый пожаръ, погубивъ архивъ волости, привелъ еще къ большему усиленію путаницы поземельныхъ отношеній коровинскихъ крестьянъ. Крайняя же путанина, существовавшая и раньше въ этой области, обуславливалась невыясненностью для мѣстныхъ властей правъ коровинскихъ крестьянъ на землю.

Въ качествѣ „свободныхъ хлѣбопашцевъ", крестьяне эти, выйдя съ землею изъ крѣпостной зависимости, получили право собственности на эту землю. Но по расплатѣ съ помѣщицею за дарованіе личной свободы и за землю, формальнаго, съ помощью землемѣра и съ выдачею каждому домохозяину особаго плана, раздѣла земли на участки произведено не было, вопреки требованію закона, именно стремившагося создать изъ крестьянъ, отпускаемыхъ въ званіе „свободныхъ хлѣбопашцевъ",— мелкихъ поземельныхъ собственниковъ [1]). Тѣмъ не менѣе, у каждаго двора остался на вѣчное время тотъ участокъ, которымъ онъ владѣлъ въ моментъ выхода на волю. Участки эти считались выкупленными каждымъ дворомъ или домохозяиномъ каждаго двора,— выкупленными въ собственность. Дворы, семьи стали, поэтому, владѣть своими участками безъ предѣловъ. Общество не вступалось и не могло вступаться во владѣніе, пользованіе и распоряженіе ими совершенно. Оно предъявляло свои права лишь на выморочные участки. Оттого владѣніе землею пріобрѣло здѣсь довольно ясный характеръ личнаго [2]). Какъ ни было ограничительно вліяніе круго-

---

[1]) См. историко-статистическій очеркъ В. Вешнякова—„Крестьяне собственники". Спб. 1858 г.

[2]) По замѣчанію г. Вешнякова, среди большей части „свободныхъ хлѣбопашцевъ", составлялись, въ этомъ смыслѣ, особые общественные приговоры (тамъ же, стр. 73). Такъ было и здѣсь. Въ пунктѣ 10-омъ имѣющейся въ моемъ распоряженіи засвидѣтельствованной копіи приговора крестьянъ сосѣдней барановской волости, состоящей изъ крестьянъ того же разряда, принадлежавшихъ той же помѣщицѣ и вышедшихъ почти одновременно на волю, отъ іюля 1831 г., именно говорится: „тягловая земля

вой порука въ платежахъ, возлагавшихся на общество, и вообще финансовыхъ порядкахъ,—за каждымъ домохозяиномъ и фактически признавалось право собственности на его земельный участокъ. Онъ могъ распоряжаться имъ болѣе или менѣе свободно при жизни и даже продавать, равнымъ образомъ, онъ могъ завѣщать свою землю на случай смерти.

Но съ передачею въ 1866 году бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе учрежденій, образованныхъ для завѣдыванія дѣлами крестьянъ, освобожденныхъ 19 февраля 1861 г., съ распространеніемъ затѣмъ и на бывшихъ государственныхъ крестьянъ, Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,—особенности землевладѣнія бывшихъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“, называвшихся передъ тѣмъ очень характерно для формы землевладѣнія ихъ „государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ“, равно какъ и другія особенности положенія государственныхъ крестьянъ вообще стали забываться и постепенно перестали приниматься во вниманіе мѣстными учрежденіями... Всѣ вопросы положенія крестьянъ, всегда свободныхъ или вышедшихъ на волю раньше общаго освобожденія и уравненныхъ съ бывшими помѣщичьими крестьянами, освобожденными по общему манифесту,—въ настоящей мѣстности (какъ и во всѣхъ другихъ) стали разрѣшаться на основаніи Общаго Положенія и другихъ законоположеній 19 февраля 1861 г. Самые прежніе законы, которыми, въ сущности, неиз-

---

должна состоять по распоряженію вотчиннаго расписанія и утвержденнаго приговоромъ у крестьянъ въ вѣчномъ владѣніи, а, буде кто изъ крестьянъ пожелаетъ перепродать то въ посторонніе руки воспрещается, а по объявленіи въ вотчинномъ правленіи, не будетъ ли кому угодно изъ общественниковъ купить оную и буде общество укажется желающаго къ покупкѣ не будетъ, то правленіе обязано разрѣшить продать кому только будетъ угодно“. Съ полною увѣренностью можно сказать, что такой же приговоръ былъ, въ свое время, составленъ и въ коровинской волости,—такъ какъ и воззрѣнія крестьянъ на свои поземельныя права, и практика поземельныхъ отношеній совершенно одинаковы и въ той, и въ другихъ волостяхъ.

мѣнно должны были разрѣшаться иные вопросы этого рода,—перестали вноситься въ слѣдующія изданія Свода Законовъ, сдѣлались мало доступными, перешли въ архивы и тѣмъ менѣе могли получать точное примѣненіе, что и другіе законы, болѣе доступные, несомнѣнно, сохраняющіе свою силу, весьма мало обезпечены въ этомъ отношеніи въ крестьянской средѣ... Тутъ то и въ коровинской волости получилъ особенное значеніе обширный архивъ старыхъ дѣлъ. Но онъ былъ почему то перенесенъ изъ каменнаго, особо предназначавшагося для него помѣщенія (оставшагося отъ временъ вотчиннаго управленія), въ деревянный домъ, въ которомъ помѣщалось волостное правленіе,—и сгорѣлъ... Погибла при этомъ масса документовъ и даже дѣла, бумаги, относившіяся къ текущимъ дѣламъ... „Путанныя дѣла горятъ“,—кричалъ тогда народъ на пожарѣ. Въ числѣ же различныхъ послѣдствій этого несчастья, было приданіе нѣкоторой неопредѣленности вопросу о платежахъ за землю, пріобрѣтенную коровинскими крестьянами отъ своей помѣщицы.

Казалось бы, земля эта вполнѣ оплачена, такъ какъ никакихъ долговъ за нее помѣщицѣ и ея правопреемникамъ не состояло; расплата была произведена полная и одновременно съ выходомъ на волю. Тѣмъ не менѣе, продолжаютъ и нынѣ взыскиваться съ мѣстныхъ крестьянъ старшиною Ивановымъ какіе то особые платежи въ, такъ называемый, „искупной капиталъ“. Взысканіе производится только какъ то случайно, не по формальнымъ требованіямъ, неопредѣленно, робко. О получаемыхъ суммахъ ничего не говорится, обыкновенно, и при учетахъ старшины. Куда онѣ идутъ? какое назначеніе получаютъ?—это покрывается мракомъ неизвѣстности. Въ то же время нѣкоторые участки оказываются свободными отъ этихъ платежей въ „искупной капиталъ“, другіе же—отчего то болѣе или менѣе обремененными подобными платежами. Въ свою же очередь, это вноситъ новую неопредѣленность въ вопросъ о правахъ на землю мѣстныхъ крестъ-

янъ. Разные участки земли, въ силу этого условія, подчиняются неодинаковому праву распоряженія. Вслѣдствіе гибели архива, стали также трудно разрѣшимы вопросы о переходахъ участковъ отъ однихъ лицъ къ другимъ, о правахъ на владѣніе ими со стороны отдѣльныхъ лицъ, о способѣ пріобрѣтенія и пр. Отсюда же—безконечные подчасъ споры и особая цѣнность нѣкоторыхъ—какіе бы они ни были—уцѣлѣвшихъ кой-у-кого документовъ. Въ довершеніе же путаницы, по распоряженію земскаго начальника, поддержанному мѣстнымъ уѣзднымъ съѣздомъ, создалась практика, въ силу которой охранительныя и исковыя дѣла о наслѣдственныхъ правахъ на землю со стороны мѣстныхъ крестьянъ стали передаваться на разрѣшеніе не суда—а сельскаго схода,—и въ концѣ концовъ, вращаясь въ обычномъ для крестьянскихъ дѣлъ „заколдованномъ кругу“ мѣстныхъ низшихъ установленій, оказались въ зависимости отъ земскаго начальника, по жалобамъ на приговоры сходовъ „окончательно“ ихъ разрѣшающаго. Положеніе получилось невообразимое и тѣмъ болѣе характерное для всесильнаго вліянія практики передъ закономъ, что рѣчь шла о землѣ, на которую мѣстные крестьяне, несомнѣнно, имѣютъ права собственности, собственности частной, общегражданской,—о землѣ, строго говоря, не полученной въ порядкѣ надѣленія,—споры о которой можно считать съ полнымъ основаніемъ подсудными окружному суду, при отсутствіи прямого, точнаго, особаго закона о подчиненіи ихъ волостному суду. Практика настолько превозмогла законъ, что, такимъ образомъ, вмѣсто суда общаго, дѣйствующаго по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., подчинила подобные споры даже не волостному суду, не судебному до нѣкоторой степени разрѣшенію, а чисто-административному...

II.

Девять часовъ. Члены двухъ назначенныхъ на сегодняшнее число общественныхъ сходовъ—сельскаго и

волостного—въ полномъ сборѣ. Къ этому часу они и созывались строжайшими приказами волостного старшины и сельскаго старосты. Они размѣстились частью въ присутственной комнатѣ правленія, частью на лѣстницѣ, частью въ корридорахъ. Вездѣ, кромѣ присутственной комнаты, облака табачнаго дыма.

Среди собравшихся выборныхъ волостного схода—нѣкоторое волненіе. Дѣло въ томъ, что на сходъ собраны старые выборные, отбывшіе, или, по мѣстному выраженію, „отходившіе“ свои сроки. Между тѣмъ, въ двухъ обществахъ назначены уже новые выборные,—далеко не всѣ изъ числа прежнихъ выборныхъ, и лишь по одному обществу выборовъ еще не произведено. Очевидно, что при такихъ условіяхъ никакого схода до выборовъ въ третьемъ обществѣ и быть не можетъ, и никакого дѣла собравшіеся рѣшать не вправѣ: прежній составъ схода утратилъ свои полномочія, а новый еще не сформированъ окончательно. Старшина созвалъ, однако, старыхъ выборныхъ. Но среди собранныхъ пришли на сходъ и нѣкоторые изъ числа вновь назначенныхъ. Тѣ и другіе—въ недоумѣніи. Одни не знаютъ, почему ихъ позвали, а другіе—почему позваны не они.

— Старшина говоритъ,—замѣчаетъ одинъ изъ новыхъ выборныхъ,—что тутъ будетъ учетъ за прошлый годъ. Такъ, вѣдь, тутъ же будетъ и раскладка на будущій годъ!

— Мало-ли какія дѣла остаются отъ прежняго времени!—замѣчаетъ другой выборный изъ числа новыхъ — Что-же, старыхъ и выкапывать изъ могилъ, да и рѣшать съ ними эти дѣла?

Не всѣмъ ясно, что сходъ недѣйствителенъ, но всѣ чувствуютъ, что тутъ что-то неладно...

— Нужно заявить!—говоритъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Заявить!—подхватываетъ другой.

— Да неловко,—выражаетъ сомнѣніе третій.

— Тутъ нужно идти противъ старшины,—поясняетъ сомнѣніе четвертый.

— Да и земской не послушаетъ,—добавляетъ пятый.

— Нужно-бы, нужно-бы заявить,—повторилъ первый выборный.—Я заявляю.

— Попробуй, ну-ка!—подразнили его нѣкоторые.—Ты—прытокъ!

Около одиннадцати часовъ членамъ волостного схода приказано было собираться въ залѣ. Въ половинѣ же двѣнадцатаго, сюда вошелъ и земскій начальникъ. Онъ былъ уже за рѣшеткой и половина выборныхъ успѣла уже сѣсть, когда Ивановъ предложилъ:

— Помолитесь!

На нѣсколько секундъ всѣ привстали и нѣкоторые перекрестились.

— Учетъ? спросилъ земскій начальникъ.

— Да-съ, учетъ-съ, отвѣчалъ Ивановъ.

— Ну, читай! обратился земскій начальникъ къ писарю.

Писарь сталъ читать докладъ учетчиковъ (привожу цыфры, которыя удержались въ памяти):

...Расходовъ около двухъ тысячъ рублей. У старшины на рукахъ 165 руб. Волостныхъ общественныхъ капиталовъ около двѣнадцати тысячъ руб.,—въ томъ числѣ около семи тысячъ продовольственнаго. „Сомнительныхъ статей въ приходо-расходныхъ книгахъ не усмотрѣли“,—пишутъ учетчики. Приводятся общіе итоги; отдѣльно „несомнительныя статьи“ не показываются.

— Ну, такъ сколько же у тебя денегъ? — обращается земскій начальникъ къ Иванову, по окончаніи этого весьма непродолжительнаго чтенія.

— Сто шестьдесятъ пять рублей-съ!

— Покажи!

Ивановъ выкладываетъ деньги. Земскій начальникъ, молча, считаетъ. Затѣмъ, онъ кладетъ расходы по отдѣльнымъ статьямъ. Статьи, однако, и тутъ отдѣльно каж-

дая не называются. Старшина перечисляетъ только голыя цыфры: 14 р.; 20 руб.; 5 руб.; 10 руб.

— Да откуда у тебя эта дрянь?—говоритъ земскій начальникъ, какъ бы поясняя, что такая точность, „мелочность“ записей излишня, что для учета довольно и круглыхъ цыфръ, пріятнѣе ласкающихъ слухъ.

На шутливый вопросъ Ивановъ отвѣта не даетъ и статей не поясняетъ (хотя, конечно, онъ приметъ это къ свѣдѣнію). Выкладка на счетахъ продолжается...

— Всего семьсотъ шестьдесятъ пять рублей,—заключаетъ свой докладъ Ивановъ.

— Такъ и у меня!—гремитъ счетами земскій начальникъ, сбрасывая костяшки.—Какъ въ аптекѣ!—выразительно прибавляетъ онъ.

— Ну, учетъ такъ... говоритъ затѣмъ земскій начальникъ.— Теперь раскладка. Читай!—отдается приказаніе писарю.

Схода—какъ не бывало. Къ нему не обращается ни одно слово. Сходъ—весь тутъ, въ земскомъ начальникѣ. Объ „искупномъ капиталѣ“ не было и упомянуто. Не было упомянуто и о количествѣ „штрафныхъ“ денегъ, полученныхъ съ лицъ, подвергавшихся взысканіямъ по приговорамъ волостного суда и по распоряженіямъ земскаго начальника и волостного старшины.

Писарь читаетъ проектъ раскладки:

...„Старшинѣ жалованье—300 руб.; писарю—240 руб., да прибавили 60 руб. за исполненіе обязанностей дѣлопроизводителя волостного суда“...

— По старому?—спрашиваетъ Ивановъ.

— По старому!—отвѣтили нѣсколько голосовъ.

Писарь продолжаетъ:

...„Предсѣдателю волостного суда 80 руб.; судьямъ по 45 руб.,—135 руб.; сотскому 80 руб.; да прибавили 10 руб.“

— Кто прибавлялъ?—прерываетъ чтеніе одинъ изъ членовъ схода.

— Участокъ,—отвѣчаетъ старшина, (то есть сельское общество, именуемое здѣсь, обыкновенно, „участкомъ“).

— Ну, такъ пусть участокъ и платитъ,—говоритъ тотъ же голосъ.

— Участокъ прибавляетъ, а помѣщается въ общую раскладку!—выражаетъ кто то еще свое неудовольствіе.

— Такъ нельзя,—прибавляетъ другой.

— Ну, не все ли вамъ равно?—начинаетъ убѣждать земскій начальникъ.—Десять рублей для васъ пустяки. Прибавьте ужъ!

Возраженій земскому начальнику не послѣдовало, и увеличеніе расхода какъ бы принимается (такъ, по крайней мѣрѣ, значится потомъ въ приговорѣ).

Писарь продолжаетъ:

...„Двумъ учетчикамъ 6 руб.; уряднику квартирныхъ 40 руб.; отопленіе и освѣщеніе 200 руб.; содержаніе волостной пожарной трубы 20 руб.; на пріемъ чудотворныхъ иконъ 30 руб.; на неугасимое масло передъ лампадой 35 руб.; на молебны и панихиды 43 руб.“.

— Такъ было въ прошлый разъ,—говоритъ Ивановъ по поводу послѣдней статьи.—Теперь же нужно бы прибавить... Я думаю, какъ при началѣ дѣла нужно помолиться Господу-Богу... По моему, слѣдуетъ просить его молебномъ, чтобы, значитъ, послалъ урожай...

— Ну, такъ что же, — соглашается кто то, — два рубля можно прибавить.

— Будетъ, значитъ, на этотъ предметъ на будущій годъ сорокъ пять рублей, — заключаетъ Ивановъ. — Не себѣ, а Господу-Богу, — подкрѣпляетъ онъ свое предложеніе, заносимое въ приговоръ, какъ принятое.

Писарь продолжаетъ:

...„На канцелярскія принадлежности для правленія 80 р.; на учебники и письменныя принадлежности для училища 20 руб.“

— Тутъ есть заявленіе учителя, — прибавляетъ писарь.

— Прочесть!—требуютъ нѣсколько голосовъ.

Старшина морщится. Но заявленіе учителя читается.

Въ немъ говорится, прежде всего, что назначавшихся до сихъ поръ двадцати рублей на учебники и письменныя принадлежности для училища слишкомъ мало: книги рвутся; ихъ нужно переплетать, и часто покупать новыя; много также идетъ бумаги, перьевъ... „Прошу прибавить“,—заключаетъ учитель эту часть своего заявленія.

Прибавка тотчасъ и дѣлается... въ размѣрѣ пяти рублей.

Затѣмъ продолжается чтеніе заявленія учителя. Дальше въ немъ говорится, что въ теченіе семи лѣтъ стѣны его квартиры и квартиры помощницы покрылись копотью; что желѣзная печка прогорѣла извнутри и угрожаетъ деревяннымъ перегородкамъ.

— Что за безобразіе! — раздалось нѣсколько голосовъ.—Чего же старшина смотритъ! При такихъ расходахъ и не могутъ исправить это дѣло! Долго ли до пожара!

Сдѣлано было еще нѣсколько заявленій въ этомъ родѣ.

— Тише, тише!—окрикнулъ сходъ земскій начальникъ, и, обращаясь къ Иванову, прибавилъ:—нужно исправить, исправить,—глядѣть,—твое дѣло...

Ивановъ сконфуженъ.

Писарь продолжаетъ:

...„Выборнымъ по два рубля“...

— Не нужно!—раздается нѣсколько голосовъ.

— Нужно!—послѣдовало возраженіе.

— Не нужно!—раздалось еще громче.

Возраженіе противъ предлагавшагося расхода, надо полагать, исходило отъ тѣхъ изъ составлявшихъ сходъ прежнихъ выборныхъ, которые въ этомъ званіи уже не состояли,—вновь назначены не были.

— Какъ же,—недавно назначили выборнымъ вознагражденіе, а теперь отмѣняете!—упрекнулъ земскій начальникъ.

— По старому! раздалось со стороны выборныхъ, оставшихся въ этомъ званіи.

Въ раскладочномъ приговорѣ, какъ оказалось потомъ, статья эта и была помѣщена [1]).

— Для покрытія расходовъ, я бы предложилъ, господа, установить сборъ съ паспортовъ, выдаваемыхъ изъ правленія,—обращается послѣ этого къ сходу Ивановъ.—Можно назначить 20 коп. съ годового, 10 коп. съ полугодового.

— Не нужно!—раздаются довольно многочисленные голоса.

— Ничего не стоитъ переплачивать за паспортъ двугривенный,—настаиваетъ Ивановъ на своемъ предложеніи.

— Не нужно!—вновь еще громче раздается со стороны схода.

— Иной, можетъ, ѣдетъ въ Питеръ-то съ гривенникомъ, а оттуда возвращается пѣшкомъ,—возражаетъ одинъ изъ присутствующихъ, дѣлая даже нѣсколько шаговъ впередъ.

— Посторонніе не могутъ тутъ говорить!—обрываетъ его Ивановъ.

---

[1]) Установлено было, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вознагражденіе выборнымъ такъ:

Земскій начальникъ предлагаетъ волостному сходу прибавить волостному писарю за исполненіе обязанностей дѣлопроизводителя волостного суда.—Онъ въ теплѣ, а мы вотъ зябни!—дѣлается по этому поводу замѣчаніе нѣсколькими членами схода — И намъ бы поскольку-нибудь.—Такъ что-жъ!—говоритъ земскій начальникъ.—Прибавьте писарю и назначьте себѣ.—Можно, значитъ, теперь?—спрашиваютъ его нѣкоторые, памятуя, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ приговоръ объ уплатѣ вознагражденія членамъ волостного схода былъ отмѣненъ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ.—Можно, объясняетъ земскій начальникъ.—Тогда сначала было постановлено прибавить писарю — Сколько же теперь намъ?—ставится вопросъ.—Рублика по три, предлагаютъ нѣкоторые. Много! возражаютъ другіе.—Ну, такъ по два,—дѣлается новое предложеніе.—По два!—поддерживается это предложеніе. Въ этомъ смыслѣ составляется и приговоръ — На пьянство это,—пить больше будемъ на сходахъ,—слышатся замѣчанія —Отмѣнятъ,какъ прежде,—говоритъ кто то.—Ну,теперь, коли земской захотѣлъ, такъ не отмѣнятъ

— Развѣ тутъ есть посторонніе?—спрашиваетъ земскій начальникъ.

— Да, то есть, не выборный. Вотъ онъ,—указываетъ Ивановъ на крестьянина, не воздержавшагося отъ возраженія, несмотря на неимѣніе права голоса на волостномъ сходѣ, и поспѣшно удалявшагося теперь въ задніе ряды.

— Итакъ, съ паспортовъ,—годового 20 коп., полугодового 10 коп.,—формулируетъ старшина свое какъ бы принятое предложеніе.

Писарь такъ и записываетъ, какъ оказывается потомъ изъ приговора.

— Теперь нужно выбрать учетчиковъ,—предлагаетъ Ивановъ, и объясняетъ земскому начальнику:—у насъ они выбираются заранѣе на цѣлый годъ.

— Старыхъ!—предлагаютъ нѣкоторые.

— Старыхъ!—подхватываютъ другіе.

— Новыхъ!—раздаются довольно многочисленные голоса.

Баллотировки не производится и записываются прежніе учетчики [1]).

— Все?—спрашиваетъ послѣ этого земскій начальникъ.

— Все-съ!—отвѣчаетъ Ивановъ.

Скоро читаются и приговоры. Члены схода приступаютъ къ подписанію ихъ. Земскій начальникъ уходитъ въ отводимое ему помѣщеніе.

— Вотъ такъ учетъ!—слышатся два-три замѣчанія.

— Было просто, а теперь стало еще вольготнѣе!

Приговоры, однако, выходятъ, по обыкновенію, единогласными [2]).

---

[1]) Никакой постоянной контролирующей дѣятельности эти учетчики, задолго до учета избираемые, не проявляютъ, нужно сказать; но зато заранѣе извѣстно старшинѣ, кто будетъ производить учетъ.

[2]) Приговоры крестьянскихъ сходовъ почти всегда и вездѣ подписываются всѣми, кто только присутствовалъ при ихъ составленіи,—и бываютъ, обыкновенно, единогласными. Такой по-

Большая часть членовъ волостного схода расходится. Но нѣкоторые выборные и въ томъ числѣ лица, состоящія членами сельскаго схода, созваннаго на сегодняшній день, остаются. Самый этотъ сходъ въ сборѣ. Созывая его, староста предупреждалъ, чтобы явились всѣ, и пораньше, что земскій начальникъ будетъ самъ и можетъ оштрафовать или посадить подъ арестъ тѣхъ, кто не явится. Перекличка даетъ соотвѣтствующіе результаты: изъ 73 домохозяевъ общества налицо оказалось 65 голосовъ или 36 домохозяевъ, изъ которыхъ у 29 были голоса, переданные имъ отлучившимися болѣе нежели на полгода однообщественниками.

— Пора-бы ужъ!—обращаются нѣкоторые къ старостѣ.—И то ждемъ почти шесть часовъ.

— Мнѣ то что же!—раздражается староста.—Я тутъ непричиненъ. Не приказалъ безъ себя. Ну, что же, что же я буду дѣлать?! Не расходиться!—строго кричитъ онъ затѣмъ однообщественникамъ.—Готовы будьте!

Прошелъ, однако, цѣлый томительный часъ, прежде нежели въ залѣ появился земскій начальникъ.

— Тутъ Овечькина?—спросилъ онъ, помѣстившись за рѣшеткой.

— Тутъ-съ!—отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Подходи!—вызываетъ земскій начальникъ.

Предстояло дѣло, тянувшееся три года и очутившееся теперь на разрѣшеніи сельскаго схода.

— Всепокорнѣйше васъ прошу, ваше высокоблагородіе,—начала, тотчасъ пройдя впередъ, Овечькина, обращаясь прямо къ земскому начальнику и, повидимому,

---

рядокъ создался, отчасти вслѣдствіе безучастія, съ какимъ большинство относится къ общественнымъ дѣламъ, отчасти же, въ силу требованій, предъявляемыхъ начальствомъ, диктующимъ приговоры и стремящимся къ тому, чтобы подъ ними было какъ можно больше подписей (и по закону требующихся иногда въ числѣ не менѣе двухъ третей всѣхъ домохозяевъ),—и отчасти вслѣдствіе представленія крестьянъ,—возникшаго на почвѣ постоянно практикующагося нарушенія самостоятельности сходовъ,—что ихъ задача—„подписываться“ подъ приговорами, безъ дальнихъ разсужденій.

полагая, что коль скоро онъ на сходѣ, то и рѣшеніе зависитъ отъ него.—Потому, какъ я купила...

— Она неправильно, ваше высокоблагородіе,—немедленно послѣдовало возраженіе со стороны двухъ крестьянъ Мѣдниковыхъ, дяди и племянника, съ которыми шелъ споръ у Овечькиной.

— А вотъ, мы сейчасъ разберемъ,—прерываетъ ихъ земскій начальникъ, и читаетъ бумагу приблизительно такого содержанія: „Я, Мѣдниковъ, съ согласія общества, въ 1878 году, продалъ Овечькиной домъ, сарай и землю, одинъ съ четвертью надѣлъ, за сто рублей, съ тѣмъ, чтобы мнѣ по смерть жить у нея. Получилъ пятьдесятъ руб. Овечькина обязуется платить за землю и повинности. Наслѣдники мои не должны вступаться“...—Вотъ, сказалъ земскій начальникъ, кончивъ чтеніе бумаги.—Теперь ты, Овечькина, разсказывай, какъ было дѣло, чтобы всѣ слышали.

— Купила я землю у Мѣдникова,—начала та,—съ согласія общества, и деньги заплатила всѣ, и повинности оплачивала... Всепокорнѣйше васъ прошу, ваше высокоблагородіе...

— А гдѣ приговоръ?—въ видѣ вопроса возражаютъ наслѣдники продавца.—Согласія не было!—рѣшительно заявляютъ они затѣмъ.

— Согласія не было!—поддерживаютъ ихъ нѣсколько голосовъ.

— Господа, что вы! Приговоръ былъ. Что обижать человѣка!—замѣчаютъ другіе.

— Земля, ваше высокоблагородіе, родовая, наша. Онъ не могъ ее завѣщать. Она не окуплена,—отстаиваютъ Мѣдниковы свои притязанія.

— Коли общество согласилось!—возражаетъ имъ кто-то.

— Покажи документъ,—подлинный приговоръ!

— Сгорѣло все!

— То-то и есть!

— Что то-то? Такъ что-жъ?

— Помнятъ многіе, кто тутъ былъ!

— Нѣтъ, ты представь!

— Что тутъ толковать,—былъ приговоръ!

Сходъ началъ горячиться, голоса начали раздаваться громче.

— Тише, тише!—водворилъ порядокъ земскій начальникъ.—Сколько лѣтъ ты владѣла землей?—обратился онъ къ Овечькиной, которая стояла молча впереди съ убитымъ видомъ.

— Лѣтъ десять, ваше высокоблагородіе... Всепокорнѣйше васъ прошу...

— Она неправильно... заговорили опять противники.

— Ну, вотъ что,—прервалъ земскій начальникъ,—раздѣлите пополамъ.

— Нѣтъ, мы не согласны,—отвѣчали Мѣдниковы.—Земля родовая.

— Я награждена, окупала, общество было согласно,—въ свою очередь, отказывалась Овечькина отъ мировой сдѣлки.

— Да у васъ сколько земли?—спросилъ, земскій начальникъ Мѣдниковыхъ.

— Два съ половиною надѣла,—по одному съ четвертью, отвѣчали они.

— А у тебя?—обратился земскій начальникъ къ Овечькиной

— Нѣту, ваше высокоблагородіе, ничего нѣту,—говоритъ она.

— У ея деверя три надѣла,—объясняютъ Мѣдниковы.

— Да у деверя три сына,—плачетъ Овечькина.—У меня ребятъ охапка.—чѣмъ я ихъ буду кормить?

— А мы не виноваты, что ты много народила,—возражаютъ ей противники.

— Ну, весь вопросъ тутъ въ томъ, было ли тутъ согласіе общества,—объясняетъ земскій начальникъ.

Сходъ взволновывается опять.

— Было!—Приговоръ былъ!—Нѣту!—Гдѣ копія!—

Нѣту копіи!—Тогда и моды не было брать копіи!—Нѣтъ копіи,—значитъ, и приговора не было!—Вовсе не значитъ! Не со всякаго приговора берутъ копію!—Она не виновата, что бумаги сгорѣли!—Былъ приговоръ!—Помнятъ многіе!—Кто помнитъ!—Я!—Я помню!—Не обижайте человѣка!

Сходъ явно дѣлился на двѣ половины. Обнаруживалось отсутствіе основаній для правильнаго разрѣшенія дѣла. Представлялось очевиднымъ и неудобство разрѣшенія подобныхъ дѣлъ на сходѣ. Дѣло было передано на сходъ потому, повидимому, что тутъ предполагался вопросъ о распоряженіи общественною землею. Въ такихъ именно видахъ, практикою мѣстныхъ административныхъ установленій, исключены были земельныя дѣла изъ вѣдѣнія волостныхъ сходовъ и переданы сельскимъ сходамъ. Но если теперь рѣчь шла о накидкѣ и скидкѣ тягла, то къ чему было это разбирательство? Съ другой стороны, и тамъ, гдѣ крестьяне, несомнѣнно, владѣютъ землею на общинномъ правѣ, переверстки могутъ, по закону, производиться только при наступленіи извѣстныхъ условій,—которыхъ въ настоящемъ дѣлѣ не было. Зачѣмъ также предложеніе сторонамъ—подѣлить спорную землю? Принадлежавшій (и сознаваемый смутно каждымъ) дѣлу характеръ спора о правѣ гражданскомъ выступалъ явно, необходимо. Оно было, очевидно, судебнаго свойства. Сходъ не могъ быть призванъ къ его разрѣшенію.

— Ну, какъ сходъ рѣшитъ, такъ тому и быть, говоритъ, однако, земскій начальникъ.—Рѣшайте шарами. Каждому дадутъ по шару.

И раздаются шары участвующимъ въ сходѣ. Иной получаетъ два шара, обладая двумя голосами,—своимъ и по передовѣрію. Получаютъ шары и Мѣдниковы, и два—три другихъ наслѣдника, до поры до времени не предъявляющіе своихъ правъ, но явно заинтересованные въ исходѣ дѣла не въ пользу Овечькиной. Послѣдняя же, какъ безземельная вдова, участія въ рѣшеніи собственнаго дѣла не принимаетъ.

Въ результатѣ, большинствомъ 37 противъ 28, земля оставляется за Мѣдниковыми.

— Ну, тетка, твое дѣло прогорѣло!—объявляетъ земскій начальникъ.

„Тетка“ плачетъ. Она чувствуетъ, что это не рѣшеніе дѣла. Но не менѣе ясно для нея и то, что вести дѣло дальше значитъ—выносить продолжительную пытку и растерять послѣдніе гроши.

III.

Между тѣмъ, земскій начальникъ оставляетъ сходъ, а послѣдній продолжаетъ свою дѣятельность подъ предсѣдательствомъ сельскаго старосты. Разрѣшаются еще пять дѣлъ. Изъ нихъ на двухъ также отразились послѣдствія гибели волостного архива: отвергнуты несомнѣнныя права, по отсутствію „документовъ“.

Докладывается, прежде всего, прошеніе крестьянской вдовы Кочетовой. „Благопріобрѣтенную мною землю въ 1869 году отъ крестьянина Слезкина желаю уступить крестьянину —ской (другой, сосѣдней) губерніи,—въ чемъ всепокорнѣйше прошу сходъ милостиво разрѣшить мнѣ“...

— Какимъ путемъ пріобрѣла?—тотчасъ ставитъ кто-то вопросъ, зная о формальномъ недостаткѣ правъ просительницы.

— А кто ее знаетъ!—отвѣчаетъ нѣсколько голосовъ въ томъ же духѣ раньше Кочетовой.

— Я не какъ нибудь,—не присвоила, говоритъ уже она сама.

— Мы не говоримъ... А гдѣ документъ?

— Сгорѣлъ,—при домѣ сгорѣлъ.

— Да и не было!—раздается нѣсколько голосовъ.

— Какъ не было? Что вы, господа!—усовѣщиваетъ кто то своихъ однообществениковъ.

— Пусть предетавитъ!—предлагаетъ, однако, одинъ изъ нихъ

— Да откуда же?! Вѣдь и правленіе сгорѣло!—защищаетъ кто-то права Кочетовой.

— Она хочетъ полюбовнику своему подарить землю! — дѣлается своеобразное возраженіе.

— Грѣхъ, господа!

— Что за грѣхъ.—Вѣрно!

Въ концѣ концовъ, писарь заноситъ въ приговоръ: „отказать по непредставленію документа“...—и къ этому прибавляетъ отъ себя то, о чемъ не было и рѣчи на сходѣ: „по ст. 38 Общаго Положенія, Кочеткова, какъ вышедшая замужъ въ другое общество, лишилась права на землю“...

Такимъ образомъ, изъ просьбы о разрѣшеніи продать землю неожиданно вытекло какъ бы лишеніе самаго права на имущество, которымъ лицо владѣло 30 лѣтъ.

Тотчасъ выискался и наслѣдникъ къ землѣ. Братъ продавца, умершаго около 20 лѣтъ тому назадъ, предъявляетъ тутъ же свои права. Но притязанія его не встрѣчаютъ сочувствія. Указывается, что онъ уже около 30 лѣтъ какъ раздѣлился съ братомъ. Въ приговорѣ, согласно съ большинствомъ сдѣланныхъ замѣчаній, постановляется: „отказать“.

Сходъ приступаетъ къ слѣдующему дѣлу. Крестьянинъ, пріобрѣвшій надѣлъ земли въ 1874 году, оставляетъ духовное завѣщаніе, въ которомъ отказываетъ землю другому лицу, также мѣстному крестьянину. Завѣщаніе утверждается окружнымъ судомъ. Теперь же наслѣдникъ по завѣщанію, при отсутствіи пока какого либо спора противъ завѣщанія со стороны законныхъ наслѣдниковъ, обращается къ сходу съ ходатайствомъ—„утвердить къ землѣ“...

— А какъ пріобрѣтено? — опять ставится вопросъ, относящійся уже до завѣщателя.

— Мы этого не знаемъ!—дѣлается другое замѣчаніе въ томъ же духѣ сомнѣнія въ правахъ завѣщателя.

— Гдѣ документы? — прямо спрашиваетъ кто-то.

— Сгорѣли.

— А, сгорѣли!

— Намъ то что! Подавай документы!

— Двадцать пять лѣтъ владѣлъ! Чего же еще?— говоритъ, однако, кто то въ пользу просителя.

— Давность!—подкрѣпляетъ другой это замѣчаніе.

— Хоть бы сто лѣтъ! Я наслѣдникъ, и земля будетъ моя! возражаетъ кто-то.

Быть можетъ, это и есть наслѣдникъ по закону. Но въ данную минуту онъ не предъявляетъ своихъ правъ. Въ приговорѣ же схода записывается, что наслѣднику по завѣщанію отказано въ просьбѣ „утвердить его къ землѣ“.

Стремленіе къ отказамъ этого рода и превращеніе сходами нѣкоторыхъ земельныхъ участковъ какъ бы въ вещи безхозяйныя, выморочныя, объясняется отчасти тѣмъ. что въ такихъ случаяхъ имущество переходитъ въ собственность сельскаго общества, которое такимъ образомъ и рѣшаетъ собственныя дѣла въ свою пользу... У даннаго общества и имѣется уже нѣсколько земельныхъ надѣловъ. Въ свою же очередь, оно перепродаетъ ихъ, а иногда и само покупаетъ свободные участки. Продажа совершается „въ личную собственность“, какъ именно формулируется въ приговорахъ, но не сопровождается составленіемъ какихъ либо особыхъ документовъ, кромѣ приговоровъ. Установилась и постоянная опредѣленная цѣна надѣла (въ 5—6 десятинъ). Цѣна эта 115 руб., съ переходомъ на покупщика и всѣхъ повинностей, падающихъ на участокъ.

На настоящемъ же сходѣ, вслѣдъ за разсмотрѣннымъ дѣломъ, и состоялась продажа одного выморочнаго душевого надѣла. Но на этомъ надѣлѣ оказалось долга въ „искупной капиталъ“ ни много, ни мало какъ 96 руб. 73 коп. Покупатель соглашается тутъ-же уплатить 18 руб. 23 коп., уплата же долга въ „искупной капиталъ“ разсрочивается ему на шесть лѣтъ.

Слѣдующее дѣло состояло въ разрѣшеніи ходатайства одного изъ крестьянъ—принять его „на попеченіе об-

щества". Оказалось, что онъ продалъ, въ свое время, всю свою землю съ согласія общества, деньги прожилъ и работать теперь не въ силахъ.

— А кому продалъ, тотъ пусть тебя и кормитъ!— предлагаетъ нѣсколько голосовъ.

— А вы чего глядѣли? - дѣлается замѣчаніе:—зачѣмъ разрѣшили продать?

— А что бы онъ сталъ дѣлать съ землей?—послѣдовалъ отвѣтъ въ видѣ вопроса.

— Кто купилъ, тотъ и корми'—опять говорятъ нѣкоторые.

Въ приговорѣ постановляется: „отказать, такъ какъ у просителя есть корова и лошадь, и онъ можетъ руководствоваться".

Рѣшивъ послѣднее дѣло, члены схода начали подписывать приговоры.

Народъ, однако, не расходился совсѣмъ. Довольно значительная часть собравшихся оставалась еще въ правленіи. Многіе, повидимому, интересовались предстоящимъ разбирательствомъ земскимъ начальникомъ нѣсколькихъ административныхъ дѣлъ, и въ томъ числѣ дѣла самого старшины Иванова и родного брата его съ двоюроднымъ ихъ братомъ, Николаемъ Ивановымъ, о землѣ.

Еще наканунѣ въ сосѣдней, Кобылинской, волости передъ земскимъ начальникомъ выступили—двоюродный братъ Иванова, Николай Ивановъ, съ женою. Видъ родственника коровинскаго старшины былъ удрученный, растерянный. Трудно было понять, что именно хочетъ онъ сказать... Было ясно, однако, что онъ хочетъ засвидѣтельствовать что то о неправильныхъ дѣйствіяхъ своего двоюроднаго брата, старшины...

— Ничего не понимаю,—сказалъ земскій начальникъ, пожимая плечами.

Тутъ выступила въ помощь мужу жена и объяснила очень толково:

— Намъ вотъ что нужно, ваше высокоблагородіе... Вчерась нашъ старшина сказалъ: „у меня-де есть бу-

мага,—земскій начальникъ присудилъ мнѣ два надѣла"... Но мы не знаемъ, какая это бумага, и присудили ли вы ему что... Не получали ни повѣстки, ни копіи. А какъ же можно бы безъ этого разбирать дѣло?!... Такъ если это правда, то пожалуйте намъ копію. Намъ желательно узнать, что тутъ такое, какая у него бумага...

— Ну, приходите завтра въ Коровино. Я въ вашей волости самъ буду. Тамъ и разберу ваше дѣло... А только я ему ничего, кажется, не присуждалъ, добавилъ земскій начальникъ.

IV.

Скоро въ залѣ вновь появился земскій начальникъ. Старшина всталъ около него за рѣшеткой.

Къ рѣшеткѣ приблизился Николай Ивановъ Слѣдомъ за нимъ выступала его жена.

— Что тебѣ отъ меня нужно? спрашиваетъ земскій начальникъ, видимо узнавая въ немъ просителя, обращавшагося къ нему наканунѣ въ Кобылинѣ.

Видъ Николая Иванова опять былъ таковъ, что не подавалъ надежды на то, что проситель объяснитъ дѣло безъ помощи жены.

Жена просителя подходитъ еще ближе, обнаруживая желаніе заступить мѣсто мужа и объяснить, въ чемъ дѣло. Но въ это время писарь подкладываетъ земскому начальнику какую то бумагу,—и тотъ читаетъ ее тотчасъ вслухъ. Оказывается, что идетъ тяжба о двухъ надѣлахъ земли между Николаемъ Ивановымъ, съ одной стороны, и Константиномъ Ивановымъ (старшиной) и его роднымъ братомъ Семеномъ (предсѣдателемъ волостного суда), съ другой. Въ 1893 г., коровинскій волостной судъ, въ которомъ начато было дѣло послѣдними, принявъ во вниманіе, что спорная земля есть общественная, а не частная собственность, призналъ споръ подлежащимъ вѣдѣнію сельскаго схода (по предписанію земскаго начальника, именно установившаго подобную практику). Сельскій же сходъ, уже въ концѣ 1895 г., постановилъ

отобрать два надѣла земли отъ Николая Иванова и предоставить ихъ Константину и Семену Ивановымъ. Однако, приговоръ схода по этому предмету былъ отмѣненъ уѣзднымъ съѣздомъ на томъ основаніи только, что земля была предоставлена послѣднимъ „въ вѣчное владѣніе“ (предписаніе, значитъ, не согласовалось съ существомъ воззрѣній крестьянъ, разсматривающихъ владѣемую ими землю, какъ собственность). Отсюда же новый сходъ и новый приговоръ—конечно, въ виду вліятельнаго положенія старшины и его брата—такого же характера, но безъ этихъ словъ Этотъ то приговоръ, какъ оказалось, и оспаривалъ теперь Николай Ивановъ. Земскому начальнику предстояло нынѣ разбирать жалобу на сельскій сходъ, неправильно, по мнѣнію Николая Иванова, дѣйствовавшій въ пользу старшины.

— Наша собственность,—забормоталъ проситель съ своимъ растерянным, удрученным видомъ.—Послѣ родителя... Мы такъ несогласны...

— Насъ и на сходъ не звали,—добавляетъ жена.—Мы узнали объ этомъ приговорѣ только вчера. Насчетъ этого и обращались къ вамъ въ Кобылинѣ.

— Ты кому передалъ голосъ?—обращается земскій начальникъ съ вопросомъ къ Николаю Иванову, зная, что онъ пребываетъ въ деревнѣ временно.

— Жена грамотная. Она ведетъ хозяйство,—далъ тотъ косвенный отвѣтъ, какъ бы въ сознаніи того, что (какъ и по закону) въ настоящемъ случаѣ и не нужно передавать кому либо голосъ, такъ какъ и въ семьѣ есть кому заступить мѣсто домохозяина.

— Я на каждомъ сходѣ бываю, прибавила, съ своей стороны, Иванова.—А тутъ мнѣ и вѣсти не подали. Мы и не знали.

— Десятскій, оповѣщалъ?—спросилъ старшина Ивановъ одного изъ присутствовавшихъ, оказавшагося „деревенскимъ десятскимъ“.

— Я всѣхъ оповѣщалъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Мы ничего, ничего не знали,—подтвердила Иванова свое заявленіе.

— Вотъ онъ все ходилъ за него на сходъ, а теперь не знаемъ, почему жена,—сказалъ старшина земскому начальнику, указывая на одного изъ присутствовавшихъ, котораго Николай Ивановъ, подчиняясь господствующему обычаю, „нанималъ“ участвовать за себя въ общественныхъ дѣлахъ.

— Жена грамотная,—повторилъ Николай Ивановъ—и какъ бы указывая на установившееся несложное существо обязанностей участвующаго на сходѣ, добавилъ:—сама можетъ расписаться.

Земскій начальникъ не сдѣлалъ по этому поводу никакого замѣчанія [1]).

— Мы такъ не согласны... Какъ можно! Родительское... опять забормоталъ Николай Ивановъ.

— Земля общественная,—возразилъ старшина.—Да мой же отецъ,—началъ онъ затѣмъ приводить въ свою пользу доказательства уже иного характера,—заплатилъ за всѣ девять надѣловъ, да за рекрута заплатилъ. Вся земля его и стала. Онъ ее искупилъ...

— Это на словахъ, сказалъ Николай Ивановъ.—На словахъ все можно...

— Нѣтъ, не на словахъ. У меня документъ есть. Вотъ-съ, ваше высокоблагородіе, сказалъ старшина, подавая земскому начальнику какую то бумагу.

Земскій начальникъ начинаетъ читать эту бумагу вслухъ. Это, какъ оказалось, былъ какой то замысловатый „актъ семейнаго согласія“, составленный еще въ сороковыхъ годахъ, въ видахъ устраненія „распрей и семей-

---

[1]) Это былъ первый любопытный протестъ и противъ господствующаго въ этой волости обычая, лишающаго крестьянскую женщину общественнаго представительства,—вынуждающаго домохозяевъ, отлучающихся на ихъ обычный промыселъ въ городахъ, передавать свои голоса мужчинамъ-общественникамъ, остающимся дома,—обычая, создающаго въ средѣ мѣстныхъ сельскихъ сходовъ большое число лицъ съ двумя голосами. Земскій начальникъ не подтвердилъ этого протеста, но онъ также и не отвергъ его, по крайней мѣрѣ, здѣсь въ настоящемъ случаѣ.

ныхъ непріятностей". Въ актѣ излагается, однако, нѣчто не совсѣмъ ведущее къ этой цѣли. Здѣсь говорится только о „хитрыхъ происках и мошенническихъ замыслахъ" Петра Иванова, отца Николая Иванова, учинявшихся противъ старшаго брата Кузьмы, отца Константина и Семена Ивановыхъ. Изъ „акта" оказывается, что Кузьма Ивановъ часто платилъ деньги за семью (хотя, быть можетъ, въ качествѣ старшаго ея члена, изъ общихъ, а не изъ своихъ средствъ, какъ дѣлалось обыкновенно).

— Такъ, вотъ, я не на словахъ,—заключилъ старшина чтеніе „акта" земскимъ начальникомъ.—Отецъ за все заплатилъ.

— Это можно сказать,—настаивалъ Николай Ивановъ, видимо, смущенный „актомъ" и не находящій въ своемъ распоряженіи нужныхъ возраженій противъ существа и формы „акта".

— Это ты говоришь на словахъ, а я доказываю,— у меня документъ,—побѣдоносно говорилъ старшина.

Между тѣмъ, братъ старшины, Семенъ, молчалъ, предоставляя ему всецѣло орудовать „актомъ" отца.

Въ свою очередь, земскій начальникъ, повидимому, не вполнѣ убѣдился въ разительномъ значеніи „акта".

— Ну, вотъ что: отдайте вы ему одинъ надѣлъ, а себѣ оставьте другой,—предложилъ онъ Константину и Семену.

— Нѣтъ, мы не согласны будемъ такъ,—отозвался съ своей стороны Николай раньше, чѣмъ Константинъ и Семенъ собрались дать отвѣтъ земскому начальнику, нѣсколько замѣшкавшись.

— Ну, такъ и ничего не получишь,—сказалъ ему земскій начальникъ и началъ писать.

Для Константина и Семена тѣмъ удобнѣе было не принимать теперь примиренія, и они не отвѣтили на сдѣланное имъ предложеніе.

— Взялъ бы одинъ надѣлъ, и дѣло съ концомъ!— обратился земскій начальникъ, написавъ нѣсколько, уже прямо къ Николаю Иванову.

— Наша собственность.. Какъ можно!—стоялъ тотъ на своемъ.

— Ну, какъ хочешь!—сказалъ земскій начальникъ и черезъ минуту провозгласилъ свое постановленіе: „приговоръ признать правильнымъ“.

V.

Крестьянъ нерѣдко обвиняютъ въ кляузничествѣ, сутяжничествѣ. И это потому, что они часто упорно стоятъ на своемъ, ничтожныя по суммѣ дѣла ведутъ цѣлые годы, жалуются, куда только возможно. Основанія для обвиненія въ кляузничествѣ, какъ видно, совершенно недостаточныя, свидѣтельствующія не о крючкотворствѣ бѣдныхъ людей, а о крайне неудовлетворительномъ состояніи законовъ о крестьянахъ, исключающемъ очень часто возможность правильныхъ рѣшеній со стороны низшихъ учрежденій и спутывающемъ въ значительной степени въ крестьянской средѣ понятія о „моемъ“ и „твоемъ“. Скорѣе тутъ проявляется чисто-гражданская черта, отличающая крестьянъ,—готовность бороться за право, черта, которая была бы такъ плодотворна, если бы къ ней было присоединено знакомство съ самымъ правомъ. Тѣмъ не менѣе, отчасти именно такія неправильно понимаемыя основанія приводятъ къ мѣропріятіямъ, могущимъ лишь плодить дѣла, путать понятія, возбуждать безконечныя распри, лишая заинтересованныхъ лицъ возможности получить ясное, понятное и убѣдительное рѣшеніе. Таковы—ограниченіе права жалобы и предоставленіе цѣлаго ряда крестьянскихъ дѣлъ дискреціонной власти низшихъ мѣстныхъ установленій. Таково стремленіе, проявляемое иногда административно судебными установленіями,—лишить деревню и той юридической помощи, которая создалась сама собою и которая, какова бы она ни была, только и находится нынѣ въ распоряженіи крестьянъ, нуждающихся въ ней безусловно.

Нѣкоторыя характерныя условія, которыми обстав-

лена юридическая помощь крестьянамъ въ описываемой мѣстности, какъ видно, необходимо предъявляющей на нее особый запросъ, довольно ярко обнаружились на слѣдующемъ дѣлѣ, разсмотрѣнномъ земскимъ начальникомъ.

— Дѣло Офросимова!— объявилъ земскій начальникъ.

Въ рукахъ у него была бумага; но онъ не сталъ ее читать, а обратился прямо къ подошедшему крестьянину, видимо выпившему и оказавшемуся, какъ видно будетъ, „ублаготвореннымъ“ жалобщикомъ.

— Что тебѣ отъ меня нужно? Разскажи самъ!— предложилъ ему земскій начальникъ.

— А староста заарестовалъ у меня за недоимку телку,—началъ Офросимовъ довольно безсвязно.—А я ее взялъ—да продалъ за тринадцать рублей. Купилъ говядины, муки,—разговѣться,— да и ѣсть, значитъ, было нечего. А онъ все это заперъ у меня въ чуланъ, а меня посадилъ подъ арестъ на два дня. Я потомъ принесъ четыре рубля.

— Ну, что же тебѣ отъ меня нужно?—опять спросилъ земскій начальникъ, какъ будто рѣчь шла о гражданскомъ искѣ, а не о жалобѣ на неправильныя дѣйствія по службѣ сельскаго старосты.

— Да теперь ничего,—довольно весело и развязно отвѣтилъ Офросимовъ.

— Ну, такъ о чемъ толковать? Зачѣмъ же ты пишешь бумаги? Кто тебѣ писалъ?

— Въ городѣ.—отвѣтилъ жалобщикъ, улыбаясь.

— Вретъ!—обличаетъ его кто то изъ присутствующихъ.

— Ха-ха-ха!—смѣется другой.

— Каменевъ писалъ!—услужливо замѣчаетъ третій.

— Павелъ Иванычъ!—называетъ четвертый по имени и по отчеству мѣстнаго адвоката, крестьянина одного изъ сельскихъ обществъ Коровинской волости, члена сельскаго и волостного сходовъ, сознательно участвую-

щаго въ дѣлахъ и, какъ мы увидимъ ниже, подвергающагося преслѣдованію...

Самъ „ублаготворенный“ Офросимовъ смѣется, какъ бы подтверждая эти стороннія заявленія о томъ, что считается нужнымъ скрывать... Каменевъ—„подъ запрещеніемъ“; ему „запрещено“ земскимъ начальникомъ писать прошенія, и потому, его бумаги переписываются другой рукой,—иначе же могутъ остаться не прочитанными, даже разорванными... Раскрывать теперь эту „тайну“,—кто писалъ бумагу Офросимову—можно смѣло. Это не доставитъ земскому начальнику ничего, кромѣ удовольствія. Отсюда — нѣсколько вольный характеръ рѣчей. Услужливые люди чувствуютъ себя свободно. Имъ весело.

— Сколько заплатилъ?—спросилъ земскій начальникъ жалобщика.

— Двадцать копѣекъ.

— Лучше бы въ недоимку внесъ эти двадцать копѣекъ,—замѣчаетъ земскій начальникъ.—Сколько за тобой?

— Было двадцать два рубля,—теперь меньше.

— Отчего не платишь?

— Строился. Хлѣба два года нѣтъ. Одежонку нужно было справить. Не могъ.

— Ну, такъ ничего не нужно?

— Нѣтъ.

— Ну, и ступай! О чемъ же толковать!

Толковать, однако, было о чемъ, если не съ жалобщикомъ, разъ онъ былъ „ублаготворенъ“, то со старостой. Какъ оказалось, рѣчь шла о взысканіи не недоимки, а долга, состоявшаго за Офросимовымъ въ пользу мірского капитала, изъ котораго выдаются здѣсь ссуды общественникамъ. И такое то взысканіе староста началъ производить безъ предварительнаго рѣшенія суда и прямо принудительно,—налагая арестъ сначала на вещь, необходимую въ хозяйствѣ, затѣмъ на необходимые жизненные припасы, а тамъ подвергая и самаго должника личному задержанію.

О томъ, что подобнаго рода дѣйствія старосты были неправильны, крестьяне узнали, однако, только отъ адвоката. Изъ-за личности писавшаго жалобу земскій начальникъ не пожелалъ придать ей какое либо значеніе, и собственно отъ него они узнали лишь то, что къ одному изъ своихъ однообщественниковъ они не могутъ обращаться за написаніемъ жалобъ и въ самыхъ вопіющихъ случаяхъ.

VI.

— Ну, не дураки ли мы? Не назовутъ ли насъ дураками? Впрямь дураки! Всякій это скажетъ. Да какъ же! Казна насъ облегчаетъ. Паспорты стали дешевле. А мы на нихъ сами еще наложили! И къ чему? Чего у насъ не хватаетъ? Капиталъ есть. Все оправдываемъ. Сборовъ всякихъ и то довольно. Куда же пойдетъ новый налогъ? На пьянство!

Такъ разсуждалъ въ небольшой группѣ однообщественниковъ одинъ изъ крестьянъ коровинской волости, черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго выше учетнаго волостного схода, по поводу установленнаго на послѣднемъ, по предложенію Иванова, сбора съ паспортовъ.

Бесѣда происходила въ ожиданіи открытія схода одного изъ сельскихъ обществъ волости,—новинскаго. Сходъ этотъ оказался довольно интереснымъ. На нѣсколькихъ обсуждавшихся на немъ дѣлахъ обнаружились характерныя условія крестьянскаго общественнаго представительства и послѣдствія предполагаемой нераздѣльности крестьянскаго двора съ существующими сложными правилами семейныхъ раздѣловъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ мѣстномъ волостномъ судѣ молодой крестьянинъ Елкинъ обвинялся въ томъ, что, разобравъ крышу на домѣ своей семьи, взялъ съ чердака и пропилъ нѣкоторыя вещи.

— Что унесъ?—предложилъ ему вопросъ предсѣдатель суда послѣ прочтенія протокола старосты, квалифицировавшаго дѣяніе, какъ кражу.

— Да что мнѣ было нужно, для хозяйства... Ну, тамъ, денегъ нѣсколько, часть льну...

— Куда употребилъ?

— Да куда было нужно... по хозяйству...

— Напримѣръ?

— Да на разныя разности,—ну, тамъ, на увеселеніе, какъ-то на угощеніе... Попало, можетъ быть, кой-что на храмъ Божій, какъ-то на свѣчи...

Обвиняемый былъ сконфуженъ. Неправильность своихъ дѣйствій онъ явно сознавалъ.

— Кто у нихъ домохозяинъ?—спросилъ предсѣдатель старосту.

— По книжкѣ то онъ,—отвѣтилъ староста. – Некому больше, хоша онъ и гроша не заработываетъ, а еще, тащитъ, что попадетъ подъ руку. Хозяйство же ведетъ мать.

Волостной судъ оправдалъ Елкина, не усмотрѣвъ въ дѣйствіяхъ его состава преступленія.

На открывшемся нынѣ сходѣ, именно того сельскаго общества, къ которому принадлежалъ Елкинъ, послѣдній и присутствовалъ въ качествѣ полноправнаго члена, какъ „домохозяинъ по книжкѣ“ (платежной), не заработывающій ни гроша и не лично, конечно, оплачивающій подати и повинности. Мать же, которая именно вела хозяйство и содержала его самаго своими трудами, только присутствовала на сходѣ,—и присутствовала сама въ качествѣ „обвиняемой“...

— Жалобу на меня произноситъ сынокъ,—объясняетъ она нѣкоторымъ изъ сосѣдей, сидя на задней скамьѣ въ помѣщеніи, гдѣ собрался сходъ.

Письменная жалоба Елкина и читается, тотчасъ по открытіи схода. Въ ней онъ говоритъ, что мать продаетъ разныя вещи и продала всего на сто рублей...

Это вызываетъ со стороны схода рядъ восклицаній:

— Она—хозяйка!—Она пріобрѣла,—она и распоряжается!—Ты за готовое садишься,—а она трудится!—Онъ ничего не дѣлаетъ!—Тащитъ еще изъ дому!—И

онъ пріобрѣталъ!—раздается голосъ въ пользу Елкина.—Да, пріобрѣталъ,—въ кабакъ!—Продала всего на сто рублей, а купила-ли ему сапоги?—слышится другой голосъ въ интересахъ Елкина.—Она—хозяйка!—Что онъ такое? Бездѣльникъ!—продолжаютъ, однако, сыпаться замѣчанія, неблагопріятныя для Елкина.

Бѣдная женщина жалуется, между тѣмъ, вслухъ, что сынъ ни до чего ее не допускаетъ, ко всему придирается, ничего не дѣлаетъ, ничего не пріобрѣтаетъ въ домъ,—мало того, еще тащитъ изъ дому.

— Онъ—не въ своемъ разумѣ, говоритъ она.—Отдать, такъ не надолго. Все пропьетъ! А народъ нынче хищный. Тянутъ его руку. Извѣстно, за вино орутъ,—говоритъ она по адресу тѣхъ, чьи восклицанія, однако, единичныя, клонились въ пользу жалобщика.

Кѣмъ то возбуждается вопросъ, на что мать истратила сто рублей.

— Дочкѣ перетаскиваетъ!—замѣчаетъ одинъ изъ членовъ схода, защищавшій интересы Елкина.

— Я все могу разсказать,—выступаетъ Елкина.—У меня ничего не истрачено даромъ. Сами знаете,—въ эти семь лѣтъ похороны были, поминки справляла,—какъ слѣдуетъ сдѣлала по мужѣ—а тамъ, сына женила, дочку выдала... Даромъ мнѣ никто ничего не давалъ. Задолжала. Нужно было платить. А ему—что!

— Она хозяйка,—она и распоряжается!—раздается опять со стороны схода.

Слѣдуетъ еще нѣсколько такихъ же замѣчаній. Два-три голоса вновь высказываются въ пользу Елкина. Но разгорающіяся вновь пренія прекращаетъ волостной писарь, исполняющій на этотъ разъ обязанности сельскаго писаря.

— Это дѣло суда,—говоритъ онъ.—Къ суду обратитесь!

На этомъ сужденія по настоящему дѣлу и оканчиваются, безъ составленія особаго приговора.

Затѣмъ, безъ преній удовлетворяется прошеніе крестьянки Волковой о признаніи ея домохозяйкою, такъ

какъ сынъ Николай страдаетъ пятый годъ уже умопомѣшательствомъ безъ надежды на выздоровленіе.

Для характеристики положенія вещей въ настоящемъ отношеніи, необходимо замѣтить, что больной, считавшійся до сихъ поръ домохозяиномъ, никогда въ дѣйствительности имъ не былъ, такъ какъ въ настоящее время ему около двадцати пяти лѣтъ, а пока (до совершеннолѣтія) онъ былъ здоровъ, жилъ въ Петербургѣ, откуда пріѣхалъ въ деревню уже съ совершенно разстроившимися умственными способностями. Хозяйство и всѣ обязанности всецѣло и всегда лежали на матери,—которая, однако, полнотою правъ не пользовалась, какъ женщина.

Третье дѣло отчасти дополнило настоящую картину неопредѣленности частныхъ и общественныхъ отношеній въ крестьянской средѣ.

— Вотъ, господа, словесно доложилъ староста,— Дарья Плотникова желаетъ отдѣлиться отъ сына.

— Какъ же сходъ можетъ мать съ сыномъ дѣлить? замѣчаетъ одинъ изъ членовъ схода, Бесѣдкинъ, занимающійся дачею юридическихъ совѣтовъ.

— Кормильцы!—выступаетъ тутъ съ плачемъ сама Плотникова, оборванная, растрепанная старуха.—Житья мнѣ нѣту! Она, Матрена, поѣдомъ меня ѣстъ, дразнитъ, запираетъ все отъ меня, хлѣба не даетъ...

Рѣчь идетъ о невѣсткѣ, женѣ сына. Сходъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи,—видимо не зная, что ему тутъ дѣлать.

— Да кто у нихъ домохозяинъ то?—спрашиваетъ кто-то.

— Кто?—вѣстимо, сынъ,—объясняетъ другой крестьянинъ.

— Вотъ что,—разрѣшаетъ общее недоумѣніе Бесѣдкинъ, обращаясь къ Плотниковой:—Кормятъ тебя? Чайкомъ тоже поятъ? Чего же тебѣ еще? А будутъ ругаться,— жалуйся!

— Кормилецъ!—въ свою очередь, обращаясь уже прямо къ Бесѣдкину, говоритъ старуха,—и хлѣбъ то запираютъ.

Моей коровѣ и сѣна не даютъ. Поѣдомъ меня самое ѣдятъ...

Тутъ дѣлаетъ попытку вступиться за Плотникову другая старуха, Кузьмина,—любопытный типъ женщины-адвоката, созданный юридической безпомощностью деревни и путаницею крестьянскихъ отношеній. Но попытка Кузьминой прерывается въ тотъ самый моментъ, какъ только она раскрыла ротъ для защиты Плотниковой...

— Иванъ Павлычъ!—рѣзкимъ, недопускающимъ возраженій, обиженнымъ тономъ кричитъ старостъ Бесѣдкинъ, усматривающій, повидимому, конкуррента въ Кузьминой.— Что это? Что это за адвокатъ? Велите ее вывести!

И староста приказываетъ сторожу вывести Кузьмину. Между тѣмъ, Плотникова, сбитая съ толку, оказывается не въ состояніи поддержать свое ходатайство. Она молчитъ въ не меньшемъ недоумѣніи, чѣмъ сходъ,—и дѣло кончается ничѣмъ, замираетъ на сходѣ само собою.

Послѣднее дѣло было таково. Дороги, пролегающія по надѣльнымъ землямъ сельскаго общества, вслѣдствіе низменности и болотистости почвы, были очень плохи. Въ послѣднюю же крайне дождливую весну онѣ дали почувствовать особенно свою неисправность. Мѣстами вовсе не было ни проходу, ни проѣзду. Передвиженіе вообще совершалось по нимъ съ большимъ трудомъ. Вязли люди, лошади, возы. Приходилось не разъ всѣмъ міромъ вытаскивать несчастныхъ путниковъ даже ѣдущихъ порожнемъ. Въ одну изъ деревень, въ случаѣ пожара, нельзя было бы доставить огнегасительныя трубы отъ правленія, находящагося отъ нея всего въ двухъ верстахъ,— такъ бездорожица отрѣзывала эту деревню отъ внѣшняго міра. Собственными, личными силами, натуральнымъ способомъ, крестьяне были рѣшительно не въ состояніи привести дороги въ надлежащій видъ. Требовались капитальныя исправленія, осушеніе мѣстности, возведеніе мостковъ.

Все это весьма обстоятельно и было выяснено на одномъ изъ предшествующихъ сходовъ, и крестьяне рѣшили предпринять осушку мѣстности, путемъ проведенія

канавъ, и основательный ремонтъ дороги, съ помощью наемнаго труда, на счетъ имѣвшагося въ обществѣ капитала, образовавшагося отъ продажи выморочныхъ земельныхъ участковъ. Немедленно наняты были землекопы и плотники. Тотчасъ же и приступлено было къ неотложнымъ работамъ.

Настоящій сходъ долженъ былъ именно составить подробный планъ дальнѣйшихъ работъ и порядокъ и условія доставки матеріала. Это и было сдѣлано имъ, послѣ разрѣшенія описанныхъ дѣлъ, съ рѣдкою основательностью. Остальная большая половина схода производила особо благопріятное впечатлѣніе,—рѣдко получаемое отъ крестьянскихъ сходовъ.

Предпринятое дѣло, казалось, будетъ закончено безъ помѣхи и съ большимъ успѣхомъ.

Но этого не случилось...

VII.

Іюньскій день,—одинъ изъ тѣхъ, которые, по пословицѣ, „года кормятъ“. Жарко, солнечно, слегка вѣтренно. У многихъ подкошено сѣно, попавшее подъ дождь на цѣлыхъ два ненастныхъ дня, бывшихъ передъ тѣмъ. Нужно было-бы сушить его сегодня. Но вмѣсто того, крестьянамъ сельскаго общества, затѣявшаго исправленіе дорогъ, приходится итти на сходъ, созываемый по требованію земскаго начальника и имѣющій происходить въ личномъ его присутствіи. Зачѣмъ, по какому случаю? Объ этомъ большая часть недоумѣвающихъ домохозяевъ узнаетъ въ правленіи,—объ этомъ теперь и рѣчь среди собравшихся и сидящихъ въ корридорѣ, на крыльцѣ и въ помѣщеніи правленія.

— Вотъ, земскій потребовалъ въ такую то пору, когда у другого, можетъ, десять возовъ сѣна въ мокрыхъ кучахъ лежатъ да такой погоды дожидаются,—ропщутъ прибывающіе.—Слышно, не хочетъ давать денегъ на осушку и исправленіе дорогъ. Зачѣмъ-де не спросили

его?! А почемъ мы знаемъ, что нужно спрашивать?! Со старосты бы и взыскивалъ!

Сходъ созывался къ десяти часамъ. Но несмотря на строгій „приказъ“ о явкѣ, члены его собирались съ необычайною медленностью. Только къ двѣнадцати часамъ оказалось въ сборѣ наименьшее число домохозяевъ, признанное достаточнымъ для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ. Между тѣмъ, земскаго начальника все не было. Это усиливало нетерпѣніе собравшихся. Прошелъ еще часъ. Неудовольствіе стало выражаться громче и громче. Казалось, что земскій начальникъ и не пріѣдетъ. Многіе выражали желаніе уйти. Но староста настаивалъ на томъ, чтобы подождать хоть до двухъ часовъ.

— Все равно, говорилъ онъ,—день потерянъ.

Вниманіе лицъ, наблюдавшихъ за дорогою, которая открывалась передъ окнами волостного правленія и по которой долженъ былъ пріѣхать земскій начальникъ, стало притупляться, и около двухъ часовъ онъ подъѣхалъ почти незамѣтно, неожиданно, такъ какъ притомъ подъѣхалъ не въ собственномъ экипажѣ, не на своей тройкѣ, а въ корзинкѣ, на одной лошади, управляемой какою то женщиною. Старосты и судьи со старшиною, выбѣжавшіе стремглавъ, не успѣли и встрѣтить его у подъѣзда, и только проводили въ отводимое ему помѣщеніе (квартиру волостного писаря, который въ такихъ случаяхъ куда то выбирался съ семьей). Старшина остался съ нимъ,—прочія должностныя лица тотчасъ вернулись въ залу.

— Должно быть, судить будетъ,—у нея дѣло,—послышались среди присутствующихъ замѣчанія о женщинѣ, съ которой пріѣхалъ земскій начальникъ.

Но оказалось, что онъ пріѣхалъ съ нею по случаю поломки въ дорогѣ собственнаго экипажа. Случай былъ кстати,—хотя поломка произошла не на тѣхъ дорогахъ, которыя исправлялись капитально.

Волостной старшина, вскорѣ вернувшись въ залу и объяснивъ одному изъ старостъ, что у экипажа земскаго

начальника сломалась ось и что для исправленія ея нужно будетъ доставить экипажъ въ кузницу въ Соснино (находившееся верстахъ въ пяти отъ Коровина), предложилъ ему немедленно достать для этого у кого нибудь лошадь. Староста, однако, отозвался, что здѣсь, въ Коровинѣ, онъ не могъ бы ни у кого достать лошадь и что лучше всего это можетъ исполнить сотскій. Тогда Ивановъ отрядилъ сотскаго добывать лошадь для отправки въ кузницу экипажа земскаго начальника. Черезъ нѣсколько времени подъѣхала и тройка земскаго начальника, волоча поломанный тарантасъ.

Между тѣмъ, старостѣ разрѣшено было открыть сходъ и разрѣшить другіе дѣла, если есть, — кромѣ того дѣла, для котораго нарочно пріѣхалъ земскій начальникъ. Одно дѣло, кромѣ этого, и оказалось.

По открытіи схода, читается прошеніе дряхлой, тутъ же выступающей старушки Веревкиной о томъ, что въ свое время она, съ разрѣшенія общества, продала внуку домъ съ надѣломъ земли за семьдесятъ рублей, но онъ заплатилъ пока пятнадцать рублей и больше не платитъ; поэтому, она проситъ землю и домъ отъ него отобрать.

Внукъ-покупщикъ отговаривается передъ сходомъ сначала неимѣніемъ денегъ. Но затѣмъ онъ соглашается дать сейчасъ три рубля и въ „Петровъ день“ (29 іюня) — черезъ нѣсколько дней — еще восемь рублей. Старухѣ, однако, этого мало. Если онъ будетъ такъ неаккуратенъ, то—заявляетъ она—„умру и не буду имѣть чѣмъ похорониться“... Покупщика усовѣщиваютъ. Тѣмъ временемъ на сходъ является начальникъ.

— Ну, кончайте, что-ли!—нетерпѣливо предлагаетъ онъ, усѣвшись на столъ и закуривая папироску.

Но первое дѣло прикончить такъ скоро нельзя. Возникаютъ споры, попреки. Старуха начинаетъ плакать. Пренія становятся, не въ мѣру обстоятельствъ, громкими.

— Тише, тише!— не орите такъ!—окрикиваетъ сходъ земскій начальникъ.

Окрикъ этотъ раздается еще нѣсколько разъ.

Въ концѣ концовъ, сходъ устраиваетъ соглашеніе на томъ, что покупщикъ заплатитъ своей бабкѣ теперь же четыре рубля, въ „Петровъ день“—десять рублей и къ Рождеству—тоже десять рублей.

Земскій начальникъ вновь торопитъ сходъ, желая поскорѣй перейти къ слѣдующему—главному дѣлу.

— Но какъ же, батюшки?—задерживаетъ движеніе дѣла старуха:—вѣдь, мнѣ то самой пріѣзжать къ нему за деньгами будетъ утруднительно?

— Самъ привезетъ,—успокаиваетъ ее кто то.

— Да, привезетъ,—дожидайся!—возражаютъ другіе.

Рѣшено, чтобы деньги доставлялись покупщикомъ въ волостное правленіе. Затѣмъ читается и приговоръ съ изложеніемъ приведенныхъ условій и съ присоединеніемъ писаремъ отъ себя словъ: „а остальное платить по силѣ возможности“...

Земскій начальникъ обнаруживаетъ вновь нетерпѣливое желаніе перейти къ своему дѣлу...

— Нѣтъ, господа, нужно обусловить,—поднимаетъ, однако, въ это время одинъ изъ членовъ схода вопросъ по поводу послѣднихъ прибавленныхъ писаремъ отъ себя словъ приговора.

— Этакъ онъ ей будетъ по рублю въ годъ уплачивать!—поддерживаетъ его другой членъ схода.

Тогда уже окончательно установляется, что внукъ-покупщикъ долженъ уплачивать своей бабкѣ остальную сумму съ будущаго года по три рубля въ мѣсяцъ.

Дѣло окончено. Приговоръ прочитанъ. Подписываться онъ будетъ послѣ. Теперь можно приступить ко второму дѣлу.

Воцаряется нѣсколько неловкое молчаніе.

— А вы тутъ канавы роете!—прерываетъ его земскій начальникъ, съ сердитою насмѣшкою.—Зря все это!

— Какъ зря, ваше высокоблагородіе?—возражаютъ ему разомъ нѣсколько лицъ.—Да проѣхать-пройти было невозможно!

— Такъ и исправляли бы своими руками!

— Гдѣ тутъ было!

— Не исправишь!

— Исправляли же прежде,—говоритъ земскій начальникъ въ отвѣтъ на возраженія.

— Такъ что это было за исправленіе!

— Одинъ разъ нужно было это сдѣлать, какъ слѣдуетъ.

— Такъ сложились бы, въ шапку бы набрали денегъ!—предлагаетъ опять земскій начальникъ.

— Да не наберешь и тридцати рублей!

— Годъ тяжелый!

— И такъ много разныхъ платежей!

Въ этомъ смыслѣ сдѣлано было еще нѣсколько замѣчаній. Крестьяне доказывали, что иначе поступить было имъ нельзя.

— А я мірского капитала не дамъ ни копѣйки! рѣшительно прекращаетъ споръ свой съ сельскимъ сходомъ земскій начальникъ.

— Ваше высокоблагородіе!—нѣсколько молящимъ тономъ упрашиваютъ его нѣкоторые члены схода.

— Не дамъ!—упрямо повторяетъ земскій начальникъ.

— Нѣтъ ужъ, ваше высокоблагородіе, не откажите! продолжаютъ умолять его.

— А когда тратятъ мірской капиталъ, такъ спрашиваютъ земскаго начальника,—съ упрекомъ, но уже нѣсколько смягчаясь, въ виду униженныхъ просьбъ, замѣчаетъ земскій начальникъ.

— Въ этомъ мы виноваты, ваше высокоблагородіе! сознаются теперь нѣкоторые члены схода въ той винѣ, которую возлагали раньше на старосту.

— Простите ужъ насъ!—умоляютъ даже другіе.

— На что же мы и капиталъ этотъ копили? Въ другихъ обществахъ его нѣтъ, а доходная статья одна. И мы могли бы получать земельныя деньги и тратить ихъ такъ, чтобы вы и не знали,—дѣлаются еще замѣчанія со стороны болѣе независимой части схода.

— Ну, этого теперь нельзя!—самоувѣренно возражаетъ земскій начальникъ.

— Въ другихъ обществахъ дѣлается!—не менѣе увѣренно возражаютъ ему.

— Да и какъ было не исправлять дороги!? Вотъ вы теперь и по порядочной дорогѣ ѣхали, да тарантасъ сломали, а по нашей бы поѣхали, такъ и лошадей бы утопили,—продолжаютъ убѣждать земскаго начальника нѣкоторые члены схода.

— Своими бы силами и исправляли!—настаиваетъ онъ, однако.

— Да теперь самимъ исправлять все равно, что воду въ ступѣ толочь,—довольно смѣло заявляетъ кто то и конфузится передъ сердитымъ взглядомъ земскаго начальника.

На сходѣ присутствуетъ подрядчикъ-землекопъ, и нѣкоторые члены обращаютъ вниманіе земскаго начальника на его положеніе и на положеніе его рабочихъ,—пришлаго люда.

— Подрядчику нужно разсчитывать рабочихъ!

— У иного рабочаго дома то голодомъ сидятъ теперь. Онъ требуетъ съ подрядчика часть жалованья впередъ, чтобы послать домой. Съ тѣмъ и нанимается.

— Подрядчикъ предъявитъ искъ. Станетъ тратиться понапрасну. Мы окажемся вродѣ какъ бы несостоятельными, не станемъ платить рабочему человѣку... Стыдно будетъ!—приводятъ нѣкоторые члены схода новые доклады.

— Капиталъ есть, а платить не будемъ,—поддерживаютъ ихъ другіе.—Что же это будетъ?!

Но земскій начальникъ упрямо стоитъ на своемъ.

— Наберите въ шапку!—предлагаетъ онъ.

— Ничего не наберешь!—вновь говорятъ ему.

Въ концѣ концовъ, земскій начальникъ склонился, однако, на неотступныя просьбы и согласился на то, чтобы часть капитала была взята изъ банка и уплачена подрядчику за выполненныя имъ работы, но съ тѣмъ,

чтобы капиталъ былъ пополненъ путемъ увеличенія раскладки мірскихъ сборовъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Сходъ съ крайнею неохотою принялъ послѣднее условіе, подчинившись, больше тому, что время было позднее и всѣ чувствовали большое утомленіе послѣ цѣлодневнаго безплоднаго дежурства въ правленіи. Продолжать умолять земскаго начальника и препираться съ нимъ ни у кого не оказалось охоты. Неудовольствіе, возбужденное оборотомъ дѣла, выражалось только въ ворчаньи среди членовъ схода, пока подписывался ими наскоро составленный приговоръ.

— За свой-то капиталъ, да и кланяйся!—Лучше его порѣшить!—Ждать, что ли, пока украдутъ!?—Земскій начальникъ долженъ былъ бы благодарить, а онъ!—Да и можетъ ли онъ не дать капиталъ то, коли нужно?—Его онъ, что ли, капиталъ то?!

Крестьяне явно сомнѣвались въ правильности дѣйствій земскаго начальника. Но они не знали точно, что въ виду ст. 36 пол. о зем. нач., приговоръ схода по настоящему дѣлу, предполагающій затрату мірского капитала, могъ быть, въ случаѣ несогласія земскаго начальника на содержавшіяся въ немъ распоряженія общества, лишь представленъ имъ съ своимъ заключеніемъ на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда; что съѣздъ могъ отмѣнить подобный приговоръ, согласившись съ земскимъ начальникомъ, хотя въ данномъ случаѣ это едва ли могло бы случиться, такъ какъ земскому начальнику было бы нечѣмъ подкрѣпить свое отрицательное заключеніе; но что самъ земскій начальникъ „не давать ни копѣйки“ мірского капитала на тотъ или другой предметъ—не могъ.

VIII.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ послѣ описаннаго схода. Послѣ лѣтней рабочей поры и затишья въ общественныхъ дѣлахъ, наступила осень. Я пришелъ въ Коровино, услыхавъ о предстоящемъ сельскомъ сходѣ и

не догадываясь даже, какой большой интересъ будетъ онъ представлять. Въ корридорахъ правленія уже собрались въ значительномъ числѣ крестьяне новинскаго сельскаго общества. Не трудно было сразу же замѣтить среди нихъ нѣкоторое необычное возбужденіе.

— О чемъ сегодня?—спросилъ прибывшій одновременно со мною крестьянинъ встрѣтившагося Каменева, о которомъ, какъ о мѣстномъ адвокатѣ, была уже рѣчь выше.

— А насчетъ канализаціи,—отвѣчалъ онъ.—Земскій начальникъ все препятствуетъ. Прослышалъ, что это я предложилъ. Ну, и на дыбы. Изорвалъ тогда одинъ приговоръ совсѣмъ, въ клочки... [1]) „Не дамъ—говоритъ—денегъ. Въ шапку собирайте!“ А чего соберешь въ шапку?! „Сами поправляйте!“ Да какъ мы поправимъ? Надолго ли это будетъ? Сколько будетъ стоить намъ это переливаніе изъ пустого въ порожнее? „Не дамъ ни копѣйки!“—говоритъ—да и только. Тогда и на сходѣ такъ заявилъ. Настоялъ, чтобы въ раскладку былъ внесенъ расходъ. Но на что же капиталъ то? На какіе предметы можно его употреблять? Хоть бы разъяснилъ! Знали бы, по крайней мѣрѣ. Хотимъ, вотъ, приговоромъ просить разъясненія у губернатора. Поднимемъ объ этомъ сегодня вопросъ. Да предсѣдательствовать то на нашемъ сельскомъ сходѣ приказалъ старшинѣ. „Староста—говоритъ—не годится,—слабъ“. А старшина подзуживаетъ. Потому, мы его не пригласили тутъ распоряжаться. Онъ же любитъ во все совать носъ. Вотъ такъ то у насъ сегодня сельскій староста на сходѣ будетъ ни причемъ.

Сходъ открытъ былъ, однако, старостой и засѣдалъ подъ его предсѣдательствомъ, пока происходилъ выборъ десятскихъ. Когда же очередь дошла до этого дѣла, староста оставилъ свое мѣсто и отошелъ въ сторону.

---

[1]) Такого рода случаи могутъ происходить тѣмъ легче, что приговоры сходовъ пишутся не прямо въ извѣстную книгу, особо установленную для этого закономъ, а на отдѣльныхъ листахъ, которые легко уничтожать.

Подготовленное къ щекотливому вопросу, собраніе особенно внимательно. Тишина... Ивановъ вынимаетъ свой знакъ и садится за столъ на мѣсто старосты. Видимо, онъ смущенъ самъ своей ролью и не безъ замѣшательства объявляетъ о дѣлѣ, предстоящемъ теперь сходу, ни однимъ словомъ не поясняя, почему именно онъ выступаетъ предсѣдателемъ на сельскомъ сходѣ:

— Вотъ, въ прошлый разъ постановили, значитъ, вынуть изъ банка двѣсти рублей для уплаты землекопу, но не указали, кому это поручаете...

Это и былъ, какъ оказалось, внѣшній случайный поводъ, предоставившій новинскому сельскому сходу возможность вновь поговорить объ исправленіи дорогъ. Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ и еще раньше, чѣмъ кто либо успѣлъ раскрыть ротъ, писарь прочиталъ уже готовый приговоръ: „Бывъ сего числа на сельскомъ сходѣ, подъ предсѣдательствомъ нашего волостного старшины Иванова, по личному словесному приказанію господина земскаго начальника, имѣли сужденіе по дѣлу о покрытіи расхода на приведеніе дорогъ въ надлежащій видъ и постановили: просить нашего уважаемаго земскаго начальника разрѣшить намъ: 1) вынуть изъ банка хранящійся тамъ выигрышный билетъ государственнаго земельнаго дворянскаго банка въ двѣсти руб.; 2) поручить это волостному старшинѣ; 3) уплатить слѣдуемое землекопу, 4) внести эту сумму въ раскладку и пополнить капиталъ въ теченіе двухъ лѣтъ, — въ чемъ и подписуемся“...

Но когда былъ прочитанъ этотъ приговоръ, со всѣхъ сторонъ раздались дружныя восклицанія, направленныя, однако, не противъ того, что былъ прочитанъ готовый приговоръ—въ крестьянской общественной жизни это явленіе обыкновенное—а главнымъ, образомъ, противъ послѣдняго пункта:

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы не хотимъ въ раскладку! Какая раскладка! И такъ она велика! Невозможно нынче, —

годъ тяжелый! На что же и капиталъ! Изъ капитала,— безъ раскладки!

— Ишь ты,—ужъ и приговоръ готовъ для... нашего уважаемаго... - сдѣлано было, все-таки, и по этому поводу два-три замѣчанія.

Послѣ того какъ волненіе нѣсколько улеглось, Ивановъ обратился съ выговоромъ къ писарю, видимо еще болѣе смущенный и его неловкостью, и дружнымъ отпоромъ со стороны схода:

— Что же ты! Развѣ можно! Когда же такъ дѣлается? Ты долженъ написать сначала одно предложеніе, а постановленіе послѣ... послѣ обсужденія...

Между тѣмъ, со стороны схода сдѣлано было еще нѣсколько однообразныхъ замѣчаній:

— Что такое?! Свой капиталъ, и не смѣй трогать его! Что за причина! Младенцы мы, что ли?!

Но тутъ Ивановъ, нѣсколько оправившись, вступилъ въ свою роль представителя воли земскаго начальника и далъ своеобразное объясненіе:

— Вотъ что, господа, началъ онъ.—Можетъ, ему нельзя... съ формальной стороны... Онъ для вашей же пользы. Онъ знаетъ, что, значитъ, нельзя. Вотъ, если бы вы вздумали пріобрѣсти что нибудь такое, что давало бы доходъ. Это было бы другое дѣло! Слова не скажетъ, —дастъ денегъ. Вонъ, овсяниковскіе постановили купить надѣлъ земли,— и разрѣшилъ, безъ разговору разрѣшилъ. И вамъ разрѣшитъ. А на это, значитъ, нельзя... съ формальной стороны...

Сходъ, однако, не удовольствовался этимъ объясненіемъ. Вновь раздалось со всѣхъ сторонъ:

— Если нельзя, такъ пусть укажетъ законъ!—Нельзя по закону, такъ и не нужно. Знать будемъ. Пусть разъяснитъ.— Мы закону подчинимся!— Да нѣшто можетъ быть такой законъ, чтобъ на это дѣло нельзя было затратить общественный капиталъ?!

— Просить, чтобы разрѣшилъ затратить деньги безъ раскладки, — а не разрѣшитъ, такъ уполномочить кого

нибудь обратиться къ губернатору за разъясненіемъ, на что же могутъ быть употребляемы мірскіе капиталы, предлагаетъ Каменевъ.

— Да, да! — очень дружно поддерживаетъ сходъ это предложеніе.

— Такъ нельзя,—вродѣ какъ бы угрозы будетъ, возражаетъ Ивановъ.

— Что за угроза! Мы просимъ. Нужно же знать! — А то на дороги—и нельзя! —Избави Богъ, поѣхалъ бы губернаторъ! — Въ другое время тутъ и лошадей погубишь, и самъ пропадешь! — Что же не спросить губернатора? Не отдадутъ въ солдаты! Нынче по очереди,— иронизируетъ кто то. — Этакъ мы захотѣли бы купить вѣялку, молотилку... Тоже нельзя? Сѣмянъ бы хорошихъ захотѣли пріобрѣсти замѣсто гамазейнаго сору... Тоже и это нельзя? — Нужно же знать, на что намъ можно тратить свои деньги!

Тутъ Ивановъ вновь попытался отстоять желанія земскаго начальника и сдѣлалъ это такъ:

— Онъ для васъ же, господа. Должно быть, не можетъ... съ формальной стороны... Нельзя же истратить капиталъ и не возвратить. Раскладка—самое лучшее. Капиталъ будетъ цѣлъ. А если тяжело такъ, вѣдь, онъ, можетъ быть, думаетъ, что вы сдѣлаете такъ: въ раскладку помѣстили, а не собрали. Нужно бы собрать, —а не собрали. Нѣтъ и нѣтъ... Такъ и пройдетъ. Или, тамъ, землю продадите и покроете израсходованную сумму. Вотъ-те и раскладка!

Но сходъ рѣшительно отказался отъ предлагавшейся ему комедіи.

— Не желаемъ раскладки! раздались многочисленные голоса.

— Просить земскаго начальника, чтобы разрѣшилъ безъ раскладки, а не разрѣшитъ, то уполномочить кого либо на представленіе дѣла губернатору для разъясненія, формирулируетъ Каменевъ вновь свое скромное предложеніе.

И сходъ опять съ большимъ единодушіемъ принимаетъ это предложеніе. Каменевъ намѣчается и въ качествѣ уполномоченнаго. Тѣмъ не менѣе, читаемый затѣмъ приговоръ оказывается составленнымъ въ слѣдующемъ видѣ: „Бывъ сего числа на сельскомъ сходѣ, подъ предсѣдательствомъ волостного старшины Иванова, по словесному приказанію господина земскаго начальника, слушали предложеніе волостного старшины, который предлагалъ: 1) вынуть изъ банка выигрышный билетъ государственнаго земельнаго дворянскаго банка въ 200 р.; 2) поручить это волостному старшинѣ, 3) уплатить слѣдуемое землекопу за произведенныя работы; 4) просить нашего уважаемаго земскаго начальника — разрѣшить намъ не вносить въ раскладку упомянутую сумму и капиталъ не пополнять".

Никто не сталъ протестовать противъ извращенія постановленія, сдѣланнаго сходомъ. „Оппозиціонный духъ", хотя онъ и охватилъ весь сходъ,—оказался уже окончательно истощеннымъ. Всѣ начали подписывать приговоръ въ настоящемъ видѣ, и онъ вышелъ, по обыкновенію, единогласнымъ.

Но зато Каменевъ скоро подвергся въ административномъ порядкѣ карѣ, обыкновенно постигающей такъ называемыхъ „крикуновъ".

По подписаніи приговора, сходъ быстро разошелся. Но настоящее дѣло этимъ не кончилось. Собственно дальнѣйшія работы по осушкѣ земли и ремонту дорогъ были прекращены. Планъ работъ, составленный на предшествующемъ сходѣ, выполненъ не былъ. Но—случайность помогла вновь возникнуть вопросу о способахъ и о порядкѣ покрытія расхода, произведеннаго уже на выполненныя работы. Новинскому сельскому обществу пришлось еще разъ категорически высказать свое неудовольствіе по поводу крайне неохотно, почти противъ воли, принятаго условія о пополненіи затраченной на дѣло части мірского капитала путемъ раскладки втеченіе двухъ лѣтъ,—условія тяжелаго, по свойству того поло-

женія, въ которомъ находились крестьяне, такъ какъ въ одинъ изъ предшествующихъ годовъ былъ неурожай озимаго хлѣба, а въ другой годъ яровой хлѣбъ былъ побитъ градомъ.

Подошли новые выборы въ члены волостного схода; Каменевъ былъ назначенъ опять представителемъ отъ своей деревни, но... на слѣдующемъ же сходѣ избирателямъ было объявлено, что уѣздный съѣздъ, въ административномъ присутствіи, согласно съ заключеніемъ земскаго начальника. отмѣнилъ ту часть приговора общества, которая касалась назначенія Каменева выборнымъ...

Крестьяне „съ голосомъ", окрещенные въ „крикуновъ" (такъ какъ и нельзя на нынѣшнихъ сходахъ иначе какъ крикомъ подавать голосъ), — нерѣдко лишаются въ настоящее время, какъ Каменевъ, въ административномъ порядкѣ, своихъ особенныхъ правъ состоянія,—правъ на участіе въ общественномъ самоуправленіи. И для нынѣшняго времени это еще прогрессъ! Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, противъ того же Каменева было пущено прежнимъ „Ивановымъ", болѣе сильное средство,—политическій доносъ, вызвавшій пріѣздъ въ волость жандармской и прокурорской властей и арестъ представителя крестьянскаго самоуправленія, пожелавшаго стоять за общественные интересы... Все кончилось тогда, правда, благополучно. Каменевъ немедленно указалъ на источникъ доноса,—на рядъ жалобъ, поданныхъ имъ въ мѣстныя крестьянскія учрежденія, и былъ освобожденъ безъ всякихъ послѣдствій. Крупная непріятность была, всетаки, ему причинена. Любопытно, что доносчика постигъ ударъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ получилъ извѣстіе объ освобожденіи Каменева. Такъ былъ онъ пораженъ тѣмъ, что не удалось погубить врага! Онъ думалъ, что тотъ разомъ и навсегда будетъ отправленъ далеко-далеко въ „смолевой кибиткѣ".

IX

Такъ или иначе, крестьяне новинскаго сельскаго общества, какъ видно, проявили, все-же, нѣкоторую смѣлость, обнаруживъ въ дѣлѣ исправленія дорогъ стремленіе обратиться къ губернатору за разъясненіемъ,— стремленіе, выражавшее, несомнѣнно, желаніе принести жалобу, отстоять свои права и интересы.

Проявленная новинскимъ сельскимъ сходомъ, хотя и ничтожная степень смѣлости и самостоятельности— представляется въ особенности непонятною и неожиданною при сопоставленіи съ тѣмъ, что почти тѣ же самыя лица, которыя такъ явно становились сейчасъ въ упомянутомъ дѣлѣ „въ оппозицію“ къ земскому начальнику, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не осмѣливались составить „оппозицію“ и волостному старшинѣ и испросить у земскаго начальника объясненіе того, что на сходъ для учета старшины собраны имъ старые, а не новые выборные... Въ чемъ же дѣло? Въ томъ ли только, что крестьяне были особенно возмущены, встрѣтивъ со стороны земскаго начальника описанный пріемъ въ своихъ начинаніяхъ, казавшихся имъ безспорно хорошими и заслуживавшими вниманія? Нѣтъ, не въ этомъ только заключается объясненіе столь страннаго явленія. Причина— та, что незадолго до описаннаго „оппозиціоннаго“, схода, скончался здѣсь губернаторъ, предоставлявшій особо широкій просторъ для дѣятельности земскимъ начальникамъ, предписавшій имъ въ первомъ же циркулярѣ говорить крестьянамъ не иначе какъ „ты“ и, при открытіи дѣйствій новыхъ административныхъ установленій, объявлявшій населенію, указывая на земскихъ начальниковъ: „Вотъ ваши новые начальники, на мѣсто всѣхъ прежнихъ! Слушаться ихъ! Какъ они рѣшатъ, такъ тому и быть. Жаловаться на нихъ—некуда, некому, незачѣмъ“... [1])

[1]) Признакомъ того, насколько дорожилъ, напримѣръ, мѣстный земскій начальникъ памятью покойнаго губернатора, служатъ предписанія, разосланныя имъ по волостнымъ правленіямъ

Вскорѣ же послѣ смерти этого губернатора, на его мѣсто назначенъ былъ новый губернаторъ,—и одновременно съ прибытіемъ послѣдняго, возникъ слухъ, что онъ, съ своей стороны, предполагаетъ подвергнуть строгой ревизіи дѣятельность земскихъ начальниковъ и, между прочимъ, объѣхать „всѣ волости лично“. Откуда возникъ подобный слухъ? Дѣйствительно ли новый губернаторъ высказывалъ кому либо подобныя предположенія? Совершенно неизвѣстно. Такъ или иначе, но слухъ быстро и широко распространился по губерніи и принятъ былъ съ непоколебимою увѣренностью въ его достовѣрности. Очевидно, слухъ этотъ попалъ на хорошую, воспріимчивую почву,—на почву твердаго и яснаго сознанія населеніемъ того, что положеніе дѣлъ настоятельно требуетъ непосредственнаго и живого вниманія власти...

Отсюда то именно проистекаетъ, главнымъ образомъ, и смѣлость, проявленная крестьянами новинскаго сельскаго общества. Отсюда же, кстати сказать, и большое число жалобъ, направляющихся непосредственно къ новому губернатору, и значительное число попытокъ къ личнымъ объясненіямъ съ нимъ со стороны крестьянъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе серьезныя дѣла. Крестьяне стали разсчитывать и на вниманіе, и на безпристрастіе, и на защиту со стороны той высшей въ губерніи правительственной власти, которая и учреждена для этого закономъ. Въ сознаніи населенія сохранилось представленіе о томъ, что законъ еще существуетъ, что онъ не отмѣненъ цѣликомъ для крестьянъ, что земскій начальникъ не можетъ говорить теперь всѣмъ крестьянамъ такъ, какъ говорилъ прежде „баринъ“ своимъ крестьянамъ: „я—для васъ законъ!“; что пословица—„для мужиковъ законъ не писанъ“—не возстановлена вовсе юридически;

участка—служить панихиды по скончавшемся на мірской счетъ; на гробъ же его предписано было нѣсколькимъ волостнымъ старшинамъ возложить вѣнокъ, образовавъ изъ себя особую депутацію; панихиды предписано было совершать на мірской счетъ и въ годовщину смерти губернатора. Распоряженіе этого рода не было единично -

что земскій начальникъ, являясь въ значительной степени властью сословною и дискреціонною, не совсѣмъ еще выдѣленъ изъ ряда другихъ носителей правительственной власти въ губерніи и далеко еще не вполнѣ освобожденъ отъ подчиненія закону, суду и начальству. Существовавшее положеніе вещей признавалось временнымъ, случайнымъ, не имѣвшимъ опоры въ законѣ и не только не могущимъ, но—какъ державшееся уже нѣсколько лѣтъ, слишкомъ долго — и долженствующимъ измѣниться съ простою перемѣною въ составѣ высшаго управленія губерніей...

А какими способами усыплялось вниманіе покойнаго губернатора и давалось понять крестьянамъ, какъ былъ онъ далекъ отъ нихъ и какъ, наоборотъ, близокъ къ земскимъ начальникамъ,—показываетъ слѣдующее „дѣло“, которымъ незадолго до послѣднихъ описанныхъ событій пришлось „заниматься“ одному изъ волостныхъ сходовъ губерніи. Въ дѣлѣ этомъ, кстати, наблюдается любопытное соединеніе—и губернаторомъ, и земскимъ начальникомъ, и представителями крестьянскаго самоуправленія—интересовъ и отношеній чисто-частнаго вотчиннаго управленія съ интересами, отношеніями и дѣятельностью крестьянскаго самоуправленія,—примѣненіе начала всесословности... не въ томъ только смыслѣ и не для того, какъ желательно и необходимо широкое развитіе этого начала.

Волостной сходъ въ селѣ, составляющемъ средоточіе и общественнаго управленія волостью, и частнаго, вотчиннаго управленія обширнымъ помѣщичьимъ имѣньемъ. Сходъ—немногочисленъ. Среди членовъ—тишина и внѣшній порядокъ. Видно, что здѣсь особо горячихъ преній не полагается. Противъ волостного правленія, черезъ улицу, находится квартира земскаго начальника,—особый домъ, построенный вотчиннымъ управленіемъ имѣнія. Сооруженіе это каждый выборный необходимо созерцаетъ изъ оконъ волостного правленія. Архитектура его, должно быть, тяжеловѣсна—и видимо давитъ пред-

ставителей „самоуправляющагося“ населенія. Самъ земскій начальникъ всегда присутствуетъ здѣсь при разрѣшеніи сходами общественныхъ дѣлъ и пріучилъ представителей самооуправленія къ должному „порядку“ и сознанію „предѣловъ“ своей самостоятельности... На сей разъ его нѣтъ. Все идетъ, однако, и такъ очень гладко, какъ по-писанному. Одно за другимъ, безъ преній, принимаются сходомъ дѣлаемыя предложенія. Наконецъ, очередь доходитъ до своеобразнаго „дѣла“... Волостной старшина читаетъ письмо губернатора къ земскому начальнику,—письмо короткое, правда, но выразительное: „Милостивый государь, Сидоръ Карповичъ! Сердечно благодарю васъ, сельское и волостное управленіе—ской волости, а равно вотчинное управленіе—скимъ имѣніемъ за выраженныя мнѣ добрыя чувства по поводу полученія мною монаршей милости... Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью губернаторъ N“.

Сходъ выслушалъ это письмо съ должнымъ „благоговѣніемъ“... Вслѣдъ же за этимъ былъ прочитанъ и подписанъ... какъ принятый единогласно... заранѣе составленный приговоръ: ...„выразить нашему уважаемому земскому начальнику глубочайшую признательность за его заботливость о своевременномъ поздравленіи его превосходительства господина начальника губерніи съ монаршею милостью“...

Какъ видно, недоставало только выраженія здѣсь благодарности со стороны вотчиннаго управленія помѣщичьимъ имѣніемъ... хотя бы и безъ уполномочія со стороны владѣльца...

X.

Представленныя картины общественной жизни въ деревнѣ—правдивы и взяты притомъ не изъ самой тяжелой дѣйствительности. Онѣ взяты изъ губерніи съ сравнительно развитымъ крестьянскимъ населеніемъ, среди котораго и произволъ не можетъ проявляться такъ сво-

бодно, какъ проявляется онъ въ „медвѣжьихъ углахъ". Здѣсь произволъ нѣсколько сдерживается. Оттого и извѣстныя описываемыя стороны мѣстной крестьянской общественной жизни не такъ еще ярки, вопіющи, какими онѣ, несомнѣнно, представляются въ другихъ мѣстахъ—съ населеніемъ, въ которомъ слабѣе развито правосознаніе... Тѣмъ печальнѣе размышленія, на которыя должны наводить эти картины,—размышленія, необходимо направляющіяся къ общему юридическому положенію крестьянъ, ко всѣмъ крайне неблагопріятнымъ условіямъ ихъ правового состоянія и къ необезпеченности ихъ самоуправленія со стороны всяческаго вмѣшательства...

Съ точки зрѣнія нынѣшняго юридическаго положенія крестьянъ, какъ оно выражено въ законѣ, совершенно ясно, почему картины крестьянской общественной жизни таковы даже въ губерніи съ сравнительно развитымъ крестьянскимъ населеніемъ и среди притомъ разряда крестьянъ, болѣе или менѣе продолжительное время пользующагося личною свободою,—почему картины эти и не могутъ быть иными.. [1]) Ясно также, что дѣло не можетъ такъ продолжаться, и что должны быть предприняты необходимыя общія мѣры къ его исправленію: широкое развитіе народнаго образованія и просвѣщенія; точное опредѣленіе закономъ юридическаго положенія крестьянъ на началахъ равенства съ лицами прочихъ сословій; поднятіе уровня самоуправляющагося сельскаго населенія, путемъ введенія въ составъ сходовъ и ихъ исполнительныхъ органовъ лицъ всѣхъ сословій; особое обезпеченіе самостоятельности сельскаго и волостного самоуправленія, путемъ подчиненія строгимъ предѣламъ закона властей, осуществляющихъ право надзора за нимъ,—и, вообще, водвореніе и обезпеченіе законности. Въ XX столѣтіи такія пожеланія, кажется, особенно умѣстны и отнюдь не преждевременны.

---

[1]) См.: моя книга „Юридическое положеніе крестьянъ". Спб. 1897 г.

Поземельныя права бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ *).

I.

...Случилось узнать, что въ одинъ изъ первыхъ іюльскихъ дней созываются три схода коровинской волости, для выясненія интереснѣйшаго вопроса среди мѣстныхъ крестьянъ,—вопроса о формѣ существующаго среди нихъ землевладѣнія, объ объемѣ правъ ихъ на землю... Я, естественно, пошелъ...

— Собрались?—спрашиваю перваго встрѣтившагося крестьянина.

— Собрались,—говоритъ онъ.—Да земскій-то угналъ къ старшинѣ. Ивановъ послалъ за своей лошадью,— и уѣхали...

Дѣйствительно, народу въ волостномъ правленіи было уже довольно много. Часы показывали къ тому-же одиннадцать,—а члены схода созывались къ девяти.

Прибывшіе размѣстились на крыльцѣ, въ корридорѣ, въ комнатахъ правленія.

Особо горячихъ толковъ среди нихъ не слышно. Обычное равнодушіе. Да не всѣмъ и извѣстно, что рѣчь будетъ идти о землѣ.

— Говорятъ о землѣ-то отложили,—замѣчаетъ одинъ изъ собравшихся крестьянъ.

---

*) Докладъ, читанный въ гражданскомъ отдѣленіи Спб. Юридическаго Общества 26 марта 1898 г

Заявленіе это не производитъ на присутствующихъ большого впечатлѣнія: они какъ бы предчувствуютъ, что разрѣшеніе занимавшаго ихъ вопроса будетъ принадлежать начальству...

Два старика предаются воспоминаніямъ. Повидимому, они—товарищи, сверстники. Однако, по вопросу, относящемуся къ предстоящему дѣлу, обнаруживается между ними нѣкоторая разница въ годахъ.

— Въ искупной капиталъ попалъ?—спрашиваетъ одинъ изъ нихъ другого.

— Попалъ,—какъ же!—отвѣчаетъ тотъ.

— А я не попалъ,—я, значитъ, моложе,—говоритъ первый.

— Мало теперь такихъ-то, которые попали,—замѣчаетъ третій.

Вскорѣ однимъ изъ сельскихъ старостъ производится повѣрка числа прибывшихъ на сходъ. Оказывается болѣе двухъ третей голосовъ,—число достаточное для рѣшенія всякаго рода дѣлъ,—кромѣ перехода отъ подворнаго землевладѣнія къ общинному.

Часу въ первомъ является земскій начальникъ и открываетъ сходъ именно этого старосты,—немедленно вступая въ роль предсѣдателя. Онъ садится. Садятся и члены схода. Писарь же и староста стоятъ передъ нимъ.

— Сначала мои дѣла,—предлагаетъ земскій начальникъ.

И по его знаку писарь читаетъ два опредѣленія о томъ, что губернское присутствіе постановило приговоры схода о признаніи наслѣдственныхъ правъ за однимъ лицомъ на извѣстный участокъ земли и о сдачѣ обществомъ въ аренду другого участка отмѣнить, какъ не относящіеся къ предметамъ вѣдомства схода *).

Вслѣдъ за тѣмъ сходу были предложены два дѣла,

---

* Ниже мы увидимъ, почему, именно, это надлежало сдѣлать губернскому присутствію.

совершенно анологичныя съ тѣми, которыхъ касались только что прочитанныя опредѣленія губернскаго присутствія.

Читается прошеніе крестьянки, обращающейся къ обществу съ ходатайствомъ объ изъятіи изъ владѣнія односельнаго крестьянина участка земли, къ которому она утверждена въ правахъ наслѣдства волостнымъ судомъ... съ предоставленіемъ обратиться къ сходу...

— Можетъ ли это сдѣлать сходъ? — возбуждаетъ сомнѣніе одинъ изъ членовъ схода, очевидно, выслушавшій и понявшій только что доложенное разъясненіе губернскаго присутствія.

Но земскій начальникъ даетъ свое „разъясненіе“:

— Судъ ее призналъ наслѣдницей, — говоритъ онъ. — А вы теперь разсудите, слѣдуетъ-ли давать ей землю, или нѣтъ. Если слѣдуетъ, то дайте, а не слѣдуетъ, — не давайте. Это — ваша воля. Можетъ, — на землѣ и недоимка, — сейчасъ-же указываетъ онъ на одно изъ условій *финансоваго* свойства, существенно отразившихся на *гражданскихъ* правахъ крестьянъ.

Оказалось, что отыскиваемая земля давно находится во владѣніи племянника мужа просительницы и имъ оплачивается, — просительница же выдана замужъ въ другое общество той же волости.

— Что за наслѣдница выискалась, — черезъ столько-то лѣтъ! Не было васъ, какъ платили по десяти рублей. А теперь — давай вамъ землю! — замѣчаетъ кто-то.

И — только. Вопросъ, вообще, не вызываетъ на сходѣ особаго движенія ни за, ни противъ...

— По моему, не слѣдовало бы, хотя, по мнѣ, какъ хотите, — говоритъ земскій начальникъ. — Зачѣмъ ей земля? — у нея есть тамъ...

Ни возраженія, ни согласія со стороны схода...

Впослѣдствіи, изъ прочитаннаго приговора, оказывается, однако, что *просительницѣ отказано сходомъ въ томъ, что опредѣлено судомъ*...

— Теперь учетъ? —полувопросительно замѣтилъ земскій начальникъ.

— Да-съ, учетъ-съ,—говоритъ сельскій староста.

— Читай!—приказываетъ земскій начальникъ писарю.

Писарь читаетъ, по деревнямъ, списокъ домохозяевъ общества, —съ указаніемъ, сколько за кѣмъ недоимки, какой на комъ окладъ текущаго года, сколько изъ оклада уплачено и сколько остается.

— Что мало заплатилъ (или ничего не заплатилъ)?— спрашиваетъ иногда земскій начальникъ, когда оказывается какой нибудь недоимщикъ или неаккуратный плательщикъ.

„Виноватымъ“ приходится выходить и давать какія-нибудь объясненія:

— Заплачу,—осенью заплачу,—корову продамъ,— получу...—слышатся отвѣты.

— Нужно платить...—говоритъ земскій начальникъ,— и въ заключеніе дѣлаетъ общее замѣчаніе: Староста, плохо взыскиваешь! Нужно отбирать хоть самовары, что-ли,—да продавать... Поѣзжай-ка на двухъ подводахъ по волости, да отбирай-ка самоварчики... Чего глядѣть!

Выходило, что для принятія подобныхъ принудительныхъ мѣръ взысканія, не нужно было ни общественнаго приговора, ни предварительнаго примѣненія болѣе мягкихъ мѣръ въ порядкѣ, указанномъ въ законѣ...

Въ заключеніе подводится итогъ доходамъ и расходамъ, и отмѣчается, сколько у старосты, по роспискамъ банка, капиталовъ общества. Тутъ же учетчики, признавая все правильнымъ, представляютъ учетъ на утвержденіе схода.

Никакихъ вопросовъ сходу не предлагается. Никто и самостоятельно не возбуждаетъ ихъ...

— Читай приговоръ! — приказываетъ земскій начальникъ.

И писарь читаетъ заранѣе составленный приговоръ о признаніи сходомъ учета правильнымъ.

Въ прочитанномъ дальше опредѣленіи уѣзднаго съѣзда, согласно заключенію земскаго начальника, отмѣняется

тотъ пунктъ одного изъ приговоровъ общества, которымъ въ выборные волостного схода на слѣдующій годъ назначенъ былъ отъ деревни Павлова крестьянинъ Каменевъ, мѣстный адвокатъ, можно сказать, единственный членъ схода „съ голосомъ“...

— Много, значитъ, не говори,—не больно умничай... замѣчаетъ кто-то изъ числа членовъ схода, по поводу доложеннаго постановленія объ устраненіи Каменева.

— Ну, а развѣ лучше будетъ, если мы всѣ будемъ молчать?—возражаетъ другой.—Зачѣмъ же намъ и права-то дали?

— Такъ-то такъ,—да начальство, значитъ, хочетъ по своему...

Никакихъ замѣчаній вслухъ сдѣлано, затѣмъ, не было...

— Выбирайте другого,—приказываетъ земскій начальникъ.

— Ну, что же,—Иванова,—предлагаетъ кто-то.

— Онъ уже ходилъ въ волостныхъ,—возражаетъ другой.

— Ну, такъ Петрова,—указываетъ первый.

— Записывайте,—вяло соглашается Петровъ.

Земскій начальникъ переходитъ къ слѣдующему дѣлу.

— Теперь судей выбирайте,—предлагаетъ онъ.

— Старыхъ,—говоритъ кто-то.

— Нужно спросить, согласятся-ли,—возбуждаетъ вопросъ другой членъ схода.

— Я согласенъ,—заявляетъ одинъ изъ присутствующихъ тутъ судей.

— И я согласенъ,—заявляетъ другой.

Заявленія эти записываются.

— Еще нужно по кандидату,—говоритъ земскій начальникъ.

Въ такомъ же порядкѣ назначаются и кандидаты волостныхъ судей, хотя, въ сущности, по закону, всѣ—кандидаты, такъ какъ земскій начальникъ волент назна-

чить изъ указанныхъ лицъ, кого ему угодно въ судьи, а остальныхъ—въ кандидаты.

Вотъ и вся процедура выборовъ, сопровождающаяся полнымъ безмолвіемъ схода.

II.

— Ну, вотъ теперь послушайте, что я скажу,— говоритъ земскій начальникъ.—Слушайте внимательно...

Сходъ стихаетъ совершенно, готовый слушать длинную рѣчь...

— У насъ тутъ—и въ коровинской волости, и въ барановской, и въ петровской—часто случаются дѣла о землѣ... И вотъ, какъ бы ихъ ни рѣшали, такъ-ли, сякъ-ли,—губернское присутствіе всѣ наши рѣшенія отмѣняетъ и присылаетъ назадъ. Все, значитъ, выходитъ неправильно. А это оттого, что неизвѣстно, какое у насъ землевладѣніе,—общее или подворное [1]). Поэтому, чтобы покончить съ этими дѣлами, вамъ нужно теперь составить приговоръ, какъ вы хотите владѣть землею на будущее время. Если признаете, что у васъ общее владѣніе, то никто не будетъ имѣть права свою землю кому-либо передавать безъ согласія общества. Захочетъ-ли подарить, продать, завѣщать,—долженъ будетъ спросить общественниковъ. А если вы признаете теперь, что у васъ земля въ подворномъ владѣніи, то каждый будетъ имѣть право дѣлать съ ней что хочетъ,—передавать кому угодно, никого не спрашиваясь, и напускать вамъ въ общество разныхъ посторонниихъ людей. Обществу не будетъ ужъ тутъ никакого дѣла. Такъ вотъ, какъ вы рѣшите, такъ и будетъ.

Сходъ въ недоумѣніи...

---

[1]) Земскій начальникъ хотѣлъ сказать „общинное“, но не различая „общиннаго“ землевладѣнія отъ „общаго“,—употребилъ послѣднее слово. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, съѣздъ его поправилъ. Но въ сущности, землевладѣніе мѣстныхъ крестьянъ больше подходитъ къ общему, чѣмъ общинному,—но не представляется ни тѣмъ, ни другимъ.

— Какъ же быть,—вотъ, мы тутъ ужъ напустили постороннихъ? [1])—заговариваетъ кто-то.

— Ну, и рѣшайте, можно-ли дѣйствовать безъ общества,—предлагаетъ земскій начальникъ.

— У самихъ мало земли,—еще говоритъ кто-то.

— Съ согласія общества напустили,—дѣлается новое замѣчаніе.

— У насъ актъ,—говоритъ новый членъ схода.—Помѣщица сдѣлала насъ собственниками. Мы сами можемъ распоряжаться. Напрасно и спрашивали нѣкоторые у общества согласія на передачу своихъ участковъ.

— Мы — собственники, — подтверждаетъ нѣсколько человѣкъ это замѣчаніе.

Тутъ выступаетъ самъ земскій начальникъ.

— Я читалъ этотъ актъ—говоритъ онъ—и писалъ губернскому присутствію, что, по-моему, общество, все-таки, можетъ распоряжаться землею. Да мнѣ отвѣтили, что этого мало. Надо взять отъ васъ приговоръ, какое у васъ владѣніе. Тогда и ясно будетъ...

— Значитъ, ежели я покупаю, то долженъ спроситься?—поднимаетъ вопросъ одинъ изъ членовъ схода.

— Да,—отвѣчаетъ земскій начальникъ.

— Ежели опять продаю, то также долженъ спроситься?—спрашиваетъ тотъ же крестьянинъ.

— Да,—отвѣчаетъ земскій начальникъ.

— Значитъ, мы не хозяева своей земли?..—разводитъ руками крестьянинъ, дѣлавшій запросы земскому начальнику.

Тутъ около послѣдняго собирается довольно густая кучка и начинаетъ сильно галдѣть. Разобрать отдѣльныя фразы, даже слова—невозможно. Самая эта кучка раздѣлилась на меньшія группы. Всѣ спорятъ, кричатъ... Нѣсколько разъ, земскій начальникъ, въ свою очередь, громко выкрикиваетъ: „тише, тише!“ Но тишина не скоро возстановляется.

---

[1]) Имѣлось въ виду нѣсколько семей крестьянъ-переселенцевъ изъ сосѣдней губерніи.

Споръ идетъ и между прочими членами схода, остающимися на своихъ мѣстахъ, на заднемъ планѣ... Вотъ отдѣльныя мнѣнія:

— Тутъ я что хочу, то и дѣлаю,—продалъ—денежки получилъ,—и конецъ,—захотѣлъ, такъ и уѣхалъ. Кого мнѣ спрашивать!

— Лучше-ли будетъ?—замѣчаетъ сосѣдъ.

— Я—хозяинъ, односложно и съ убѣжденіемъ отвѣчаетъ тотъ.

— А можетъ, за тобой недоимка?

— Что-жъ!—мы собственники, а не общественники,—выражаетъ онъ установившееся среди мѣстныхъ крестьянъ воззрѣніе на свою форму землевладѣнія и не лишенное основательности предположеніе, что сборы имѣютъ вещный характеръ и должны взыскиваться съ каждаго отдѣльно, безъ круговой общественной отвѣтственности.

— Такъ-то такъ, да вотъ, на свою-то землю и напустили разнаго народу...

— Такъ что-жъ — худа не вышло, — возражаетъ первый.

— А вотъ, что будетъ, если сдѣлать, какъ хочетъ земскій начальникъ,—говоритъ третій крестьянинъ:—Кто богатъ, тотъ и будетъ дѣлать, что хочетъ. Общество ему все дозволитъ. А ежели ты слабъ, бѣденъ,—такъ шалишь!

— Что общество!—дѣлается еще замѣчаніе.

— Какъ же я не могу распорядиться!—еще говоритъ кто-то.—Окупляли, окупляли землю, и все не можемъ ничего дѣлать,—все не хозяева...

Наконецъ, земскій начальникъ водворяетъ рѣшительно тишину, и по его приказанію, писарь читаетъ приговоръ: ...„бывъ сего числа... имѣли сужденіе и... *единогласно* признаемъ, что земля находится у насъ въ общемъ вѣдѣніи... то-есть (своеобразно пояснялось тутъ, что такое „общинное“ владѣніе, именно имѣвшееся въ виду)—никто не имѣетъ права передавать землю другому безъ согласія общества, распоряжаться самовольно, а долженъ спрашивать согласіе схода“...

Единогласія, однако, какъ видно, вовсе не было. Наоборотъ, произошло большое и полное разногласіе... Но никто, по обыкновенію, не протестовалъ.

III.

Хотя всѣ члены и собрались, но остальные два схода не открывались, въ ожиданіи земскаго начальника. Затѣмъ, онъ открылъ самъ одинъ изъ этихъ сходовъ.

Какъ и въ первомъ обществѣ, прежде всего, были назначены здѣсь кандидаты въ судьи и произведенъ учетъ старостѣ.

— Теперь—обратился послѣ этого къ сходу земскій начальникъ—вотъ въ чемъ дѣло. Много у васъ возникаетъ, такъ называемыхъ, земельныхъ дѣлъ. Путаница выходитъ всегда страшная. И какъ ни рѣшаются эти дѣла, губернское присутствіе присылаетъ все назадъ, отмѣняетъ наши рѣшенія, потому что у васъ какое-то особенное землевладѣніе. Теперь мнѣ и нужно отъ васъ взять приговоръ, какъ вы владѣете землей,—въ общемъ она у васъ владѣніи, или въ подворномъ. Если въ общемъ, то никто не будетъ имѣть права передавать свой участокъ безъ согласія общества, а если въ подворномъ, то тутъ не нужно будетъ никого спрашиваться и каждый можетъ передавать свою землю кому хочетъ,—мѣщанину, купцу, мужику, какому угодно чертополоху... Но у васъ земли самимъ мало. Зачѣмъ вамъ отдавать ее другимъ? Вотъ, въ томъ обществѣ и составили приговоръ, что землю признаютъ въ общемъ владѣніи. Такъ и вы разсудите, какъ вамъ владѣть. А то у насъ эта путаница будетъ происходить постоянно...

Опять споръ и крикъ около земскаго начальника.

— Вотъ, какъ написали въ томъ обществѣ,—говоритъ земскій начальникъ.

И по его приказанію, читается приговоръ только что описаннаго схода.

— Тогда, когда постановите, что у васъ общее

владѣніе, не будетъ у васъ постороннихъ. Будете спрашивать общество,—добавляетъ земскій начальникъ.

Опять шумъ и крикъ въ переднихъ рядахъ... Выходитъ, очевидно, большая разноголосица... Въ заднихъ же рядахъ, преимущественно между женщинами-вдовами, которыхъ въ этомъ обществѣ почему-то особенно много, идутъ отдѣльныя разсужденія.

— Общество-то все дозволитъ мужику, особенно горлану... А какъ намъ?—говоритъ одна.

— Съ чѣмъ у меня останется дочь?—замѣчаетъ другая.

— Какъ я передамъ пріемышу?—не дадутъ!—замѣчаетъ третья.

Между тѣмъ, сходъ, повидимому, не приходитъ ни къ чему... Но, конечно, будетъ прочитанъ и предложенъ къ подписи приговоръ о томъ, что земля находится въ „общемъ“ владѣніи, то-есть, и т. д.

Пока же предлагается идти въ молитвенный залъ волостного правленія на панихиду по бывшемъ—скончавшемся годъ назадъ—губернаторѣ, которую земскій начальникъ приказалъ отслужить на мірской счетъ...

IV.

Послѣ панихиды, я пошелъ въ комнату, гдѣ собрался третій сходъ. Въ ожиданіи земскаго начальника, происходитъ не то простой разговоръ между членами схода,—не то обсужденіе вопроса—о томъ, что нужно взять сумасшедшую изъ больницы. Дорого тамъ ее содержать. Она же тихая. Но какъ везти? Сначала на пароходѣ или прямо на лошади? Одинъ изъ крестьянъ соглашается привести больную прямо на лошади изъ губернскаго города.

— Вези!—говорятъ ему.

— Поѣзжай на какой-нибудь одноколкѣ, да привяжи ее,—даетъ кто-то свой совѣтъ.

— Нѣтъ, я какъ слѣдуетъ,—возражаетъ крестьянинъ, берущійся переправить больную на родину.

Тутъ входитъ волостной старшина Ивановъ.

— Вотъ я сейчасъ принесу приговоръ насчетъ земли, какой составленъ на первомъ сходѣ,—говоритъ онъ, и добавляетъ не безъ внушительности: *нужно слово въ слово*...

Затѣмъ, старшина уходитъ и скоро возвращается съ приговоромъ, который писарь пока и переписываетъ, для того чтобы прочитать въ готовомъ видѣ...

Скоро появляется и земскій начальникъ.

Послѣ учета и назначенія кандидатовъ волостныхъ судей, онъ произноситъ и здѣсь почти ту же рѣчь:

— Вотъ что,—мнѣ нужно отъ васъ взять приговоръ. Губернское присутствіе прислало мнѣ такую бумажку... Какъ бы мы ни рѣшали дѣла о землѣ,—оно всѣ наши рѣшенія отмѣняетъ и возвращаетъ назадъ. Теперь вотъ у меня накопилась цѣлая кипа такихъ дѣлъ. Но нынче мнѣ предписано взять отъ васъ приговоръ, какое у васъ владѣніе, общее или подворное. Если общее, то—и земскій начальникъ объясняетъ въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какъ и на первыхъ двухъ сходахъ, что такое, по его—какъ видно, своеобразному—мнѣнію, общинное и подворное землевладѣніе.—Какъ хотите, такъ и постановляйте,—говоритъ онъ въ заключеніе.

И этотъ сходъ также сначала въ недоумѣніи...

— Всепокорнѣйше просимъ васъ, ваше высокоблагородіе,—разъясните намъ,—обращается кто-то къ самому земскому начальнику.

— Что-же я могу вамъ объяснить, коли вы сами не можете тутъ разобраться?

— А какое, значитъ, будетъ у насъ владѣніе, общее или подворное?—настаиваетъ, однако, тотъ же членъ схода.

— Да самъ чортъ сломитъ ногу въ томъ, что у васъ такое...—„разъясняетъ“ земскій начальникъ.

— Нѣтъ, значитъ, по закону, какъ должно?...

— Въ томъ то и дѣло, что къ вамъ, никакіе законы неприложимы...

— Все-таки, вы могите объяснить намъ... — продолжаетъ тотъ же упрямый крестьянинъ, выражая общее стремленіе мѣстныхъ крестьянъ узнать, наконецъ, каковъ у нихъ объемъ правъ на землю, для того чтобы чувствовать подъ собою нѣкоторую твердую почву въ дѣлахъ и отношеніяхъ, возникающихъ повседневно.

— Какъ это никакіе законы къ намъ неприложимы? Какъ это можетъ быть?—выражаетъ кто-то вполголоса свое сомнѣніе.

— Вотъ вы и постановите сами,—начинаетъ опять земскій начальникъ.—Если у васъ общее владѣніе, то безъ общества не можете передавать землю кому бы то ни было. Если же землевладѣніе у васъ подворное, то на сходахъ о землѣ совсѣмъ уже никогда не будетъ никакихъ рѣчей. Тогда всякій можетъ продавать, дарить, завѣщать свою землю, кому хочетъ.

— Такъ вы намъ и разъясните,—настаиваетъ тотъ же упрямецъ, очевидно, въ увѣренности, что тѣ или иныя права въ настоящемъ отношеніи уже опредѣлены въ законѣ и что не сходу дѣлать это теперь, заднимъ числомъ.

— Да я почемъ знаю!— говоритъ земскій начальникъ.— Сами разсуждайте... По-моему, общее. Подворное было бы тогда, когда у каждаго былъ бы особый планъ и онъ могъ бы кому угодно продавать землю. У васъ же не такъ. Вѣдь, вотъ, можешь ты продать мнѣ свою землю?

— Нѣтъ. Дозвольте теперь спросить, купечество можетъ ли владѣть нашей землей?—обращается тотъ же крестьянинъ къ земскому начальнику, съ тѣмъ-же самымъ вопросомъ, на который онъ только что отвѣтилъ самъ, казалось бы, съ полною увѣренностью...

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ,—отвѣтилъ земскій начальникъ, предрѣшая тотъ общій вопросъ, который самъ онъ предлагалъ сходу, говоря въ то же самое время, что никакіе законы къ землевладѣнію мѣстныхъ крестьянъ неприложимы и, слѣдовательно, якобы, не существуетъ

никакихъ объективныхъ основаній для разрѣшенія въ частности и того вопроса, который онъ, однако, разрѣшалъ теперь съ такою категоричностію...

— Теперь позвольте спросить, можетъ-ли общество отобрать отъ меня землю? — задалъ тотъ же крестьянинъ существенный вопросъ.

— Нѣтъ. какъ оно отберетъ? У другихъ крестьянъ, которые на выкупѣ, — оно это можетъ. Но вы заплатили уже за землю. Она стала вполнѣ вашею. Кто же позволитъ ее отобрать? Никто не позволитъ.

Однако, это, нужно сказать — какъ мы увидимъ ниже, — бываетъ, — и отсюда собственно тревожный вопросъ, заданный земскому начальнику.

— А ежели мало земли, — дастъ-ли оно, общество? — очень послѣдовательно продолжалъ допрашивать тотъ же крестьянинъ.

— Откуда же оно возьметъ? — видимо, утрачивая уже подъ собою почву, отвѣчалъ земскій начальникъ, подъ давленіемъ явнаго существованія существенной особенности въ мѣстномъ крестьянскомъ землевладѣніи... — У васъ не то, что у другихъ крестьянъ, — прибавилъ онъ, окончательно путаясь.

Въ это время вошелъ старшина и что-то вполголоса доложилъ земскому начальнику.

— Я сейчасъ, — собрался тотъ. и полу-обращаясь къ сходу, проговорилъ: во второмъ обществѣ какія-то затрудненія... Сейчасъ приду...

Затѣмъ онъ уходитъ, и — скоро возвращается, быстро, какъ мы увидимъ ниже, разрѣшивъ упоминавшіяся „затрудненія“ ..

Засѣданіе третьяго схода продолжается...

— Вотъ — говоритъ онъ сходу — во второмъ обществѣ составили сначала приговоръ, какъ и въ первомъ, что земля находится въ общемъ владѣніи. а теперь переиначиваютъ.. Хотятъ по-старому, — значитъ, чтобы опять спрашивать общество, а безъ его согласія земли не передавать, — поясняетъ земскій начальникъ, хотя изъ его

словъ выходило, что тамъ постановляли не по старому, а по новому, какъ именно желалъ и онъ.

Но этомъ оканчивается обсужденіе вопроса и на настоящемъ третьемъ сходѣ. Къ подписи предлагается приговоръ, составленный заранѣе—„слово въ слово“ съ приговоромъ перваго схода, согласно съ обнаруженною заботливостью объ этомъ волостного старшины Иванова.

V.

Происшедшія во второмъ обществѣ „затрудненія“, о которыхъ говорилъ земскій начальникъ, состояли въ слѣдующемъ и были разрѣшены такъ:

Приговоръ, составленный здѣсь первоначально въ томъ же смыслѣ и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и въ первомъ обществѣ,—крестьяне не стали было подписывать, какъ составленный безъ ихъ вѣдома и безъ всякаго выясненія дѣйствительно сложившагося у нихъ мнѣнія по поставленному на очередь вопросу... При этомъ, около пятнадцати человѣкъ совсѣмъ ушли со схода. Въ то же время сталъ составляться новый приговоръ, въ отсутствіи земскаго начальника. Въ этомъ же приговорѣ крестьяне уже самостоятельно установляли, что землевладѣніе у нихъ въ обществѣ подворное или, какъ они говорятъ „одворное“... Въ виду этого то, волостной старшина и приходилъ въ третье общество докладывать земскому начальнику о происшедшихъ—рѣдкихъ, нужно сказать—„затрудненіяхъ“, когда крестьяне обнаруживаютъ желаніе самостоятельно разрѣшить касающееся ихъ дѣло...

Земскій начальникъ явился на сходъ и, прочитавъ новый приговоръ, заявилъ:

— Нѣтъ, такъ неладно. Этотъ приговоръ вамъ не утвердятъ. Составьте другой...—предложилъ онъ, и сталъ рвать одинъ изъ лежавшихъ передъ нимъ приговоровъ, полагая, что именно рветъ только что прочитанный приговоръ о подворномъ характерѣ землевладѣнія въ обществѣ... Оказалось, однако, что онъ разорвалъ приговоръ о вы-

борѣ судей. . подписанный уже и тѣми, которые успѣли уйти...

Въ виду же обнаруженнаго тогда многими желанія уйти совсѣмъ со схода,—земскій начальникъ пригрозилъ:

— Кто уйдетъ, не подписавши приговора, тотъ заплатитъ штрафъ или высидитъ подъ арестомъ!

Послѣ этого былъ составленъ новый, по счету третій, приговоръ въ томъ смыслѣ, что сходъ желаетъ остаться „при прежнихъ правахъ, какъ были отпущены на волю помѣщицей“,—безъ поясненія, при какихъ же, именно, то-есть, безъ разрѣшенія того вопроса, который ставился...

Этотъ приговоръ не былъ разорванъ земскимъ начальникомъ и былъ подписанъ присутствующими.

VI.

На другой день послѣ описанныхъ сходовъ, я отправился въ сосѣднюю Барановскую волость, услышавъ, что и тамъ будетъ сходъ по тому же вопросу. Но въ ближайшей деревнѣ, черезъ которую проходилъ, узналъ, что барановскій сходъ назначенъ на слѣдующій день.

Крестьяне этой деревни принадлежали именно къ этой волости,—и я вступилъ съ ними въ бесѣду...

— Знаете, о чемъ будетъ у васъ сходъ?—спрашиваю я.

— Нѣтъ не знаемъ,—отвѣчали мнѣ, подтверждая то общее явленіе, при которомъ крестьяне повсемѣстно оказываются въ неизвѣстности, отправляясь на сходъ, о чемъ будетъ тамъ рѣчь ..

— Вѣроятно, о землѣ,—о томъ, на какихъ правахъ вы ею владѣете,—говорю я тогда.—По крайней мѣрѣ, объ этомъ разсуждали вчера въ трехъ обществахъ коровинской волости. Ну, какъ же вы владѣете своей землею?

— Да у насъ не ровно,—у другихъ деревень больше у иныхъ меньше... потому, неправильно размежевались...

указываетъ одинъ изъ крестьянъ на больное мѣсто въ землевладѣніи волости.

— Такъ что вы хотите передѣлять?—спрашиваю я.

Да кто какъ. Какія деревни сыты землей,—у которыхъ ея много, такъ и не хотятъ,—а у которыхъ мало, тѣ хотѣли-бы...

— Значитъ, спрашиваю я—если у васъ и заходитъ разговоръ о передѣлѣ, то лишь между деревнями, о новомъ размежеваніи?

— Да, такъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Ну, а какъ въ самой деревнѣ владѣетъ каждый изъ васъ? У васъ, напримѣръ, всегда однѣ полосы? Это ужъ неотъемлемо?

— Всегда, всегда, —говоритъ онъ съ убѣжденіемъ.

— Неотъемлемо,—подтвердили другіе.

— Никогда не передѣляется земля по деревнѣ?—допрашиваю я.—Не берете у однихъ, не назначаете другимъ?

— Нѣтъ, этого нѣтъ.

— У васъ, значитъ, каждый чѣмъ владѣлъ,—тѣмъ и владѣетъ.

— Да, какъ же,—что каждый выкупилъ,—когда, значитъ, выходили на волю отъ помѣщицы.

— Такъ что вы не считаете, чтобы у васъ общество могло взять землю и распорядиться ею?

— Нѣтъ, не можетъ... Какъ можно! Вотъ, если выморочная какая земля...

— Ну, это другое дѣло,—говорю я.

— А иначе нѣтъ,—говорятъ крестьяне.

— И никто у васъ не считаетъ, чтобы общество могло вашей землей распорядиться?—продолжаю я свои вопросы.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, а какъ вы продаете, передаете землю? Спрашиваете у общества?

— Спрашиваемъ,— съ общественнаго приговора продаемъ.

— Если даже и однообщественнику?

— Да.

— А ежели постороннему?

— Постороннаго принимаемъ въ общество,—и тогда разрѣшаемъ продажу.

— А безъ пріема не передаете землю? Совершенно постороннему не можете?

— Нѣтъ, не можемъ.

— А общество всегда даетъ свое согласіе на передачу земли?

— Всегда. Да и какъ оно не дастъ, коли земля не его? Вѣдь, каждый передаетъ собственную свою землю! Вѣдь она купленная! Какъ же оно не разрѣшитъ?

— И такъ было всегда?

— Нѣтъ, прежде было еще свободнѣй,—когда разные сборы накладывали на душу. А теперь стали брать съ земли. Земля отвѣчаетъ. Ну, и стало не такъ свободно.

Такимъ образомъ, мой собесѣдникъ указывалъ на вліяніе финансовыхъ порядковъ на землевладѣніе,—то-есть, на одно изъ самыхъ могущественныхъ вліяній въ этой области.

VII.

На другой день я отправился на барановскій сходъ.

Около десяти часовъ. Народу уже около ста пятидесяти человѣкъ. Требуется же до двухсотъ человѣкъ. Но скоро набирается достаточное число членовъ схода.

Передъ сходомъ и здѣсь, прежде всего, совершается, по приказанію земскаго начальника, на мірской счетъ, панихида по бывшемъ губернаторѣ.

Сходъ открывается земскимъ начальникомъ въ качествѣ, какъ мы видѣли всесильнаго предсѣдателя...

Прежде всего, ставится на очередь дѣло о пріемѣ новаго члена, поступающаго на землю тестя.

— „Принять“—постановляется (со взносомъ ста рублей, изъ которыхъ 50 рублей разсрочиваются на два

года,—и съ обязанностью доставить въ хлѣбозапасный магазинъ по четверти озимаго и ярового хлѣба).

Затѣмъ, читается прошеніе крестьянина Качалова, изложенное приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Послѣ дяди моего, принятаго въ богадѣльню, остался надѣлъ земли. Тогда-то общество сдало мнѣ землю въ аренду за десять рублей. На землѣ состояло недоимки 27 рублей. Нынѣ я уплатилъ недоимку, и потому покорнѣйше прошу общество, какъ я прямой, единственный наслѣдникъ, признать землю поступившею мнѣ въ собственность по закону".

Между членами схода возникаетъ легкій споръ. Но большею частью слышится:

— Отказать, отказать!

— Дядя, да и жена его еще живы.

— Ишь какой наслѣдникъ выискался!

— При живомъ!—иронизируетъ кто-то.

Послѣ читается приговоръ, въ которомъ постановляется: „отказать".—Какъ видно, не возникаетъ самого вопроса о возможности накладки или о сложеніи тягла даже при наличности недоимки.

Земскій начальникъ ставитъ на очередь новое дѣло. Согласно предписанію губернскаго присутствія, онъ дѣлаетъ запросъ, куда дѣвалась земля на полтора надѣла, принадлежавшая бывшему крестьянину волости, нынѣ петербургскому мѣщанину Николкову. Послѣдній проситъ губернское присутствіе предписать волостному правленію—предоставить данныя о выкупленныхъ его дѣдомъ и отцомъ, при выходѣ „въ свободные хлѣбопашцы", полутора надѣлахъ земли. При выходѣ изъ общества въ 1891 году, за нимъ никакихъ недоимокъ не состояло, и земля оставалась за нимъ. Но землю эту общество продало. На какомъ основаніи?—дознается Николковъ.

Оказалось, что въ увольнительномъ приговорѣ о землѣ не было сказано ничего.

— Какъ же такъ общество будетъ распоряжаться

нашимъ добромъ? — возмущаются многіе изъ членовъ схода.

Въ приговорѣ же потомъ значится, что земля, по выходѣ Николкова, осталась на обществѣ, — и оно ее продало.

— Теперь выслушайте вотъ что,—началъ здѣсь земскій начальникъ свою рѣчь.—У васъ – и въ другихъ волостяхъ—возникаетъ много земельныхъ дѣлъ. Цѣлая масса. Напримѣръ, дѣло Кубиковой и—всякія штуки. И какъ бы мы ни рѣшали эти дѣла, губернское присутствіе всѣ наши рѣшенія отмѣняетъ, потому что у васъ какое-то особенное землевладѣніе... Такъ вотъ, мнѣ и предписано взять отъ васъ разъ навсегда приговоръ, какъ вы владѣете землей. Напишите, тамъ, какъ хотите,—общее у васъ владѣніе или подворное. Если общее, то—(земскій начальникъ даетъ и здѣсь своеобразное объясненіе того, что такое общее—желая сказать общинное,—и что такое подворное землевладѣніе).

Возникаетъ и здѣсь на сходѣ горячій споръ. Земскій начальникъ видитъ, что тутъ ему не разобраться...

— Мы тутъ проспоримъ до вечера,—говоритъ онъ—нужно какъ-нибудь рѣшать...

— Ваше высокоблагородіе, дозвольте намъ подумать,—отложить до другого раза,—предлагаетъ кто-то.

— Ну, что тутъ думать!—отмахивается земскій начальникъ.

— Какъ же-съ, — почтительно говорятъ ему.—Дѣло важное.

— Нечего думать!—повторяетъ земскій начальникъ.—Мнѣ только отъ васъ нужно узнать вотъ что: при продажѣ земли и при передачѣ ея,—требуется у васъ разрѣшеніе общества или нѣтъ? Только и всего,—отвѣтьте на этотъ вопросъ, и конецъ,—ограничилъ земскій начальникъ на сей разъ свои желанія.

— Требуется, требуется,—заявили ему.

— Безъ общественнаго приговора нельзя?

— Нельзя.

— А ежели общество не разрѣшитъ,—что же мнѣ дѣлать?—возбуждаетъ вопросъ одинъ изъ членовъ схода.

Но дѣло уже кончено. Почти непосредственно затѣмъ читается приговоръ: „выслушавъ предложеніе земскаго начальника о томъ, какимъ способомъ владѣемъ землею, и вопросъ, можетъ-ли земля быть передана безъ разрѣшенія общества,—посовѣтовавшись между собою, признаемъ, что землею владѣемъ всѣ вмѣстѣ, и никто не можетъ передавать свой участокъ безъ разрѣшенія схода".

VIII.

На другой день мнѣ пришлось быть въ уѣздномъ съѣздѣ. Среди разсматривавшихся здѣсь дѣлъ одно имѣло какъ разъ отношеніе къ вопросу, обсуждавшемуся на только что описанныхъ сходахъ.

Коровинскій волостной судъ отказалъ крестьянину Антипову въ признаніи правъ его на наслѣдство послѣ тетки, по завѣщанію,—принявъ во вниманіе, что земля въ коровинской волости находится въ общемъ всѣхъ крестьянъ владѣніи и просить о ней можно только сходъ; что завѣщательница сама не была утверждена въ правахъ наслѣдства послѣ отца и мужа, и что Антиповъ не представилъ данныхъ о составѣ семейства.. (Нужно замѣтить, что мужъ завѣщательницы былъ самъ принятъ въ домъ къ тестю).

При докладѣ и послѣ доклада дѣла, земскій начальникъ обнаруживаетъ особенное волненіе... Онъ что-то отрывисто говоритъ вполголоса уѣздному члену... Затѣмъ, онъ обращается къ Антипову:

— Ты къ чему утверждаешься въ правахъ наслѣдства?

— Къ дому, къ землѣ, къ разному имуществу,—отвѣчаетъ тотъ.

— Къ имуществу, къ дому—это ты можешь, а къ землѣ ты здѣсь не можешь утверждаться...—говоритъ ему земскій начальникъ.

— Да мы, вѣдь, владѣемъ землею по акту, а какъ вышли на волю, никакихъ перемѣнъ не было,—собственниками считаемся,—объясняетъ Антиповъ.

— Вотъ, если бы ты былъ третьяго дня на сходѣ, такъ и увидѣлъ бы, что они тамъ написали...

Слышно затѣмъ, какъ земскій начальникъ при этомъ говоритъ уѣздному члену: „Это вѣрно,—общее владѣніе. Теперь кончено. Что съ меня требовали,—то и сдѣлано“...

Антиповъ пытается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній...

Товарищъ прокурора признаетъ, односложно, дѣло „подсуднымъ волостному суду“.

Члены съѣзда удаляются для совѣщанія въ слѣдующую комнату. Оттуда слышится споръ. Особенно громко раздается голосъ земскаго начальника. Упоминаются слова: „подворное“, „общее“, „общинное“...

Затѣмъ, выносится постановленіе: „Рѣшеніе волостного суда отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ тотъ же судъ, для выясненія подсудности и того, на какихъ основаніяхъ владѣютъ коровинскіе крестьяне землею“.

IX.

О какихъ земельныхъ дѣлахъ говорилъ земскій начальникъ? Что это за дѣла, которыя „такъ-ли, сякъ-ли рѣшаются“ въ уѣздныхъ установленіяхъ, но по которымъ постановленія этихъ учрежденій всегда отмѣняются губернскимъ присутствіемъ и возвращаются назадъ?—Одно изъ такихъ дѣлъ мы сейчасъ передали. А вотъ другое,—кстати, именно упоминавшееся земскимъ начальникомъ на сходѣ барановской волости. Это—дѣло Кубиковой. Передадимъ вкратцѣ это дѣло, а затѣмъ разскажемъ о не менѣе характерномъ дѣлѣ Штучкиныхъ. Особенно удобно будетъ послѣ того сдѣлать и нѣкоторые выводы по настоящему предмету. Выводы явятся сами собою и пріобрѣтутъ извѣстную выпуклость. Печальныя условія,

въ которыхъ очутилось, въ особенности за послѣднее время, землевладѣніе мѣстныхъ крестьянъ,— обнаружатся еще ярче. Изъ этихъ дѣлъ выяснится, какъ далеко простирается административное давленіе на поземельныя отношенія крестьянъ...

Въ 1890 году умеръ крестьянинъ барановской волости Кубиковъ. По оставленному имъ духовному завѣщанію, все имущество его, и въ томъ числѣ земля, за которую имъ были непосредственно внесены всѣ платежи и по которой не состояло никакихъ недоимокъ по какимъ-либо сборамъ,— переходило въ пожизненное владѣніе женѣ и въ собственность двумъ дочерямъ. Завѣщаніе это было и утверждено окружнымъ судомъ къ исполненію.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Наслѣдницы спокойно пользовались своимъ достояніемъ. Но вотъ, 21 апрѣля 1895 г., общественный сходъ, по просьбѣ племянника покойнаго Кубикова, дѣлаетъ слѣдующее не совсѣмъ понятное постановленіе: „просителю Федору Кубикову предоставить право пользоваться землею, въ деревнѣ Рубиново, въ количествѣ трехъ восьмыхъ осьмака, и въ деревнѣ Бокисово восьмою частью осьмака, таковое же количество земли предоставить въ пользованіе бабушки Анны Кубиковой его наслѣдника съ дочерями по тѣмъ же деревнямъ, но только по смерть бабушки съ дочерями, а послѣ смерти въ прямое наслѣдство должно перейти вышеозначенному наслѣднику“...

По этому приговору, земля тотчасъ же отбирается отъ законныхъ наслѣдницъ, и начинается рядъ столкновеній, дѣлъ и непріятностей, отъ которыхъ въ крестьянской средѣ нерѣдки случаи полнаго матеріальнаго разоренія и даже душевнаго разстройства...

Кубикова, за себя и за дочерей, приноситъ жалобу земскому начальнику на приведенный приговоръ схода, состоявшійся, кстати сказать, въ присутствіи самого земскаго начальника. Послѣдній, однако, оставляетъ жалобу ея „безъ послѣдствій“, а обжалованный приговоръ даже утверждаетъ, хотя приговоръ этотъ, по своему предмету,

не требовалъ его утвержденія, но на основаніи ст. 14 правилъ 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли, если бы эти правила сюда относились, отъ земскаго начальника зависѣло только разрѣшеніе привести этотъ приговоръ въ исполненіе [1]).

Кубикова обжаловала тогда дѣйствія земскаго начальника, по утвержденію явно-неправильнаго приговора, въ уѣздный съѣздъ. Но и съѣздъ оставилъ жалобу ея безъ послѣдствій...

Дѣло перешло въ губернское присутствіе.—Послѣднее же, по жалобѣ Кубиковой, отмѣнило постановленіе съѣзда, предоставивъ ему постановить новое опредѣленіе, не стѣсняясь прежнимъ. При этомъ, отмѣняя постановленіе съѣзда на томъ основаніи, что имъ не были выяснены особенности въ мѣстномъ крестьянскомъ землевладѣніи, возбуждавшія сомнѣніе въ правильности присвоенія сходомъ права распоряженія землею,—губернское присутствіе предложило съѣзду выяснить именно эти особенности.

Тогда-то, для выясненія упоминаемыхъ особенностей, и были созваны земскимъ начальникомъ описанные выше сходы. Дальше же мы увидимъ, какъ земскій начальникъ и съѣздъ стали класть въ основаніе своихъ сужденій приговоры этихъ сходовъ, состоявшіеся при столь характерныхъ обстоятельствахъ...

„Въ жалобѣ своей, Кубикова объяснила—говорится въ состоявшемся потомъ новомъ постановленіи съѣзда отъ 15 октября 1897 г.,—что земскій начальникъ, при-

---

[1]) Такова широко распространенная практика, установившая не только присутствіе земскихъ начальниковъ на крестьянскихъ общественныхъ сходахъ, но и утвержденіе ими всѣхъ—кромѣ указанныхъ въ законѣ, какъ требующихъ этого—приговоровъ сходовъ, благодаря чему самостоятельность сходовъ, въ принципѣ установленная закономъ, сводится къ нулю,—и съ одной стороны, дѣлается крайне затруднительною борьба противъ неправильныхъ приговоровъ сходовъ, подчасъ постановленныхъ подъ непосредственнымъ давленіемъ земскаго начальника, съ другой же стороны, самые насущные и не допускающіе отлагательства приговоры сходовъ надолго замедляются иногда въ отношеніи исполненія.

знавъ доставшуюся ей по духовному завѣщанію землю, находящеюся въ общемъ владѣніи крестьянъ всей барановской волости, приговоръ послѣднихъ отъ 21 апрѣля 1895 г., коимъ постановлено отобрать отъ нея половину означенной земли, утвердилъ на томъ основаніи, что при общемъ владѣніи распоряженіе землею зависитъ отъ схода. Между тѣмъ,—писала Кубикова—перешедшая къ ней, просительницѣ, земля, покойнымъ Кубиковымъ пріобрѣтена вмѣстѣ съ другими крестьянами барановской волости отъ помѣщицы въ 1833 г., по акту, еще во время крѣпостной зависимости крестьянъ, и находится не въ общемъ, а въ подворномъ владѣніи, составляя личную собственность каждаго"... Въ свою очередь, земскій начальникъ представилъ въ съѣздъ, ко времени разбирательства, протоколъ по поводу произведеннаго имъ „выясненія" особенностей землевладѣнія барановскихъ крестьянъ. Изъ протокола же этого „видно,—говорилось въ постановленіи съѣзда,—что, по мнѣнію земскаго начальника, раздѣленія на участки земли въ барановской волости не было, ибо не было составлено о томъ никакого приговора, который былъ бы утвержденъ губернскимъ присутствіемъ, какъ не было размежеванія и составлено плановъ" [1]). При этомъ земскій начальникъ сослался на приговоръ крестьянъ барановской волости, состоявшійся на описанномъ выше сходѣ, указавъ, что въ немъ крестьяне „единогласно" постановили, что „земля въ барановской волости находится въ общемъ, нераздѣльномъ

[1]) Архивъ старыхъ дѣлъ волости весьма обширенъ, и земскій начальникъ, конечно, не могъ разобраться въ немъ. Между тѣмъ, можно съ большою вѣроятностью предполагать, основываясь на приведенномъ дальше указаніи г. Вешнякова, что въ архивѣ есть приговоръ о владѣніи барановскими крестьянами пріобрѣтенною въ собственность землею безъ передѣловъ,—каждымъ дворомъ тѣмъ участкомъ, съ которымъ онъ вышелъ на волю, одновременно выкупивъ его. Во всякомъ случаѣ, передѣловъ въ теченіе 64 лѣтъ не было,—и окончательно установился обычай владѣть землею подворно (съ правомъ частной собственности), этотъ обычай могъ замѣнить приговоръ, коль скоро послѣдняго и не было бы, или онъ оказался бы утраченнымъ (что также представляется вполнѣ возможнымъ, такъ какъ цѣлость архива значительно пострадала).

владѣніи крестьянъ всей волости и таковую никто изъ нихъ не можетъ передать въ другія руки безъ согласія общества". А на этомъ основаніи, онъ нашелъ, что „владѣніе крестьянъ барановской волости землею должно считаться общимъ, а не подворнымъ, и распоряженіе таковою должно зависѣть отъ сельскаго схода"... Согласно же съ этимъ заключеніемъ земскаго начальника, и съѣздъ призналъ, что земля находится у барановскихъ крестьянъ „въ общинномъ владѣніи" — поправилъ онъ также земскаго начальника, — и на этомъ основаніи приговоръ отъ 21 апрѣля 1895 г. призналъ правильнымъ, а съ нимъ призналъ правильными и дѣйствія земскаго начальника по утвержденію этого приговора. Жалоба же Кубиковой вновь была оставлена „безъ послѣдствій"...

Губернское присутствіе, безъ сомнѣнія, отмѣнитъ вновь опредѣленіе съѣзда, и дѣло совершитъ во второй разъ тотъ же кругъ, разоряя Кубиковыхъ матеріально и разстраивая ихъ нравственно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попрежнему оставляя въ неопредѣленномъ положеніи вопросъ объ объемѣ правъ на землю со стороны мѣстныхъ крестьянъ.

X.

За послѣдніе годы въ обѣихъ описываемыхъ волостяхъ создалась практика, которая была бы незаконною даже и относительно крестьянъ иныхъ разрядовъ, не имѣющихъ пока на надѣльныя земли полнаго права собственности, которымъ, какъ мы увидимъ, обладаютъ бывшіе свободные хлѣбопашцы относительно пріобрѣтенныхъ ими земель. Практика эта состоитъ въ томъ, что дѣла о наслѣдственныхъ правахъ на землю разрѣшаются въ нѣкоторой части волостными судами, въ нѣкоторой же — сходами, безъ точнаго выясненія притомъ, когда и въ какомъ отношеніи судомъ, и когда и въ какомъ отношеніи сходами. Незаконность этой практики выступаетъ здѣсь тѣмъ очевиднѣе, что она распространяется и на усадебныя земли. При такихъ условіяхъ получается слѣдующее: при

обращеніи къ сходу съ дѣлами о наслѣдственныхъ правахъ на землю, выходитъ, что въ распоряженіе общества поступаютъ вообще участки земли, оставшіеся послѣ умершихъ домохозяевъ, а не выморочные только. Общество какъ бы безспорно завладѣваетъ тѣмъ, что можетъ еще быть предметомъ спора между нимъ и отдѣльными лицами. Когда послѣднимъ предлагаютъ обратиться къ сходу, то сходъ дѣлается какъ бы судьею въ дѣлѣ, въ которомъ онъ въ то же время представляетъ собою сторону. Между тѣмъ, и при общинномъ землевладѣніи, отобраніе земли обществомъ отъ отдѣльнаго крестьянина безъ общественнаго приговора даетъ этому лицу право на возбужденіе иска въ судебномъ порядкѣ: это есть— какъ говоритъ сенатъ—„незаконное и произвольное завладѣніе“ [1]).

Какъ же разрѣшаются эти дѣла судомъ и сходомъ?— Это покажетъ намъ упомянутое дѣло Штучкиныхъ.

XI.

Засѣданіе волостного суда,—на сей разъ, противъ обыкновенія, въ составѣ трехъ судей: четвертый выступаетъ истцомъ по собственному дѣлу.

Крестьянинъ Василій Штучкинъ!—вызываетъ предсѣдатель.—Подойдите!

Это есть судья и истецъ на сей разъ. Вмѣстѣ съ нимъ къ рѣшеткѣ подходитъ какая-то женщина. Они становятся передъ судьями.

— Выслушайте!—предлагаетъ предсѣдатель суда и затѣмъ читаетъ прошеніе истца: „Дѣдъ мой Евграфъ Штучкинъ умеръ въ 1875 году. Послѣ него остался домъ, земли полъ-осьмака и разное движимое имущество. Въ январѣ сего года умерла его жена. Прошу утвердить меня въ правахъ наслѣдства“... Дальше доклады-

[1]) Горемыкинъ—„Сводъ узаконеній и распоряженій о крестьянахъ“, изд. 3, 1898 г, т. I, ч. 1, стр. 105, рѣшеніе отъ 29 апрѣля 1886 г.

вается опись имущества и содержаніе метрическихъ выписей...

— Значитъ, вы желаете утвердиться въ правахъ наслѣдства?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Да, желаю, какъ я наслѣдникъ, — говоритъ Штучкинъ.

— А что вы скажете? — обращается предсѣдатель къ женщинѣ.

— Имущество это мы купили,—говоритъ она.

— Я этого ничего не знаю,—возражаетъ, какъ бы въ сторону, Штучкинъ.

— Мы недоимки заплатили. У меня, вотъ, бумаги,—продолжаетъ женщина.

— Позвольте,—говоритъ предсѣдатель.

Затѣмъ, онъ читаетъ поданную ему бумагу: „1877 г. я, Евдокія Штучкина, продала Николаю Штучкину, землю и домъ за 300 р. съ тѣмъ, чтобы жить самой до смерти въ зимовкѣ. Въ случаѣ же, ежели явятся наслѣдники и произойдетъ споръ,—обязаны они возвратить 300 руб. и 500 руб. неустойки". Кромѣ сторонъ, подъ любопытнымъ договоромъ подписались свидѣтели и помощникъ волостного старшины.

— Я этого ничего не знаю,—повторяетъ Штучкинъ.— Безъ меня все дѣлалось... Нигдѣ не засвидѣтельствовано...

— Пущай онъ заплатитъ и беретъ,—въ свою очередь, говоритъ женщина.

— Но вы заплатили?—спрашиваетъ ее предсѣдатель.

— Да, вотъ росписки. Старшина знаетъ. Недоимокъ заплатили ему 44 рубля...

— Пригласите старшину,—обращается предсѣдатель къ сторожу, стоящему въ дверяхъ.

Приходитъ старшина.

— Могите засвидѣтельствовать, что именно Николай Штучкинъ заплатилъ недоимокъ?

— Они. Тогда еще былъ недоимокъ съ нихъ полученъ дровами и краской...

— Этого я не знаю,—опять говоритъ Василій Штуч-

кинъ. — А только я не отвергаю, что и они наслѣдники...—прибавляетъ онъ.

Теперь оказывается, что женщина эта—жена брата истца, послѣ котораго осталось еще четыре сына. Вызвана она самимъ предсѣдателемъ суда.

— Вы что же желаете получить?—спрашиваетъ ее предсѣдатель.

— Да что же получить?—говоритъ она.—Имущество-то наше. Пущай онъ заплатитъ.

— Ну, вотъ что-съ—говоритъ предсѣдатель—судъ предлагаетъ вамъ помириться.

— Я не могу безъ переписки съ сыновьями,—отвѣчаетъ на это предложеніе Штучкина.—Пущай онъ заплатитъ,—повторяетъ она.

— Ну, такъ судъ васъ разсудитъ,—объявляетъ предсѣдатель, и затѣмъ, поднимаясь вмѣстѣ съ двумя судьями, сидѣвшими молча, прибавляетъ: — судъ удаляется для совѣщанія.

Вскорѣ судьи возвращаются изъ сосѣдней комнаты и предсѣдатель объявляетъ рѣшеніе, въ которомъ Василію Штучкину присуждается движимое имущество.

— А о землѣ вы могите обратиться къ сходу,—предлагаетъ предсѣдатель, обращаясь къ истцу.

XII.

На ближайшемъ сходѣ, въ присутствіи земскаго начальника, и читается прошеніе Штучкина, обращенное къ сходу; здѣсь говорится о наслѣдственныхъ правахъ его, о линіяхъ, восходящихъ, нисходящихъ, боковыхъ и проч., въ доказа́тельство того, что ему слѣдуетъ все имущество, оставшееся послѣ Евдокіи Штучкиной. Затѣмъ читается самое рѣшеніе волостного суда.

Сходъ выслушиваетъ это прошеніе, усталый послѣ долгихъ преній по другимъ дѣламъ.

— Рѣшайте вы,—ваше дѣло,—говоритъ земскій начальникъ.

Тутъ выступаетъ Штучкина съ своими документами.

— Заплатите мнѣ,—мы окупали, строились...—говоритъ она.

— Документы нигдѣ не заявлены, не дѣйствительны,—говоритъ Штучкинъ.

— Что же, пополамъ? — предлагаетъ земскій начальникъ.

— Пополамъ, пополамъ!—кричатъ нѣкоторые.

— Что?—спрашиваютъ другіе.

— Землю,—говоритъ земскій начальникъ.

— Заплатите мнѣ,—повторяетъ Штучкина.

На сходѣ возникаетъ довольно горячій споръ... Споръ затягивается.

— Кончайте же!—торопитъ земскій начальникъ.

— Что тутъ!—подхватываютъ другіе.

— Пополамъ!

Споръ продолжается.

— Такъ пополамъ, а половину денегъ возвратить?—предлагаетъ земскій начальникъ. — Кончайте же, — кончайте!—торопитъ онъ опять, видя продолжающійся споръ.

Въ этомъ смыслѣ и оказывается составленнымъ прочитанный потомъ приговоръ, хотя, собственно говоря, сходъ не пришелъ къ опредѣленному рѣшенію...

Такъ-то разрѣшено было дѣло о самыхъ существенныхъ интересахъ отдѣльныхъ лицъ. Конечно, и настоящее дѣло на этомъ не кончится. Стороны будутъ жаловаться. Сколько же матеріальныхъ и нравственныхъ невзгодъ придется имъ еще выдержать? У нихъ, вѣдь, какъ бы не оказывается никакихъ объективныхъ основаній для разрѣшенія своихъ отношеній. Онѣ сбиты съ толку... [1]).

---

[1]) Обращеніе къ сходу съ подобными явно неподлежащими ему дѣлами судебнаго свойства оказывается весьма распространеннымъ среди крестьянъ всѣхъ разрядовъ и всѣхъ формъ землепользованія. Оно не основано, и не можетъ быть основано на законѣ,—и установлено единственно практикою. „За неимѣніемъ закона, одною лишь практикою, выработаны способы утвержденія наслѣдственныхъ правъ крестьянъ посредствомъ приго-

XIII.

Такихъ дѣлъ, какъ только что изложенное, дѣйствительно, много въ описываемой мѣстности. Вѣрно и то, что, какъ говорилъ земскій начальникъ, уѣздныя рѣшенія по нимъ до сихъ поръ отмѣнялись губернскими учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ. Губернское присутствіе, въ своихъ рѣшеніяхъ, предполагало наличность особенностей въ землевладѣніи мѣстныхъ крестьянъ и требовало ихъ выясненія.

Выяснять основныя правовыя положенія, относящіяся

воровъ сельскихъ сходовъ",—свидѣтельствуетъ минское губернское совѣщаніе („Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ", томъ II, стр. 275) Практика эта создалась, повидимому, повсюду подъ вліяніемъ крестьянскихъ властей и вопреки стремленію самихъ крестьянъ разрѣшать соотвѣтствующія отношенія чрезъ посредство судебной власти. Такъ, въ судебномъ присутствіи съѣзда другого уѣзда, но той же губерніи, въ которой происходитъ все описываемое, мнѣ пришлось присутствовать при разрѣшеніи слѣдующаго дѣла: умеръ одинъ крестьянинъ; послѣ него остались бездѣтная вдова и родной братъ. Оба обратились въ волостной судъ съ просьбами утвердить ихъ въ правахъ наслѣдства ко всему имуществу покойнаго и, въ томъ числѣ, къ землѣ. Судъ и опредѣлилъ: утвердить просителей въ правахъ наслѣдства къ имуществу умершаго. Но при этомъ судъ не обозначилъ долей, въ которыхъ наслѣдники должны были получить это имущество. Вслѣдствіе этого, братомъ покойнаго была принесена жалоба на опредѣленіе суда Въ ней проситель указываетъ, что волостной судъ долженъ былъ опредѣлить доли наслѣдства,—и именно ему опредѣлить шесть седьмыхъ, а вдовѣ одну седьмую,—на основаніи законовъ гражданскихъ. Иначе—говорилъ жалобщикъ—невозможно самое пользованіе землею...—„Какая у васъ земля?—общественная?"—спрашиваетъ его предсѣдательствующій уѣздный членъ.—„Выкупленная. Въ собственность выкуплена",—отвѣчаетъ жалобщикъ.—Существенное заявленіе это, однако, оставляется безъ вниманія—„Вы государственные крестьяне или помѣщичьи?"—задаетъ новый вопросъ жалобщику уѣздный членъ.—Жалобщикъ не понимаетъ...—„Отъ помѣщиковъ получили землю?"—переспрашиваетъ его уѣздный членъ.—„Отъ помѣщиковъ, отъ помѣщиковъ Мы были въ зависимости, значитъ"—отвѣчаетъ на сей разъ жалобщикъ.—На этомъ объясненія и прерываются. Съѣздъ, удалившись для совѣщанія, скоро выноситъ резолюцію приблизительно такого содержанія: „Волостной судъ поступилъ совершенно правильно. Онъ и не могъ опредѣлить долей, въ которыхъ земля слѣдовала просителямъ. Это—не его дѣло. На основаніи п. 5, ст. 51 Общаго положенія, только сельскій сходъ можетъ произвести раздѣлъ земли

къ такимъ дѣламъ, каждый разъ должны были, по требованію губернскаго присутствія, тѣ самыя учрежденія, которыя и постановляли отмѣняемыя рѣшенія... При этомъ самыя данныя, на которыхъ они основывали свои постановленія, доставлялись заинтересованною стороною. Понятно, что изъ этого не могло ничего выйти.

Какъ производилось выясненіе?—Описанная дѣятельность земскаго начальника на сходахъ представляетъ собою въ этомъ отношеніи еще наиболѣе сложный порядокъ разрѣшенія задачи. Обыкновенно это дѣлалось

вмѣстѣ съ семейнымъ раздѣломъ" Жалобщикъ, выслушавшій эту резолюцію,—въ явномъ недоумѣніи. —„Обратитесь къ сходу,—объясняетъ уѣздный членъ.—Онъ васъ раздѣлитъ" .. Присутствовать при разбирательствѣ другого подобнаго же дѣла пришлось мнѣ однажды въ московскомъ волостномъ судѣ, находящемся въ предѣлахъ Петербурга (Лиговка, д. 146). Дѣло о надѣльной землѣ, въ томъ числѣ объ усадебной. Къ владѣльцу, пользующемуся землею по утвержденному окружнымъ судомъ завѣщанію уже въ теченіе семи лѣтъ, предъявляетъ искъ наслѣдникъ, безъ предварительнаго признанія наслѣдственныхъ правъ.. Разбирательство.. Читается духовное завѣщаніе .—„Онъ не могъ передавать безъ схода",—говоритъ истецъ о завѣщателѣ.—„Свое передавалъ"—возражаетъ отвѣтчикъ—въ томъ числѣ усадьбу".. „А ты кормилъ его?"—спрашиваетъ онъ истца. — „Кормилъ". .—отвѣчалъ тотъ.—„Чѣмъ?"—Самое завѣщаніе, составленное покойнымъ въ пользу отвѣтчика, очевидно, являлось довольно часто встрѣчающеюся среди крестьянъ формою дара, съ условіемъ содержанія дарителя по смерть. Не имѣя возможности иначе распорядиться землею для собственнаго необходимаго обезпеченія, крестьяне прибѣгаютъ къ этой формѣ дара,—однако, также, повидимому, мало обезпечивающей во всѣхъ отношеніяхъ, по неопредѣленности правъ, пріобрѣтаемыхъ одаряемымъ...—„Ни тотъ, ни другой не кормили",—именно заявляетъ свидѣтель.—Судъ вынесъ слѣдующее рѣшеніе, безъ сомнѣнія, подъ давленіемъ предписанной ему практики: „передать на разрѣшеніе сельскаго схода"...—Минское губернское совѣщаніе, указывая на разсматриваемую, не опирающуюся на законъ, практику, предлагаетъ узаконить ее, „съ предоставленіемъ сходамъ права опредѣлять и части, подлежащія выдѣлу изъ недвижимаго имущества". Едва-ли, однако, можно согласиться съ подобнымъ предложеніемъ. Сельскіе сходы, въ особенности въ настоящемъ своемъ положеніи, совершенно неспособны выполнять новыя чисто судебныя обязанности. И въ крестьянской средѣ, для дѣлъ судебныхъ, должны существовать особыя соотвѣтствующія установленія. Простирать еще далѣе царящую здѣсь „патріархальность"—совершенно нежелательно. Практика, которую предлагается узаконить, и безъ того уже значительно усилила путаницу въ области весьма существенныхъ отношеній.

гораздо проще... Но и этотъ „сложный“ способъ слишкомъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя. Онъ не даетъ яснаго отвѣта на вопросъ.

Иначе и быть не можетъ. Вопросъ вовсе не такъ простъ, чтобы его могъ разрѣшить земскій начальникъ съ своими характерными пріемами. Онъ требуетъ и мѣстнаго изслѣдованія, и нѣкоторыхъ историко-юридическихъ изысканій. Но во всякомъ случаѣ, путемъ чисто теоретическимъ, путемъ разсмотрѣнія относящихся сюда законовъ, настоящій вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ гораздо правильнѣе, чѣмъ тѣмъ своеобразнымъ путемъ, который былъ принятъ земскимъ начальникомъ. Поэтому, нельзя не пожалѣть, что губернское присутствіе само не сдѣлало попытки теоретическаго разрѣшенія вопроса. Еще болѣе печально то, что свои опредѣленія по подобнымъ дѣламъ оно заключаетъ указаніемъ, что они „обжалованію правительствующему сенату не подлежатъ“. Этимъ самымъ, фактически, лишается возможности высказаться по настоящему вопросу и сенатъ. Тѣ лица, которыя получаютъ подобныя указанія губернскаго присутствія, и на самомъ дѣлѣ полагаютъ, что сенатъ для нихъ недосягаемъ. Между тѣмъ, это не такъ. Опредѣленія губернскаго присутствія по подобнымъ дѣламъ, несомнѣнно, подлежатъ обжалованію сенату, по точному смыслу статьи 126 пол. о зем. нач. [1]).

---

[1]) Въ указаніяхъ, преподанныхъ губернскимъ присутствіямъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ циркулярѣ отъ 16 мая 1892 г., съужается понятіе о дѣлахъ, „относящихся до поземельнаго устройства сельскихъ обывателей“, по которымъ, на основаніи ст. 126, губернскія присутствія постановляютъ рѣшенія неокончательныя, подлежащія обжалованію сенату. Циркуляръ, дѣлая общую ссылку на разъясненія сената, установляетъ двѣ категоріи поземельныхъ дѣлъ, изъ которыхъ дѣла одной категоріи, именно касающіяся приговоровъ обществъ, владѣющихъ и пользующихся землею на общинномъ началѣ, признаются окончательно рѣшаемыми губернскими присутствіями и не подлежащими дальнѣйшему обжалованію. Съ такимъ толкованіемъ трудно согласиться. И при общинномъ земледѣніи, рѣшеніе дѣлъ по приговорамъ сельскихъ сходовъ представляетъ подчасъ столь большія и важныя затрудненія, что дѣлаются крайне желательными вмѣшательство сената,—его безпристрастныя и компетентныя указанія. Но очевидно, что тамъ, гдѣ возбуждается сомнѣніе

XIV.

Какое же, въ самомъ дѣлѣ, землевладѣніе у тѣхъ крестьянъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь,—у бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ?

Вопросъ этотъ весьма существенъ и — что самое главное—характеренъ для общаго юридическаго положенія крестьянъ. Онъ существенъ, потому что отъ разрѣшенія его зависитъ множество дѣлъ,—дѣлъ, постепенно увеличивающихся и грозящихъ въ будущемъ большими осложненіями. Онъ *характеренъ* и потому, что изъ хода, получаемаго имъ на практикѣ, какъ однимъ изъ многихъ подобныхъ, довольно ярко обнаруживаются разнообразные недостатки дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, это и не есть вопросъ мѣстный. Заключая въ себѣ разныя стороны, имѣющія значеніе для всѣхъ разрядовъ крестьянъ, онъ, и ближайшимъ образомъ, касается не однихъ крестьянъ описываемой мѣстности, но группы весьма значительной. Онъ касается, прежде всего, бывшихъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ", къ которымъ принадлежатъ крестьяне описываемой мѣстности. А этихъ крестьянъ, по свѣдѣніямъ казенныхъ палатъ за 1857 г., считалось 151.895 ревизскихъ душъ мужского пола [1]). Сорокъ лѣтъ тому назадъ, свободныхъ

въ общинномъ характерѣ землевладѣнія, какъ именно это наблюдается здѣсь,—тамъ рѣшенія губернскаго присутствія суть неокончательныя и подлежатъ обжалованію—даже и согласно съ ограничительнымъ толкованіемъ упомянутаго циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ Практика, очевидно, понимаетъ этотъ циркуляръ такимъ образомъ, что законъ на дѣлѣ представляется еще болѣе ограничивающимъ число дѣлъ, допускающихъ обращеніе къ сенату Такая практика явно несостоятельна. Сенатомъ признаны подлежащими дальнѣйшему обжалованію даже и постановленія губернскаго присутствія о выдачѣ данныхъ на выкупленные отдѣльными домохозяевами земельные участки по ст 165 полож. о выкупѣ (рѣшенія отъ 13 ноября 1890 г. и отъ 9 апрѣля 1890 г; отъ 18 октября и 18 декабря 1891 г.: Горемыкинъ—„Сводъ", т I, ч. I, стр 772—774). Тѣмъ болѣе должны считаться подлежащими обжалованію сенату дѣла, возникающія изъ описываемыхъ отношеній.

[1]) В. Вешняковъ —„Крестьяне-собственники въ Россіи", стр 61.

хлѣбопашцевъ было, слѣдовательно, около полумилліона наличныхъ душъ. Нынѣ же, можно считать, число ихъ превышаетъ милліонъ. При всемъ томъ, бывшіе свободные хлѣбопашцы имѣются почти во всѣхъ губерніяхъ. Затѣмъ, этотъ же вопросъ до извѣстной степени касается однодворцевъ, вольныхъ людей, иностранныхъ выходцевъ Бессарабской области, именуемыхъ Рупта-де-Вистерія и Рупта-де-Камара, колонистовъ, поселенныхъ на пріобрѣтенныхъ ими въ собственность земляхъ, панцырныхъ бояръ, татаръ-поселянъ въ Таврической губерніи, малороссійскихъ казаковъ [1]). Настоящій вопросъ касается вообще крестьянъ-собственниковъ, которыхъ, по 8 ревизіи, числилось уже 130.607 душъ съ 722.570 дес. земли [2]).

Какъ же разрѣшается этотъ вопросъ? Сдѣлаемъ попытку его выясненія, опираясь отчасти и на данныя, заключающіяся въ описаныхъ сходахъ и въ дѣлахъ Кубиковой, Антипова, Штучкиныхъ.

XV.

„Свободные хлѣбопашцы“ явились съ изданіемъ закона 20-го февраля 1803 г. и выс. утв. на другой же день—21-го февраля—правилъ, преподанныхъ министру внутреннихъ дѣлъ въ руководство по исполненію этого закона. Права названнаго разряда крестьянъ донынѣ должны разрѣшаться, главнымъ образомъ, на основаніи этого закона, съ нѣкоторыми сдѣланными въ немъ потомъ дополненіями,—причемъ, однако, не всѣ дополненія касаются всѣхъ бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ: хлѣбопашцы, вышедшіе на волю до изданія нѣкоторыхъ дополненій, не подчиняются послѣднимъ, какъ законамъ, лишеннымъ обратной силы.

Закономъ же 20 февраля 1803 г., именно, предостав-

---

[1]) Т. IX, изд. 1857 г., ст. 616.
[2]) В. Вешняковъ, стр. 7.

лено было помѣщикамъ отпускать крестьянъ на волю цѣлыми селеніями съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность и съ составленіемъ актовъ, требовавшихъ высочайшаго утвержденія. Характерно было въ этомъ основномъ законѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ стремленіе сдѣлать освобождаемыхъ добровольно крестьянъ *личными собственниками* [1]).

---

[1]) Самый законъ 20 февраля 1803 г явился отчасти какъ бы въ развитіе и дополненіе закона 12 декабря 1801 г, возвратившаго всѣмъ свободнымъ крестьянамъ право пріобрѣтенія поземельной (незаселенной) собственности Объ этомъ послѣднемъ законѣ прямо упоминаетъ гр Румянцевъ, всеподданнѣйшее прошеніе котораго подало поводъ къ изданію закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ Нижеслѣдующія же слова гр Румянцева показываютъ также, какія ожиданія соединялъ онъ и съ закономъ 12 декабря 1801 г., и съ предметомъ своего ходатайства. „Предвѣрьемъ оно (то-есть возстановленное закономъ 12 декабря 1801 г. право пріобрѣтенія земельной собственности всѣми свободными состояніями въ государствѣ)—писалъ онъ—будетъ у насъ преобразованія, превышающаго учиненное Петромъ Великимъ. Тогда истреблялось насильственнымъ образомъ невѣжество,—состояніе, о которомъ могутъ быть пренія. Теперь же, Всемилостивѣйшій Государь, нечувствительно и безъ всякаго опасенія начаться можетъ постепенное уничтоженіе и самаго рабства, которое иноели что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе“ Но непосредственная цѣль всеподданнѣйшаго ходатайства гр Румянцева была очень скромна.. „Кажется, можно было бы установить—писалъ онъ,—что невозбранно никакому помѣщику, пользующемуся свободнымъ имѣніемъ, увольнять и цѣлыми селеніями, утверждая крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо, или же всю дачу за обществомъ на такихъ условіяхъ, кои согласуются съ государственными узаконеніями и кои полезными найдены будутъ обоюдно“ (В. Вешняковъ—„Крестьяне-собственники въ Россіи“, стр 14—15). Одно это предложеніе вызвало уже цѣлую бурю въ густыхъ рядахъ крѣпостниковъ того времени, когда, и по мнѣнію либеральнаго автора предложенія, о невѣжествѣ могли быть „пренія“.. Со стороны тѣхъ же крѣпостниковъ впослѣдствіи выставлено было всяческое противодѣйствіе осуществленію закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Отсюда слабое примѣненіе закона 20 февраля 1803 г. Оно было объяснено тѣмъ, что освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ на волю въ порядкѣ, установленномъ этимъ закономъ, должно было сопровождаться именно предоставленіемъ крестьянамъ земли въ собственность. И вотъ, по проекту гр. Киселева, впослѣдствіи, 2 апрѣля 1842 г., явился законъ объ „обязанныхъ крестьянахъ“, опредѣлившій добровольное освобожденіе помѣщиками крестьянъ безъ этого условія. Но и этотъ законъ получилъ весьма слабое примѣненіе. Помѣщики держались, очевидно, не за землю, а за личность крестьянина. Освобожденіе крѣпостныхъ и въ званіе „обязанныхъ крестьянъ“ встрѣчало

Отъ помѣщика, отпускающаго своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, именно требовалось, чтобы при заключеніи условій съ крестьянами онъ раздѣлилъ предоставляемую имъ земельную дачу такъ, „чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ въ виду опредѣленный свой участокъ, на который и планъ долженъ быть ему выданъ за подписаніемъ уѣзднаго землемѣра и помѣщика“ [1]).

Однако, это требованіе закона не всегда могло быть соблюдаемо. Такимъ образомъ, и въ актѣ, заключенномъ крестьянами описываемой мѣстности съ помѣщицею въ 1833 г., говорилось: „что же касается до означенія въ точности всего количества уступаемой мною по сему условію земли и раздѣленія оной на участки такъ, чтобы каждый изъ крестьянъ моихъ, въ условіе сіе входящихъ, имѣлъ опредѣленный свой участокъ земли,—я этого нынѣ сдѣлать не могу, а предоставляю самимъ увольняемымъ мною крестьянамъ сдѣлать сіе распоря-

крайнее противодѣйствіе въ крѣпостнической средѣ. Весьма яркимъ указаніемъ на это служитъ дѣло объ освобожденіи въ званіе „обязанныхъ крестьянъ“ княземъ М. С. Воронцовымъ своихъ крѣпостныхъ Несмотря на энергическое содѣйствіе со стороны гр. Киселева, либеральному князю удалось устроить по закону 2 апрѣля 1842 г. крестьянъ только по одному его имѣнію Мурино, находившемуся подъ Петербургомъ (А. Заблоцкій-Десятовскій—„Графъ Киселевъ и его время“, томъ II, стр. 265—276).

[1]) Т IX, изд. 1832 г., ст 443, п. 3 Первое полное собраніе законовъ, № 20625 (правила 21-го февраля 1803 г). „Это послѣднее условіе увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы весьма замѣчательно, — говоритъ г. Вешняковъ (стр. 24), изложивъ помянутое постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ,— ибо свидѣтельствуетъ, какъ глубоко проникнуты были законодатели превосходствомъ личнаго способа владѣнія землею надъ общиннымъ. Замѣчательна логическая послѣдовательность ихъ началъ. На правѣ крестьянъ покупать землю въ собственность основали они учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ, т. е. крестьянъ-собственниковъ; принявъ же въ основу учрежденія начало собственности, они не сдѣлали ея мірскою, сознавая, что безъ личной собственности—нѣтъ истинной собственности, ибо тамъ, гдѣ владѣетъ міръ, хотя и на правѣ собственности, никто въ отдѣльности не можетъ считать себя собственникомъ. Для каждаго изъ членовъ міра порознь право это фиктивно“ . Землевладѣніе на правѣ собственности—говоритъ г Вешняковъ далѣе (стр 75)—есть главное преимущество свободныхъ хлѣбопашцевъ и отличіе отъ другихъ земледѣльцевъ“.

женіе между собою, по взаимному соглашенію, полюбовно, безъ всякой обиды". Такого рода условія, тѣмъ не менѣе, были, повидимому, признаны противорѣчащими основной упомянутой цѣли закона 20 февраля 1803 г., и вотъ, новымъ закономъ 7 іюля 1838 г. было постановлено: „если помѣщикъ предоставляетъ своимъ крестьянамъ произвесть раздѣлъ уступленной въ собственность земли на участки, то обязанъ, при заключеніи условія, объяснить, въ какой именно срокъ и на какомъ основаніи должны они сей раздѣлъ сдѣлать, т. е. по количеству-ли внесеннаго за себя каждымъ крестьяниномъ при заключеніи условія выкупа, или по числу наличныхъ душъ, какое состояло при заключеніи условія, или же будетъ состоять при наступленіи помянутаго срока" [1]).

Согласно п. 7 закона 20 февраля 1803 г., „свободные хлѣбопашцы" вѣдаются судомъ и расправою въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и казенные крестьяне; по владѣніямъ же землею разбираются по крѣпостямъ, какъ владѣльцы недвижимой собственности" [2]). По смыслу закона, свободные хлѣбопашцы являлись, такимъ образомъ, именно личными собственниками, владѣльцами на общегражданскомъ правѣ полной собственности. Установлялось одно ограниченіе: „Земли, полученныя свободными хлѣбопашцами отъ помѣщиковъ въ собственность,—говорилось въ слѣдующемъ пунктѣ—по исполненіи заключенныхъ съ ними условій, они имѣютъ право продавать, закладывать и оставлять въ наслѣдіе, не раздробляя, однако же, участковъ менѣе восьми десятинъ" [3]).

Ограниченіе имѣло, такимъ образомъ, въ виду единственно сохраненіе хозяйственной цѣлости извѣстныхъ участковъ; уменьшеніе участка далѣе восьми десятинъ считалось лишающимъ его хозяйственнаго значенія,—и потому запрещалось. Но это касалось свободныхъ хлѣбопашцевъ, отпущенныхъ по закону 20 февраля 1803 г.,

[1]) В. Вешняковъ, 46; т. IX, изд. 1857 г., ст. 808, пунктъ 6.
[2]) т. IX, изд. 1857 г., ст. 459.
[3]) т. IX, изд 1857 г., ст. 460.

до изданія дополнительнаго закона 7 іюня 1838 г., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выполнившихъ всѣ свои обязательства передъ помѣщикомъ. Относительно же свободныхъ хлѣбопашцевъ, отпущенныхъ уже при дѣйствіи упомянутаго дополнительнаго закона, ограниченіе правъ на землю было значительнѣе. Этотъ законъ постановлялъ: „До совершенія свободными хлѣбопашцами раздѣла земли, или до минованія положеннаго на то въ условіи срока, никто изъ нихъ отдѣльно не можетъ отчуждать или передавать своего на оный права. Въ случаѣ смерти одного изъ крестьянъ, до раздѣла, бывшій во владѣніи его участокъ переходитъ къ наслѣдникамъ его, на основаніи существующихъ узаконеній, но только на правѣ владѣнія, а не на правѣ собственности. При раздѣлѣ же, оставшійся послѣ умершаго участокъ входитъ въ общую массу имѣющей быть раздѣленною земли,—и въ собственность наслѣдника поступаетъ лишь часть онаго участка, которая, по раздѣлу, причиталась бы на долю умершаго“ [1]).

Затѣмъ, въ учрежденіи сельскаго общественнаго управленія 30 апрѣля 1838 г., по проектамъ графа Киселева, постановлялось, что „государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ, сельское начальство завѣдываетъ на томъ же основаніи, какъ и прочими государственными крестьянами, съ различіемъ, которое проистекаетъ изъ владѣнія землею *на правѣ вотчинномъ*“ [2]) Сельскій сходъ, слѣдовательно, совершенно отстранялся отъ распоряженія землею отдѣльныхъ крестьянъ, какъ личныхъ собственниковъ. Такимъ же образомъ, личные собственники ограждались отъ вмѣшательства въ свое владѣніе и распоряженіе землею—отъ волостныхъ правленій, окружныхъ начальниковъ и палатъ государственныхъ имуществъ, — въ тѣхъ же самыхъ

---

[1]) Вешняковъ—„Крестьяне-собственники въ Россіи“, 46; т IX изд. 1857 г, ст. 827.

[2]) Т II, ч. I, изд. 1857 г., ст 4994.

выраженіяхъ, съ указаніемъ на ихъ *вотчинное право* [1]).

Но по смыслу закона 20 февраля 1803 г., пріобрѣтеніе отдѣльными лицами изъ числа свободныхъ хлѣбопашцевъ полнаго права собственности на землю наступало съ производствомъ раздѣла земли. Производился-ли раздѣлъ до и послѣ изданія дополнительнаго закона 7 іюля 1838 г.? По свидѣтельству г. Вешнякова, „большею частью“, вмѣсто раздѣла, свободные хлѣбопашцы „міромъ поставляли, вскорѣ по объявленіи имъ объ утвержденіи условій,—владѣть каждому изъ нихъ тѣмъ самымъ участкомъ земли, какимъ кто пользовался въ крѣпостномъ состояніи“ [2]). Какъ владѣть? Очевидно, *на правѣ частной собственности*. Это постановленіе *замѣняло обязательный раздѣлъ земли*. Оно и не могло имѣть иного значенія, кромѣ установленія владѣнія всегда опредѣленнымъ, хотя и не нанесеннымъ на планъ участкомъ земли. Сельское общество, волостное правленіе, впослѣдствіи окружной начальникъ и палата государственныхъ имуществъ—не могли вмѣшиваться въ землевладѣніе свободныхъ хлѣбопашцевъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ и бывало обыкновенно, крестьяне ограничивались такимъ приговоромъ, вмѣсто формальнаго раздѣла и составленія плановъ на отдѣльные участки.

19 февраля 1861 г. не могло измѣнить и не измѣнило положенія бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Оно ихъ вовсе не касалось, какъ крестьянъ свободныхъ, находившихся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ (а до образованія его,—министерства внутреннихъ дѣлъ).

Въ этотъ знаменательный день получили свободу всѣ помѣщичьи крестьяне,—и въ томъ числѣ тѣ изъ нихъ, объ увольненіи которыхъ, по особымъ договорамъ, въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на

---

[1]) Т II, ч. I, изд. 1857 г., ст: 4625, 3392, 3091, 1583, 1259.
[2]) 73.

собственныхъ земляхъ, *производились еще дѣла въ то время въ разныхъ установленіяхъ*. Выс. утв. 1 іюня 1861 г. положеніе главнаго комитета объ устр. сел. сост. и опредѣлило значеніе такихъ договоровъ въ томъ смыслѣ, что, за послѣдовавшимъ освобожденіемъ крестьянъ, договоры эти имѣютъ силу лишь относительно пріобрѣтенія увольняемыми крестьянамъ отъ помѣщиковъ земель въ собственность, — и что крестьяне эти подлежатъ причисленію къ разряду *крестьянъ-собственниковъ*, съ правами, установляемыми пол. о выкупѣ [1]). Только такихъ крестьянъ и коснулись законоположенія 19-го февраля 1861 г.

18 января 1866 г. всѣ государственные крестьяне были переданы въ вѣдѣніе уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій, образованныхъ 19 февраля 1861 г. для завѣдыванія дѣлами освобожденныхъ крестьянъ. Но и это не измѣнило, безъ сомнѣнія, поземельныхъ правъ бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Реформа касалась лишь учрежденій, завѣдывающихъ дѣлами сельскихъ обывателей. Но она вовсе не касалась ихъ правъ личныхъ, имущественныхъ, по состоянію. Во избѣжаніе же всякихъ недоразумѣній въ этомъ отношеніи, въ законѣ 18 января 1866 г. именно постановлялось: „государнымъ крестьянамъ сохраняются всѣ тѣ права, коими они доселѣ пользовались; а равно не отмѣняются и тѣ особыя преимущества, которыя дарованы нѣкоторымъ изъ состоящихъ въ вѣдомствѣ управленія государственными имуществами разряда сельскихъ обывателей, на основаніи особыхъ о каждомъ изъ нихъ положеній“ [2]).

Не иное значеніе имѣла и реформа 27 іюня 1874 г., равно какъ и послѣдняя реформа 12 іюля 1889 г.

Бывшіе свободные хлѣбопашцы, называясь нынѣ крестьянами-собственниками, остаются, поэтому, именно лич-

---

[1]) Первое полное собраніе законовъ № 37072 — Особое приложеніе къ т. IX, изд. 1876 г., прилож. къ ст. 33 пол. о вык.

[2]) Положенія о сельскомъ состояніи, изд. 1876 г.: полож. о госуд крестьянахъ, ст. I.

ными собственниками, собственниками въ полномъ и точномъ смыслѣ этого слова. Ни сельскіе сходы, ни земскіе начальники, ни уѣздные съѣзды, ни губернскія присутствія не могутъ вмѣшиваться въ ихъ землевладѣніе. Они ограждены въ этомъ отношеніи теперь точно такъ же, какъ были ограждены отъ прежняго сельскаго управленія, окружныхъ начальниковъ и палатъ государственныхъ имуществъ. Поземельныя дѣла бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ суть дѣла строго-судебнаго свойства. Они подсудны единственно общимъ судебнымъ учрежденіямъ. Вопросы о правахъ собственности на земли, пріобрѣтенныя ими отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ, могутъ разрѣшаться только окружными судами. Дѣла подобнаго рода не подлежатъ даже вѣдѣнію волостного суда, какъ разрѣшающаго споры и тяжбы лишь объ имуществѣ, „входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла“. Съ тѣмъ же вмѣстѣ, бывшіе свободные хлѣбопашцы, выполнившіе всѣ свои обязательства передъ бывшими помѣщиками, могутъ выходить изъ состава своихъ обществъ въ другія сословія, съ сохраненіемъ участковъ земли въ своей собственности [1]). Они обладаютъ этимъ правомъ личности, котораго лишены прочіе крестьяне, входящіе въ составъ сельскихъ обществъ и связанные круговою порукою въ платежахъ за землю.

XVI.

Изъ изложеннаго ясно, насколько неправильны дѣйствія земскаго начальника, вынуждавшаго у крестьянъ постановленія приговоровъ о землевладѣніи, вмѣсто соби-

[1]) Это именно съ особою ясностью вытекаетъ изъ дополнительнаго закона 22 сентября 1831 г., которымъ именно требовалось согласіе общества (и помѣщика) для тѣхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, которые не выполнили своихъ обязательствъ къ помѣщику. Они обязывались оставить и участки свои въ пользу общества, если изъ семей ихъ не оставалось въ обществѣ ни одного члена (т. IX, изд. 1832 г., ст. 467—472). Для свободныхъ хлѣбопашцевъ, выполнившихъ свои обязательства передъ помѣщикомъ, подобнаго ограниченія не существовало.

ранія свѣдѣній о самомъ характерѣ этого землевладѣнія въ описываемой мѣстности. Ясно также, насколько неправильны были дѣйствія сельскаго схода, волостного суда, земскаго начальника и уѣзднаго съѣзда въ дѣлахъ Кубиковой, Антипова, Штучкиныхъ. Если бы даже можно было признать относящимся къ мѣстнымъ крестьянамъ приведенное выше постановленіе закона 7 іюля 1838 г., то и тогда оказалось бы, что Кубиковъ могъ передать свою землю, хотя лишь на правѣ владѣнія, женѣ и дочерямъ. При всемъ же томъ, и этотъ законъ не установлялъ права распоряженія обществомъ землею, иначе какъ въ видѣ раздѣла ея. Накладка и скидка тяглъ, отобраніе земли — не могли совершаться обществомъ. Но даже и этотъ законъ не относится къ мѣстнымъ крестьянамъ. Съ одной стороны, они вышли въ свободные хлѣбопашцы въ 1833 году,—слѣдовательно, до его изданія. Съ другой же стороны, есть много основаній предполагать, что вскорѣ по выходѣ на волю, они, какъ это и было, по словамъ г. Вешнякова „въ большей части“ случаевъ, постановили владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣли при крѣпостномъ состояніи, и этимъ совершили требовавшійся отъ нихъ окончательный раздѣлъ земли на участки. Съ третьей же стороны, мѣстные крестьяне давно выполнили всѣ свои обязательства передъ помѣщицею.

Такъ разрѣшается вопросъ юридически. Иное, какъ видно, рѣшеніе получаетъ онъ фактически, при условіяхъ голой дѣйствительности...

Описанная дѣйствительность есть, такъ сказать, дѣйствительность сегодняшняго дня. И теперь возможно насильственное введеніе тѣхъ или иныхъ формъ землевладѣнія, вызывающихъ симпатіи начальства. Что же могло быть прежде? Формы крестьянскаго землевладѣнія, несомнѣнно, бывали часто „игралищемъ судьбы“. Ясно, поэтому, какъ необходимо оградить, хотя теперь, крестьянское землевладѣніе, — предоставивъ разрѣшеніе дѣлъ о поземельныхъ правахъ крестьянъ единственно судебной власти.

Въ заключеніе же, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ и о желательности для крестьянъ той или иной формы землевладѣнія. Какое землевладѣніе удовлетворяло бы въ наибольшей мѣрѣ интересамъ крестьянъ—общинное, подворное или личное? Вопросъ этотъ, обыкновенно, разрѣшается съ точки зрѣнія симпатій или антипатій авторовъ къ той или другой формѣ землевладѣнія. Но безъ сомнѣнія, рѣшающее значеніе въ немъ должно принадлежать самимъ крестьянамъ. Несообразно съ свойствомъ законныхъ пріобрѣтенныхъ ими правъ навязывать имъ опредѣленную форму землевладѣнія. Желающіе изъ числа ихъ могутъ оставаться при общинномъ землевладѣніи тамъ, гдѣ оно существуетъ, нежелающіе—должны получить право выдѣлиться и устраиваться по своему, по собственному усмотрѣнію. Не болѣе допустимо навязываніе крестьянамъ во что бы то ни стало общинной формы землевладѣнія. Нельзя дѣлать это даже съ точки зрѣнія предполагаемыхъ бытовыхъ и вѣковыхъ привычекъ народа. Не слѣдуетъ забывать объ условіяхъ, среди которыхъ жило крестьянство. Условія эти столь тяжки, что нельзя дорожить ни однимъ, и самымъ подлиннымъ, несомнѣннымъ продуктомъ ихъ. Нельзя, кстати, не привести замѣчаній К. Д. Кавелина по настоящему предмету. „Прежде всего,—говорилъ онъ,—отстранимъ идилліи на славянофильскія темы братства и любви, будто бы лежащихъ въ основѣ общиннаго землевладѣнія и составляющихъ характерное отличіе русскаго народа. Общинное землевладѣніе, въ теперешнемъ своемъ видѣ, есть тяжкое ярмо на шеѣ крестьянина, цѣпь, которая, вмѣстѣ съ подушною податью и круговою порукою, приковываетъ его къ землѣ и лишаетъ свободы. Устранимъ также и фантазіи соціальнаго свойства, будто общинное землевладѣніе заключаетъ въ себѣ зародышъ права всѣхъ и каждаго на равный надѣлъ землею. Такого химерическаго права вообще нѣтъ и быть не можетъ, и всего менѣе оно доказывается теперешнимъ общиннымъ землевладѣніемъ, въ которомъ равенство земельнаго надѣла

вытекаетъ изъ равенства налоговъ, тягостей и службъ и подавляетъ всю личную свободу и починъ отдѣльнаго лица. Устранимъ, наконецъ, и вздорные толки, будто наше общинное землевладѣніе есть коммунистическій институтъ,—пошлость, которую пустили въ ходъ иностранцы, не имѣющіе никакого понятія о бытѣ русскаго народа“... [1]).

---

[1]) „Крестьянскій вопросъ“, изд. 1882 г., стр 74.

Общественное устройство государственныхъ крестьянъ по законамъ 1838—1839 г.г., сравнительно съ устройствомъ крестьянъ помѣщичьихъ по положеніямъ 19 февраля 1861 г. [1]).

I.

По законамъ 1838 г., государственные крестьяне образовали изъ себя, прежде всего, сельскія общества, по возможности изъ каждаго селенія. Населеніе каждаго общества не должно было при этомъ превосходить 1500 ревизскихъ муж. пола душъ. Ближайшія между собою, малолюдныя селенія, коль скоро у нихъ было одно общее владѣніе землею, соединялись въ одно сельское общество,—но съ сохраненіемъ извѣстной доли своей самостоятельности. При значительной отдаленности отъ другихъ, селеніе, хотя бы и малолюдное, образовывало изъ себя отдѣльное сельское общество,—но съ нѣкоторымъ необходимымъ сокращеніемъ состава управленія. Государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ, образовывали изъ себя, по возможности, отдѣльныя сельскія общества.

Составляя сельское общество, данная группа крестьянъ объединялась въ немъ тремя различными, по своему свойству, учрежденіями: сельскимъ сходомъ, предназначавшимся для обсужденія общественныхъ дѣлъ, сельскими должностными лицами, предназначавшимися для

---

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ собою главу изъ подготовляемой къ печати монографіи, посвященной жизни и дѣятельности графа П. Д. Киселева.—Первоначально напечатанъ былъ въ №№ 6, 7 и 8 „Юридической Газеты“ за 1901 г.

исполнительныхъ дѣйствій, для непосредственнаго управленія дѣлами общества и, наконецъ, сельскою расправою, предназначавшеюся для разрѣшенія дѣлъ судебныхъ.

Сельскій сходъ составлялся, подъ предсѣдательствомъ сельскаго старшины,—изъ сельскаго старосты, сборщика податей, смотрителя хлѣбозапаснаго магазина и—выборныхъ. Выборные, какъ представители населенія, назначались по одному отъ каждыхъ пяти дворовъ. Но при раздѣлѣ общественныхъ земель, на сходѣ могъ участвовать каждый домохозяинъ непосредственно. Для разрѣшенія дѣлъ рекрутскихъ, сходъ сельскаго общества, равнымъ образомъ, составлялся изъ всѣхъ вообще домохозяевъ общества, а также и несостоящихъ домохозяевами родителей, попечителей и воспитателей лицъ, вносимыхъ въ призывные списки, и изъ самихъ призываемыхъ къ воинской повинности. Затѣмъ, когда какое либо дѣло касалось не всего сельскаго общества, а одного изъ селеній, изъ которыхъ состоитъ общество, то подобное дѣло и разрѣшалось на особомъ сельскомъ сходѣ, состоящемъ изъ всѣхъ домохозяевъ этого селенія.

Предметы вѣдомства сельскаго схода были довольно обширны: выборы въ должности по сельскому управленію; назначеніе крестьянскихъ дѣтей для приготовленія въ сельскіе и волостные писаря и оспопрививатели; увольненіе членовъ въ другія сословія и общества и разрѣшеніе переселеній; пріемъ въ общество другихъ лицъ; назначеніе опекуновъ къ сиротамъ, учетъ опекуновъ; раздѣлъ земель; распоряженіе общественными землями, лѣсами и оброчными статьями; разрѣшеніе пособій нуждающимся членамъ общества; совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ; назначеніе сборовъ на мірскіе расходы; раскладка податей, повинностей и мѣстныхъ сборовъ; мѣры взысканія недоимокъ; учетъ сборщика податей и смотрителя хлѣбозапаснаго магазина; различныя дѣла по рекрутской повинности; дача довѣ-

ренностей для хожденія по дѣламъ общества. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ дѣлъ, сходъ имѣлъ три раза въ году очередныя собранія въ опредѣленные сроки и, кромѣ того, чрезвычайныя собранія, созываемыя въ случаяхъ особой надобности съ разрѣшенія окружнаго начальника.

Явка на сходъ была обязательна для лицъ, изъ которыхъ онъ составлялся, но при этомъ указывались опредѣленныя причины, освобождавшія отъ явки. Предсѣдателемъ схода являлся сельскій старшина. Чинамъ палаты государственныхъ имуществъ прямо воспрещалось участвовать въ совѣщаніяхъ государственныхъ крестьянъ на сходѣ. Двѣ трети схода образовывали законный составъ его, при которомъ сходъ могъ разрѣшать всѣ дѣла, предоставленныя его вѣдѣнію. Самыя дѣла законнымъ составомъ схода разрѣшались по большинству голосовъ. По окончаніи занятій схода, каждый членъ имѣлъ право предлагать сельскому старшинѣ, для представленія на обсужденіе слѣдующаго схода, различные вопросы, касающіеся общественныхъ нуждъ его селенія. Постановляемые сходомъ приговоры читались вслухъ, немедленно вносились въ особую шнуровую книгу, скрѣплялись писаремъ и подписывались членами, согласными съ сдѣланными въ нихъ постановленіями. Содержаніе же состоявшихся приговоровъ объявлялось, затѣмъ, въ ближайшій праздникъ, въ церкви, во всеобщее свѣдѣніе. Въ теченіе четырехъ недѣль послѣ этого, каждый могъ обжаловать объявленный такимъ образомъ приговоръ. За истеченіемъ же означеннаго срока, необжалованный приговоръ схода получалъ полную и неизмѣнную законную силу. Но приговоры о мірскихъ расходахъ и о нѣкоторыхъ особо важныхъ мѣрахъ взысканія недоимокъ съ отдѣльныхъ плательщиковъ требовали утвержденія палаты государственныхъ имуществъ, прежде приведенія ихъ въ исполненіе.

Что касается, наконецъ, состава сельскаго общественнаго управленія, то въ общемъ, оно заключало въ

себѣ: сельскаго старшину, сельскаго старосту, сборщика податей и смотрителя хлѣбозапаснаго магазина. Сюда же примыкали, не называясь, однако, „сельскими начальниками“,—сельскій писарь, десятскіе и, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, полѣсовщики (предназначавшіеся для охраненія лѣсовъ). Существо власти, предметы вѣдомства, порядокъ дѣйствій всѣхъ „сельскихъ начальниковъ“ и другихъ должностныхъ лицъ—опредѣлялись при этомъ закономъ со всею точностью. Все воздѣйствіе на населеніе съ ихъ стороны ограничивалось, такъ сказать, словомъ закона. Право непосредственной карательной власти надъ подвѣдомственными лицами не принадлежало ни одному сельскому начальнику. Въ то же время служащіе утверждались въ должностяхъ палатою государственныхъ имуществъ и имѣли довольно опредѣленное и твердое служебное положеніе. Отвѣтственность по службѣ могла возникать для нихъ „на общемъ основаніи, опредѣленномъ для лицъ, состоящихъ на службѣ“. Никакого особаго произвола со стороны единоличной или коллегіальной власти въ отношеніи ихъ не допускалось. Должностныя лица сельскаго управленія знали одно закономѣрное повиновеніе. Никакой патріархальной зависимости отъ ближайшаго начальства для нихъ не существовало.

II.

Какъ видно, существенное отличіе описаннаго устройства сельскаго общества отъ того, какое было дано потомъ освобожденнымъ крестьянамъ, состоитъ въ извѣстной правильности распредѣленія крестьянъ между обществами, въ извѣстномъ численномъ однообразіи, полагавшемся въ основу организаціи сельскихъ обществъ. Помѣщичьи же крестьяне, на основаніи Общаго Положенія 19 февраля 1861 г., распредѣлялись между сельскими обществами по совершенно неопредѣленному, случайному, допускавшему чрезвычайное различіе по численности,

началу однопомѣстности: принадлежащіе одному помѣщику крестьяне образовывали одно сельское общество, было ли ихъ нѣсколько десятковъ тысячъ дворовъ,— составляли ли они малую часть одного селенія или же нѣсколько десятковъ селеній. Въ то же самое время здѣсь не полагалось никакихъ различій въ составѣ управленія, въ зависимости отъ указываемыхъ условій. Въ сельскомъ обществѣ изъ нѣскольскихъ дворовъ управленіе должно было имѣть такой же составъ, какъ и въ обществѣ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ дворовъ. При всемъ же томъ, не предоставлялось никакой самостоятельности, никакого права самоуправленія отдѣльнымъ селеніямъ, входившимъ въ составъ одного сельскаго общества, по принадлежности всѣхъ ихъ одному помѣщику. Такимъ образомъ, подчасъ, одно селеніе, состоящее изъ какого-нибудь десятка дворовъ, но принадлежавшее нѣсколькимъ помѣщикамъ, оказывалось, соотвѣтственно тому, раздѣленнымъ на нѣсколько сельскихъ обществъ, съ самостоятельными отдѣльными сходами, съ особымъ составомъ управленія въ каждомъ; и въ то же самое время нѣсколько десятковъ большихъ и малыхъ селеній, принадлежавшихъ одному помѣщику, оказывались составляющими одно сельское общество, вѣдающее дѣла всѣхъ селеній, при отсутствіи самостоятельности каждаго. Самоуправленіе среди освобожденныхъ крестьянъ сразу ставилось въ такія условія, при которыхъ оно дѣлалось мѣстами совершенно невозможнымъ.

Нельзя, можетъ быть, отнести къ преимуществамъ крестьянскаго общественнаго устройства по законамъ 1838 г. то, что сельскій сходъ состоялъ не изъ представителей отъ каждаго двора, а изъ представителей отъ каждыхъ пяти дворовъ. Но какъ видно, сходъ и здѣсь не всегда состоялъ изъ „пятидворныхъ“. Въ важнѣйшихъ случаяхъ, въ составъ сельскаго схода входили всѣ домохозяева и даже вообще лица заинтересованныя въ разсматриваемыхъ дѣлахъ; сходы же отдѣльныхъ селеній, по дѣламъ, касающимся этихъ селеній, и всегда были

подворными. А такъ какъ сельское общество, по законамъ 1838 г., равнялось приблизительно волости, по законамъ 1861 г., а отдѣльное селеніе съ его правами самостоятельной юридической жизни, по законамъ 1838 г., соотвѣтствовало сельскому обществу, по положенію 1861 г.,—то, слѣдовательно, представительство въ области самоуправленія государственныхъ крестьянъ допускалось, въ сущности въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели среди крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости.

Далѣе, какъ видно, составъ сельскихъ сходовъ государственныхъ крестьянъ представлялся довольно устойчивымъ. Сходы не были здѣсь никогда настолько многочисленны, чтобы обсужденіе дѣлъ было невозможно. Равнымъ образомъ, никогда не были они и настолько малочисленъ, чтобы самоуправленіе утрачивало всякій смыслъ, по крайнему несоотвѣтствію задачъ, правъ и обязанностей, возложенныхъ на его учрежденія, и по самому составу этихъ учрежденій. Но именно въ такихъ неблагопріятныхъ въ томъ или иномъ отношеніи условіяхъ находилось сельское самоуправленіе, созданное среди освобожденныхъ крестьянъ. Въ постановкѣ послѣдняго наблюдались еще и разные другіе существенные недостатки. Въ составъ схода сельскаго общества должны были входить домохозяева. Но при этомъ не опредѣлилось ни положеніе женщинъ, ни положеніе безземельныхъ членовъ общества. Оттого, ни тѣ, ни другіе, будучи подчасъ весьма заинтересованы въ дѣятельности сходовъ, какъ отражавшейся существенно и на нихъ,—не участвовали въ нихъ во многихъ мѣстахъ. Явка на сходъ не была сдѣлана закономъ обязательною. Но сходы очень часто могли оказываться не имѣющими законнаго состава,—и на практикѣ водворилось примѣненіе административныхъ взысканій къ лицамъ, не являющимся на сходъ безъ установленія какихъ-либо опредѣленныхъ причинъ, которыя освобождали бы ихъ отъ явки. Для обезпеченія законности состава схода въ численномъ

отношеніи, установлена была въ 1875 году передача голоса однообщественнику домохозяиномъ, отлучающимся болѣе нежели на полгода. На дѣлѣ, такая передача, въ подобномъ случаѣ признана была обязательною во многихъ мѣстахъ. Сходы оказывались очень часто состоящими изъ членовъ, которые обладали двумя голосами-каждый и являлись представителями отъ двухъ дворовъ, но не по избранію, не въ порядкѣ осуществленія публичнаго права, а по передовѣрію, по частному уполномочію, принимаемому за деньги, составлявшія для довѣрителя родъ налога. Публичныя отношенія получали частно-правный характеръ. Между тѣмъ, передача голоса сосѣду-однообщественнику сократила представительство на сходѣ интересовъ двора другими его членами и, между прочимъ, устранила въ значительной степени женщину отъ участія въ сельскомъ самоуправленіи. Такъ или иначе, во многихъ сельскихъ обществахъ сходы оказывались состоящими изъ нѣсколькихъ сотъ и даже изъ нѣсколькихъ тысячъ домохозяевъ. Между тѣмъ, если еще возможно обсужденіе дѣлъ при двухстахъ членахъ, то за этими предѣлами оно дѣлается крайне затруднительнымъ и даже невозможнымъ. Составленіе приговоровъ является въ такихъ случаяхъ дѣломъ чисто-формальнымъ, не основаннымъ на сознательномъ участіи въ немъ членовъ схода. Въ концѣ концовъ, невыгодная на иной взглядъ сторона крестьянскаго общественнаго устройства по законамъ 1838 г. оказывается болѣе благопріятной, сравнительно съ сельскимъ общественнымъ устройствомъ, по положеніямъ 1861 г.

Предметы вѣдомства сельскаго схода государственныхъ крестьянъ были не болѣе (но и не менѣе) обширны, чѣмъ предметы вѣдомства сельскаго схода крестьянъ освобожденныхъ. Но у первыхъ предметы эти были опредѣлены съ большею ясностью и подробностью,—и оттого, въ свою очередь, вѣдомство схода представлялось здѣсь болѣе устойчивымъ. Сходъ государственныхъ крестьянъ всегда зналъ, на что онъ уполномоченъ зако-

номъ и на что не уполномоченъ,—и оттого могъ дѣйствовать всегда свободно, самостоятельно, твердо. Сходу сельскаго общества были даны въ руководство особые, въ законодательномъ порядкѣ выработанные, наказы о порядкѣ исполненія обязанностей и осуществленія правъ. Наказы же сходу освобожденныхъ крестьянъ могла давать низшая административная власть, неподчиненная даже въ этомъ отношеніи особому контролю. Самостоятельность сельскаго самоуправленія государственныхъ крестьянъ ограждалась и тѣмъ, что представителямъ административной власти, стоявшей надъ ними, прямо воспрещалось присутствовать на сходахъ, принимать въ нихъ участіе. Такого воспрещенія не заключали въ себѣ ни законоположенія 1861 г., ни послѣдующія узаконенія. Оно лишь подразумѣвалось само собою. Отсюда же—принятое мировыми посредниками, потомъ непремѣнными членами уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и въ особенности въ позднѣйшее время земскими начальниками — обыкновеніе присутствовать на крестьянскихъ сходахъ, предсѣдательствовать на нихъ, рѣшать дѣла по собственному усмотрѣнію, путемъ приказанія составить тотъ или иной приговоръ. Не говоримъ уже о цѣломъ рядѣ другихъ постановленій, особенно увеличившихся въ 1889 г.,—ограничивавшихъ въ томъ или другомъ отношеніи самостоятельность сходовъ. Въ то время, какъ о сельскихъ сходахъ государственныхъ крестьянъ можно было говорить, какъ объ органахъ самоуправленія, пользовавшихся извѣстною самостоятельностью, безъ которой немыслимо самое самоуправленіе,—сельскіе сходы освобожденныхъ крестьянъ, въ особенности съ точки зрѣнія позднѣйшихъ узаконеній, не могли быть совершенно приравнены къ органамъ этого вида мѣстнаго управленія.

Сходами государственныхъ крестьянъ личность не подавлялась, затѣмъ, въ такой степени, въ какой это допускалось положеніями 1861 г. Права лишать кого-либо голоса и отдавать въ распоряженіе правительства для

ссылки въ Сибирь, предоставленнаго сходу освобожденныхъ крестьянъ, не было у схода крестьянъ государственныхъ. Среди послѣднихъ могъ возникать лишь вопросъ объ удаленіи какого-либо члена изъ общества, для отдачи въ рекруты или для переселенія въ другія губерніи,—но и то не прямо, не непосредственно, а послѣ цѣлаго ряда воздѣйствій, съ помощью судебной власти, на порочнаго члена. Самый этотъ вопросъ ставила и передавала на разрѣшеніе схода судебная власть,—сельская расправа. Принимались, затѣмъ, мѣры къ правильному и нелицепріятному разрѣшенію этого вопроса на сходѣ. Приговоръ долженъ былъ быть подробно мотивированъ и провѣренъ опять сельскою расправою. Далѣе, приговоръ передавался въ палату государственныхъ имуществъ и, съ ея заключеніемъ, къ губернатору. Въ теченіе же всего этого времени заинтересованное лицо, остававшееся на свободѣ, могло приносить свои жалобы, оправдываться, защищаться. Такимъ образомъ, личность государственнаго крестьянина была даже болѣе гарантирована отъ дисциплинарной власти сельскаго общества, чѣмъ личность дворянина отъ своего сословнаго общества. Нечего и говорить о той пропасти, которая отдѣляла описанный въ краткихъ чертахъ, по подробнымъ опредѣленіямъ въ законѣ, порядокъ исключенія изъ сельскаго общества государственнаго крестьянина — отъ указаннаго въ положеніяхъ 1861 г. порядка отдачи сельскимъ обществомъ въ распоряженіе правительства „для ссылки прямо въ Сибирь“, по инициативѣ самого общества или по требованію помѣщика, съ возможностью заключенія въ тюрьму осуждаемаго съ самаго перваго момента постановленія объ этомъ приговора со стороны схода. Полный произволъ, который могъ здѣсь обнаруживаться, въ особенности на почвѣ односложныхъ опредѣленій со стороны закона предмета столь важнаго, возможность подавленія личности и совершенія злоупотребленій—все это довольно ярко обнаружилось на томъ, что впослѣдствіи сенату пришлось разъяснить губернскимъ по кресть-

янскимъ дѣламъ присутствіямъ, что сельскія общества не могутъ исключать изъ своей среды единственно потому, что данное лицо можетъ совершить въ будущемъ кражу или иное преступленіе или потому, что общество боится подвергнуться за него денежному взысканію [1]).

Какъ податная единица, отвѣтствовавшая по круговой порукѣ въ платежахъ, сельское общество среди государственныхъ крестьянъ также не подавляло личности крестьянина въ той мѣрѣ, въ какой это было допущено относительно бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мѣры взысканія недоимокъ, установленныя законодательствомъ 1838 г, правда, были довольно строги, не имѣли чисто-вещнаго характера и направлялись, частью, на личность плательщика; но эти мѣры, все же не доводились до ограниченія его въ общихъ правахъ состоянія, до назначенія надъ нимъ опеки, до замѣны домохозяина другимъ членомъ семьи,—какъ это установлялось относительно освобожденныхъ крестьянъ законодательствомъ

---

[1]) Сборники рѣшеній сената по крест дѣламъ, изд. Данилова: рѣшенія отъ 17 сентября 1879 г и отъ 25 мая 1882 г. Впослѣдствіи, когда, по закону 18 января 1866 г., самоуправленіе среди государственныхъ крестьянъ было перестроено по образцу общественнаго управленія освобожденныхъ крестьянъ, возникъ существенный вопросъ. могутъ ли вновь образующіяся среди нихъ общества ссылать своихъ порочныхъ членовъ безъ предварительнаго примѣненія къ нимъ исправительныхъ мѣръ и вообще въ томъ порядкѣ, который долженъ былъ соблюдаться среди нихъ даже для того, чтобы обречь сочлена на переселеніе въ другую губернію, а не „для ссылки прямо въ Сибирь“. Консультація, при министрѣ юстиціи учрежденная, разрѣшила этотъ вопросъ отрицательно, найдя, что государственные крестьяне упомянутою реформою не были лишены своихъ особенныхъ правъ („Указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ консультаціею за 1866—1877 г г“, стр. 108) Но Выс. утв 22 апрѣля 1877 г положеніемъ соединеннаго засѣданія департамента законовъ государственнаго совѣта и главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія признаны были отмѣненными въ 1866 г. всѣ гарантіи, существовавшія въ настоящемъ отношеніи для государственныхъ крестьянъ (Сборникъ рѣшеній сената по крест. дѣламъ за 1862—1879 г.г, изд. Данилова, изд. I, стр. 32). Это одно изъ самыхъ яркихъ указаній на свойство реформы, постигшей государственныхъ крестьянъ въ 1866 г. послѣ оставленія Киселевымъ министерства государственныхъ имуществъ.

1861 г. Въ то же самое время, за неисправность въ платежахъ, и общество, въ его цѣломъ или въ лицѣ его выборныхъ представителей, не могло страдать въ такой мѣрѣ, въ какой это допускалось относительно сельскаго общества крестьянъ освобожденныхъ; у общества государственныхъ крестьянъ не могло быть продано за недоимки недвижимое имущество, пріобрѣтенное даже крѣпостнымъ порядкомъ, между тѣмъ, изъ неисправнаго недоимочнаго общества освобожденныхъ крестьянъ предписывалось никого не отпускать по паспортамъ, не возобновлять паспортовъ отсутствующимъ, подвергать должностныхъ лицъ дисциплинарнымъ взысканіямъ и даже замѣнять избранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ другими, по назначенію административной власти; съ тѣмъ вмѣстѣ довольно широко могло быть продаваемо общественное имущество. Разница во всѣхъ этихъ отношеніяхъ между положеніемъ государственныхъ крестьянъ и крестьянъ освобожденныхъ выступаетъ еще рѣзче, если принять во вниманіе, что надѣлы государственныхъ крестьянъ были значительно больше, чѣмъ надѣлы крестьянъ помѣщичьихъ; что вмѣстѣ съ тѣмъ платежи государственныхъ крестьянъ приводились, во время управленія Киселевымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, въ извѣстное соотвѣтствіе съ цѣнностью и доходностью ея путемъ кадастра,—платежи же освобожденныхъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ за землю не находились въ необходимомъ соотвѣтствіи съ ея цѣнностью и доходностью,—напротивъ, обыкновенно превосходили въ весьма значительной степени цѣнность и доходность земли и заключали въ излишней своей части выкупъ крестьянами ихъ личной свободы, вознагражденіе помѣщиковъ за лишеніе даровой рабочей силы—„души“.

Само по себѣ общество государственныхъ крестьянъ не было единственно даровымъ органомъ финансоваго управленія или даровымъ органомъ собиранія оброковъ въ пользу частнаго лица, какимъ являлось общество крестьянъ освобожденныхъ. Прежде всего, во всякомъ

случаѣ, оно было органомъ самоуправленія съ извѣстнымъ правомъ самообложенія, съ внутренними нуждами, которыя должны были удовлетворяться, преимущественно, общими силами, на общій счетъ. Платежи, поступавшіе съ государственныхъ крестьянъ, должны были зачитываться прежде всего на покрытіе мірскихъ расходовъ. Лишь послѣ того удовлетворялись земскіе сборы и государственныя подати. Такъ же точно взыскивались и недоимки.—Ничего подобнаго не было въ постановленіяхъ объ освобожденныхъ крестьянахъ. Тамъ, сельское общество, какъ даровой органъ собиранія платежей въ пользу частнаго лица, а съ переходомъ на выкупные платежи, какъ даровой органъ финансоваго управленія, должно было удовлетворять сначала помѣщичьи и государственныя повинности. Для этого создавалось, можно сказать, и самоуправленіе среди освобожденныхъ крестьянъ. Чрезъ его посредство явно имѣлось въ виду получать съ наибольшимъ успѣхомъ весьма высокіе платежи, въ которыхъ отдѣльный плательщикъ не могъ бы оказываться, за весьма рѣдкими исключеніями, состоятельнымъ, исправнымъ, которые иначе не могли бы быть съ него получены,—и кромѣ того, для того, чтобы возлагать на самихъ крестьянъ многое, что отдѣльно на каждаго не могло бы быть возложено,—въ частности же, возлагать на нихъ самыя издержки по взиманію податей, сборовъ и оброковъ, долженствующія, между тѣмъ, всегда падать на ту сторону, въ пользу которой предназначаются данные платежи. Съ этою цѣлью, противъ общества установливался рядъ всевозможныхъ воздѣйствій. О преимуществахъ мірскихъ сборовъ вовсе не упоминалось. Они явно стояли на послѣднемъ планѣ, хотя изъ тѣхъ же сборовъ должны были оплачиваться и издержки по взиманію платежей въ пользу государства или частнаго лица, лежавшихъ на обществѣ. Для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, крестьяне должны были напрягать уже свои послѣднія силы...

Какъ уже сказано, болѣе независимо поставленныя

отъ ближайшаго начальства должностныя лица сельскаго самоуправленія среди государственныхъ крестьянъ не имѣли непосредственной карательной власти надъ подвѣдомственными лицами. Между тѣмъ, освобожденные крестьяне подчинялись въ этомъ отношеніи полнѣйшему произволу со стороны своихъ общественныхъ властей. Послѣднія могли наказывать ихъ за все, соблюдая лишь извѣстную опредѣленную мѣру,—за все, что имъ угодно было признавать дѣйствіемъ наказуемымъ. Они могли при этомъ примѣнять къ подвѣдомственнымъ крестьянамъ свою карательную власть безъ всякаго производства, безъ всякаго предварительнаго, хотя бы и самаго несовершеннаго, установленія вины. Широки были опредѣленія закона въ этомъ отношеніи. Еще болѣе широко понимаетъ ихъ практика. Отвѣтственность освобожденныхъ крестьянъ передъ судебною властью могла сводиться вполнѣ къ нулю въ области маловажныхъ проступковъ. Судъ могъ быть замѣняемъ здѣсь совершенно административнымъ, упрощеннымъ воздѣйствіемъ. Административной власти предоставлялось даже весьма широкое вліяніе на чисто гражданскія отношенія крестьянъ. Прежде всего, многія дѣла чисто судебнаго свойства разрѣшались административною властью. Затѣмъ, законовъ и въ этомъ отношеніи точно и ясно не указывалось. Здѣсь долженъ былъ дѣйствовать обычай,—котораго, однако, не было и быть не могло у крестьянъ, составлявшихъ передъ освобожденіемъ „живую собственность“ частныхъ лицъ.—Между тѣмъ, на государственныхъ крестьянъ распространялись общіе законы. Ихъ собственнымъ выборнымъ должностнымъ лицамъ не предоставлялось никакой карательной власти надъ ними. Государственные крестьяне должны были отвѣчать за свои проступки единственно по суду и закону. Закономъ опредѣлялось съ извѣстною точностью и для нихъ, что воспрещено и что дозволено. Порядокъ судебной—единственно, судебной—отвѣтственности для нихъ былъ, правда, несложенъ, не представлялъ достаточныхъ гарантій, но все же, лич-

ность крестьянина не унижалась формою дисциплинарной отвѣтственности передъ властью, могущей дѣйствовать только произвольно. Притомъ сельская расправа вѣдала лишь самыя незначительныя дѣла. Надъ нею стояла вторая инстанція,—волостная расправа; но и та дѣйствовала, большею частью, въ порядкѣ примиренія. Еще до судебной реформы 1864 г., для государственныхъ крестьянъ существовала, такимъ образомъ, до извѣстной степени законом'ѣрная свобода, законом'ѣрное повиновеніе. Между тѣмъ, освобожденные крестьяне (а съ ними потомъ и всѣ прочіе разряды сельскихъ обывателей, на которыхъ были распространены положенія 19 февраля 1861 г.) лишены были преимущества судебной отвѣтственности въ то время даже, когда существовали новыя судебныя установленія со всѣми ихъ гарантіями. . для лицъ высшихъ сословій.

Понятно, что при всѣхъ такихъ условіяхъ, свободно предоставлялось, какъ выходить изъ общества государственныхъ крестьянъ, такъ и вступать въ него. Въ особенности не могло быть задержекъ въ отношеніе выхода изъ общества, потому что увольненіе не означало для лица освобожденія отъ чрезм'ѣрно-тяжелыхъ обязанностей, съ возложеніемъ ихъ, вслѣдствіе круговой поруки, на все общество, на всѣхъ остающихся въ составѣ его членовъ. Нынѣ возникаютъ вопросы о всесословной волости. Нѣтъ и помина пока о всесословномъ обществѣ, хотя собственно всесословная волость не можетъ существенно измѣнить недостатки нынѣшняго положенія вещей. Между тѣмъ сельское общество бывшихъ государственныхъ крестьянъ, еще въ сороковыхъ годахъ, представлялось всесословнымъ. Въ составъ его могли входить, не утрачивая, безъ сомнѣнія, своихъ особенныхъ правъ, дѣти личныхъ дворянъ, имѣвшія право на потомственное почетное гражданство, и лица, получившія по службѣ, по чину, личное почетное гражданство.

III.

Въ губерніяхъ прибалтійскихъ и западныхъ самоуправленіе среди государственныхъ крестьянъ ограничивалось сельскимъ. Въ прочихъ же губерніяхъ имѣлась, нѣкоторымъ образомъ, вторая степень мѣстнаго крестьянскаго самоуправленія. Она выражалась въ волости. Нѣсколько ближайшихъ другъ къ другу сельскихъ обществъ—съ населеніемъ не свыше шести тысячъ—образовывали волостное общество. Волостными установленіями при этомъ являлись волостной сходъ, волостное правленіе, въ составѣ волостного головы и двухъ засѣдателей, и волостная расправа, составлявшаяся изъ двухъ добросовѣстныхъ, подъ предсѣдательствомъ волостного головы. При волостномъ правленіи, кромѣ того, состояли, волостной писарь и кандидаты къ нему изъ крестьянскихъ мальчиковъ. По характеру же и распредѣленію обязанностей и правъ между волостными установленіями, волость среди государственныхъ крестьянъ представляла существенныя особенности по сравненію съ волостью, явившеюся 19 февраля 1861 г.

Главнымъ установленіемъ являлось волостное правленіе; вѣдомство его было довольно обширно; оно обнимало слѣдующіе предметы, слѣдующіе виды дѣлъ, подробно, съ точностью, въ законѣ опредѣленные и развитые: дѣла по устройству сельскаго и волостного управленія; дѣла по народосчисленію; содѣйствіе къ охраненію порядка и учрежденій правительства; содѣйствіе къ сохраненію безопасности лицъ и имущества; дѣла, относящіяся до гражданскаго состоянія государственныхъ крестьянъ; содѣйствіе мѣрамъ врачебнаго благоустройства; дѣла по части обезпеченія народнаго продовольствія; дѣла по части податей и повинностей; дѣла хозяйственнаго управленія сельскими обществами и пр. Съ точки зрѣнія всѣхъ предметовъ вѣдомства, на него возложенныхъ, существеннѣйшимъ назначеніемъ волостного правленія былъ надзоръ за сохраненіемъ въ подвѣдомствен-

ныхъ ему сельскихъ обществахъ установленнаго порядка и за исполненіемъ обязанностей со стороны крестьянъ и подчиненныхъ правленію сельскихъ начальниковъ. Волостному правленію прямо воспрещалось вмѣшательство въ дѣла сходовъ; но по свойству своей власти, оно могло и должно было разсматривать правильность дѣйствій и распоряженій подвѣдомственныхъ ему сельскихъ начальствъ: производить осмотръ и повѣрку состоянія разныхъ частей сельскаго управленія, обращать каждаго въ кругъ его обязанностей и принимать мѣры противъ незаконныхъ распоряженій, исправлять упущенія и неустройства, прекращать злоупотребленія и пр.,—руководясь притомъ строго опредѣленными постановленіями закона, обезпечивавшими самому волостному управленію твердость и правильность дѣйствій, соблюденіе предѣловъ собственной власти и законнаго порядка дѣйствій. Въ такомъ видѣ волостное правленіе являлось, слѣдовательно, скорѣе извѣстнымъ правительственнымъ установленіемъ, нежели органомъ самоуправленія, какъ мы понимаемъ послѣднее съ точки зрѣнія существовавшихъ и существующихъ до сихъ поръ его видовъ. Оно представляло собою мѣстное низшее установленіе министерства государственныхъ имуществъ. Это явствовало, между прочимъ, и изъ того, что къ волости и къ вѣдомству волостного правленія приписывались смежныя, казенныя не заселенныя земли и оброчныя статьи, за исключеніемъ лѣсовъ. Волостное правленіе наблюдало за цѣлостью этихъ государственныхъ имуществъ и за правильностью ихъ эксплуатаціи. Но, имѣя характеръ правительственнаго установленія, по свойству и степени власти и по предметамъ вѣдомства, волостное правленіе было въ то-же самое время, по своему составу, установленіемъ выборнымъ, образовывавшимся изъ среды самого населенія. Послѣднее призывалось въ этомъ случаѣ къ несенію прямыхъ государственныхъ задачъ. Сельскіе сходы назначали по три кандидата на каждую должность по волостному управленію,—и изъ числа этихъ кандидатовъ волостной сходъ назначалъ, пу-

темъ закрытой баллотировки, волостного голову, засѣдателей, добросовѣстныхъ и пр. Окружной начальникъ, въ свою очередь, представлялъ палатѣ государственныхъ имуществъ списокъ избранныхъ съ своимъ заключеніемъ о законности производства выборовъ и съ приложеніемъ подлинныхъ приговоровъ. Палата утверждала по одному лицу въ должностяхъ и по два лица назначала кандидатами. Такимъ образомъ, прежнее волостное правленіе по законамъ 1838 г. представляло собою совершенно исключительное явленіе среди нашихъ учрежденій; оно было установленіемъ правительственнымъ, съ правительственными задачами, организованнымъ на выборномъ началѣ изъ среды населенія. Съ этой точки зрѣнія, оно представляло собою дальнѣйшую ступень мѣстнаго самоуправленія и стоитъ выше всѣхъ существующихъ установленій послѣдняго, по степени участія общественныхъ силъ въ разрѣшеніи правительственныхъ задачъ.

Другою особенностью волостного правленія среди государственныхъ крестьянъ, по сравненію съ волостнымъ правленіемъ, созданнымъ среди крестьянъ освобожденныхъ, являлось то, что первое представляло собою строго коллегіальное установленіе. Волостной голова былъ предсѣдателемъ волостного правленія; онъ предлагалъ дѣла на обсужденіе членовъ правленія, и дѣйствовать могъ лишь съ согласія прочихъ членовъ. Между тѣмъ, волостное правленіе по положеніямъ 1861 г. является по своему устройству установленіемъ бюрократическимъ: нѣкоторыя, весьма немногія, дѣла разрѣшаются имъ коллегіально; по всѣмъ же прочимъ волостной старшина только совѣтуется съ правленіемъ, но дѣйствовать можетъ по собственному усмотрѣнію. Затѣмъ, никакой карательной власти не было предоставлено членамъ волостного правленія надъ государственными крестьянами. Личность государственнаго крестьянина ограждалась отъ подобнаго воздѣйствія и со стороны волостныхъ начальниковъ. Государственный крестьянинъ отвѣчалъ только передъ судомъ, за опредѣленную вину, въ опредѣленномъ по-

рядкѣ, общемъ для лицъ всѣхъ сословій. Между тѣмъ, по положеніямъ 19 февраля 1861 г., карательная власть вручалась надъ крестьянами и волостному старшинѣ, кромѣ сельскаго старосты.

Правительственный характеръ волостного правленія весьма мало измѣнился и назначеніемъ волостного схода. Послѣдній, составляясь изъ выборныхъ отъ каждыхъ двадцати дворовъ, предназначался единственно для производства волостныхъ выборовъ и для дѣлъ рекрутскихъ,—между прочимъ же, для разрѣшенія жалобъ и просьбъ на рѣшенія сельскихъ сходовъ по этимъ послѣднимъ дѣламъ. Волостной сходъ представлялъ собою, такимъ образомъ, родъ избирательнаго собранія, предназначавшагося для замѣщенія должностей въ низшемъ правительственномъ установленіи.

Итакъ, самоуправленіе среди государственныхъ крестьянъ сосредоточивалось въ сельскомъ обществѣ, не имѣвшемъ строго сословнаго, совершенно замкнутаго состава и характера. Это весьма существенно. Можно желать дальнѣйшаго развитія самоуправленія. Но несомнѣнно, что, прежде всего, оно должно быть обезпечено и наиболѣе широко и наилучшимъ образомъ устроено здѣсь, въ сельскомъ обществѣ. Это—клѣточка самоуправленія. Больна клѣточка,—не можетъ быть здорова и вся ткань. Съ этой же точки зрѣнія, не могутъ вызывать полнаго сочувствія возникающія нынѣ разсужденія о всесословной волости, о лучшей организаціи и усовершенствованіи волостного самоуправленія, съ забвеніемъ о самоуправленіи сельскомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если сельское общество съ его настоящими обширными правами и обязанностями, но при полномъ нынѣшнемъ неустройствѣ, останется безъ измѣненій,—то самая лучшая организація волостного самоуправленія не принесетъ ничего,—или очень мало.

IV.

Организація волостной расправы, какъ второй инстанціи, состоящей изъ двухъ добросовѣстныхъ, подъ предсѣдательствомъ волостного головы, не представляется совершенною. Но, во-первыхъ, волостная расправа вѣдала самыя незначительныя дѣла,—нѣкоторые опредѣленно указанные, предусматривавшіеся въ уложеніи о наказаніяхъ проступки, а равно гражданскія дѣла на сумму не свыше 15 рублей. Во-вторыхъ, она дѣйствовала, все же, въ порядкѣ, довольно точно опредѣленномъ закономъ, и въ ряду существовавшихъ въ то время, до судебной реформы 1864 г. судебныхъ установленій, далеко не представлялась установленіемъ менѣе удовлетворительно, чѣмъ другія, выполнявшимъ свое назначеніе. Оцѣнивать же организацію судебной части среди государственныхъ крестьянъ нужно, конечно, сравнительно съ дореформеннымъ судомъ. Нельзя требовать, чтобы устройство судебной части по маловажнымъ дѣламъ среди государственныхъ крестьянъ было совершенно въ то время, когда общія судебныя установленія отличались „неправдой черной". Организованный среди государственныхъ крестьянъ судъ по маловажнымъ дѣламъ представлялся въ то время поставленнымъ, сравнительно, даже въ благопріятныя условія. Устройство крестьянскаго особеннаго суда по законамъ 1838 г. во всякомъ случаѣ выше устройства, даннаго этому суду Общимъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г. или временными правилами 12 іюля 1889 г., несмотря на громадное расширеніе этими двумя послѣдними актами подсудности и подвѣдомственности и на существованіе съ 1864 г. болѣе совершеннаго устройства общей судебной части. Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ, къ которому предоставлено было лишь „примѣняться" волостному суду 19 февраля 1861 г., оказалъ существенную услугу и этому суду. Имѣются указанія на то, что въ свое время онъ сдѣлался здѣсь настольною кни-

гою. [1]). Волостной судъ 1861 г. былъ бы еще болѣе безпомощнымъ, если бы у него не было и этого руководства, хотя бы и необязательнаго. Онъ находился бы въ еще большей мѣрѣ внѣ закона въ рукахъ административной власти, чѣмъ это оказалось на самомъ дѣлѣ. Для опредѣленія разницы между дѣятельностью сельскихъ и волостныхъ расправъ, съ одной стороны, и волостного суда, съ другой, съ точки зрѣнія интересовъ личности крестьянина, его существенныхъ правъ, какъ гражданина, достаточно сказать, что крестьянскій судъ 1838 г. приговаривалъ къ незначительнымъ наказаніемъ въ извѣстномъ порядкѣ за опредѣленно самимъ закономъ указанные, въ качествѣ наказуемыхъ, проступки, — волостной же судъ, дополняя картину внѣсудебной, дисциплинарной отвѣтственности освобожденнаго крестьянина,—могъ, по своему произволу, не соблюдая какого-либо порядка производства дѣлъ, какъ судъ патріархальный, полицейскій, приговаривать къ неопредѣленнымъ наказаніямъ за неопредѣленно обозначенные, „маловажные“ проступки.

V.

Обращаясь, далѣе, къ учрежденію административныхъ властей, поставленныхъ надъ государственными крестьянами, по законамъ 1838 г., мы видимъ, что завѣдываніе на мѣстахъ государственными имуществами и дѣлами государственныхъ крестьянъ вручалось окружному управленію, которое состояло изъ окружного начальника съ однимъ или нѣсколькими помощниками, лѣсничаго и окружного врача съ низшими при немъ медицинскими чинами. Власть управленія сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ окружномъ начальникѣ. Но и послѣдній былъ болѣе попечителемъ, нежели начальникомъ. Окружной начальникъ не касался сходовъ. Ему даже прямо

[1]) М. В Духовской: „Имущественныя проступки крестьянъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ“, стр. 22.

воспрещалось присутствовать на послѣднихъ. Къ самому сельскому обществу и сельскимъ властямъ отношеніе его было посредственнымъ. Посредствующимъ установленіемъ служило, именно, волостное правленіе, какъ органъ мѣстнаго управленія, организованный на выборномъ началѣ. Окружной начальникъ не имѣлъ также отношеній и къ отдѣльнымъ крестьянамъ. Никакого права непосредственнаго воздѣйствія на нихъ онъ не получилъ,—никакою дисциплинарною властью не пользовался. Отъ непосредственнаго воздѣйствія его, ради охраненія самостоятельности, ограждались и отдѣльные представители власти, назначавшіеся изъ числа самихъ государственныхъ крестьянъ. Окружному начальнику прямо воспрещалось давать особыя предписанія кому-либо изъ членовъ волостного правленія,—даже писарю. Въ свою очередь, и члены волостного правленія не могли направлять сами отъ себя донесенія или представленія окружному начальнику; единолично они могли представлять окружному начальнику лишь жалобы и донесенія о злоупотребленіяхъ. Окружному начальнику принадлежалъ по части управленія дѣлами государственныхъ крестьянъ, главнымъ образомъ, надзоръ за точнымъ соблюденіемъ крестьянскими властями законовъ и исполненіемъ ихъ обязанностей. Руководствомъ служилъ при этомъ точный законъ. Никакого произвольнаго преслѣдованія не допускалось. Никакихъ произвольныхъ требованій предъявляемо быть не могло. Далѣе, на окружного начальника возлагался рядъ обязанностей попечительнаго свойства. Онъ долженъ былъ заботиться объ учрежденіи среди государственныхъ крестьянъ училищъ, о надѣленіи сельскихъ обществъ надлежащимъ количествомъ земли, объ обезпеченіи народнаго продовольствія, о предоставленіи врачебной помощи, объ огражденіи отъ притѣсненій, неправильныхъ сборовъ, излишнихъ натуральныхъ повинностей. Особенному вниманію окружного начальника поручались опеки. Онъ являлся ходатаемъ по дѣламъ питомцевъ, производившимся въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Окружной на-

чальникъ вообще имѣлъ свѣдѣнія о дѣлахъ государственныхъ крестьянъ, производившихся въ присутственныхъ мѣстахъ, съ обязанностью ходатайствовать о скорѣйшемъ ихъ разрѣшеніи. Онъ же долженъ былъ объяснять крестьянамъ ихъ права и законные способы защиты и огражденія этихъ правъ, писать для нихъ нужныя бумаги, защищать ихъ отъ притѣсненій. Онъ долженъ былъ оказывать свою помощь даже и тѣмъ лицамъ изъ числа государственныхъ крестьянъ, которыя подвергались преслѣдованію за уголовныя преступленія и содержались въ тюрьмахъ. Арестанты изъ числа государственныхъ крестьянъ поручались особому попеченію окружного начальника. Онъ долженъ былъ „сколь можно чаще“ посѣщать тюрьмы, входить въ положеніе заключенныхъ въ нихъ государственныхъ крестьянъ и въ особенности обращать вниманіе на то, снабжены ли эти арестанты одеждою и обувью, получаютъ ли надлежащую пищу, не употребляются ли въ запрещенныя работы, не обременяются ли свыше силъ, а въ случаѣ заболѣваній, пользуются ли надлежащимъ уходомъ и врачебною помощью. Съ тѣмъ вмѣстѣ и для нихъ, въ огражденіе ихъ личности и имущества, окружной начальникъ обязывался закономъ писать надлежащія бумаги.

Совершенно иною представлялась власть мировыхъ посредниковъ, созданная 19 февраля 1861 г. и воспроизведенная 12 іюля 1889 г., въ лицѣ земскихъ начальниковъ, съ значительнымъ притомъ сокращеніемъ самостоятельности крестьянскаго общественнаго управленія и съ расширеніемъ личнаго подчиненія крестьянъ. Земскаго начальника сравниваютъ иногда съ окружнымъ начальникомъ. Но—нѣтъ сравненія менѣе основательнаго, болѣе несостоятельнаго. Для того, чтобы дѣлать такое сравненіе, нужно не имѣть ни малѣйшаго понятія о томъ, что представлялъ собою прежній окружной начальникъ и нынѣ земскій начальникъ, въ какія условія былъ поставленъ одинъ и въ какихъ находится другой. Земскій начальникъ (какъ прежде мировой посредникъ) не

поставленъ въ строгіе предѣлы закона. Это не имѣлось въ виду при самомъ учрежденіи должности земскихъ начальниковъ (какъ и мировыхъ посредниковъ). Онъ можетъ широко проявлять свое усмотрѣніе. Крайняя путаница нынѣшняго крестьянскаго законодательства сама по себѣ этому благопріятствуетъ. Предѣлы закона не ясны для должностныхъ, какъ и для частныхъ лицъ. Частныя сильныя лица и представители власти тѣмъ легче могутъ дѣйствовать произвольно. Далѣе, земскій начальникъ, совмѣщая въ себѣ власть административную съ судебною, имѣетъ, кромѣ того, собственно надъ крестьянами власть дисциплинарную,—можетъ подвергать ихъ наказанію не только въ судебномъ порядкѣ, но и „безъ всякаго формальнаго производства". Вліяніе, предоставленное ему на частныя и общественныя отношенія крестьянъ, громадно, подавляюще, безконтрольно. Земскому начальнику, какъ прежде окружному начальнику, принадлежитъ „попечительство" надъ крестьянами. Это и служитъ для нѣкоторыхъ главнымъ основаніемъ къ тому, чтобы приравнивать одного къ другому. Но одно и то же слово въ томъ и другомъ случаѣ имѣетъ совершенно различный смыслъ. Окружной начальникъ былъ попечителемъ, какъ мѣстный органъ министерства государственныхъ имуществъ. Въ предѣлахъ своего участка онъ осуществлялъ задачи министерства. Министерство же государственныхъ имуществъ несло тогда относительно государственныхъ крестьянъ весьма широкія обязанности, для выполненія которыхъ оно располагало огромными средствами. Попечительство его надъ государственными крестьянами не состояло только въ надзорѣ или нравственномъ воздѣйствіи. Оно оказывало, чрезъ посредство окружного начальника, прямое матеріальное содѣйствіе всѣмъ сторонамъ жизни государственныхъ крестьянъ. Послѣдніе надѣлялись, по мѣрѣ надобности, большими участками земли, переселялись, въ случаѣ недостатка казенныхъ земель въ данной мѣстности, въ другія губерніи, съ значительнымъ числомъ льготъ и пособій; для нихъ

устраивались школы, образцовыя фермы, опытныя поля и пр. Въ заботахъ объ удовлетвореніи этихъ и другихъ нуждъ государственныхъ крестьянъ и состояло попечительство надъ ними, принадлежавшее окружному начальнику, какъ органу министерства государственныхъ имуществъ. Въ чемъ же могло выразиться, и какъ показала практика, выражалось попечительство земскаго начальника надъ крестьянами въ настоящее время? Въ лучшемъ случаѣ, въ голыхъ совѣтахъ, безъ возможности какого-либо матеріальнаго содѣйствія, относительно введенія тѣхъ или иныхъ улучшеній въ хозяйство, принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ благоустройства; въ худшемъ же случаѣ и чаще всего—въ примѣненіи дисциплинарной власти, наказанія безъ суда, къ отдѣльнымъ крестьянамъ и цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ, которые не слѣдовали подобнымъ совѣтамъ, обращавшимся въ предписанія и приказанія, и не вводили предлагаемыхъ улучшеній, не принимали рекомендуемыхъ имъ мѣръ, или же дѣлали это безъ достаточнаго умѣнья и усердія. Другими словами, здѣсь попечительство выражалось въ разрушеніи, уменьшеніи крестьянскаго благосостоянія, а не въ поддержаніи и развитіи его.

Если, далѣе, права и обязанности окружного начальника, въ противоположность земскому начальнику, были точно, ясно и подробно опредѣлены въ законѣ, то пребыванію его въ предѣлахъ закона, закономѣрности дѣйствій, исключенію возможности проявлять произволъ — много содѣйствовало и то, что всѣ дѣйствія окружного начальника могли быть обжалуемы. Право жалобы ни въ какомъ отношеніи не сокращалось и не ограничивалось для государственныхъ крестьянъ. Не то видимъ мы относительно мирового посредника или земскаго начальника. Цѣлый рядъ дѣйствій послѣдняго, могущихъ затрагивать самыя дорогія, наиболѣе существенныя и важныя права, объявленъ не подлежащимъ обжалованію, въ томъ же числѣ не подлежащими обжалованію признаны и постановленія его о примѣненіи дисциплинарной власти

не только къ должностнымъ, но и къ частнымъ лицамъ. При всемъ томъ, жалобы на окружного начальника направлялись въ установленія, которымъ онъ былъ подчиненъ, въ составъ которыхъ онъ, естественно, и не входилъ. Въ уѣздахъ не было организовано установленія вродѣ съѣзда мировыхъ посредниковъ, уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія или уѣзднаго съѣзда, гдѣ лица, на дѣйствія которыхъ жалуются по нѣкоторымъ предметамъ, такъ сказать, судятъ сами себя (земскіе начальники именно принимаютъ участіе, по нѣкоторымъ разъясненіямъ, въ разрѣшеніи жалобъ на собственныя постановленія въ административныхъ присутствіяхъ съѣздовъ). Такимъ же образомъ, въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій, для окружного начальника обязательно наступала законная отвѣтственность и неправильныя дѣйствія его отмѣнялись, уничтожались; наоборотъ, земскій начальникъ, какъ и показываетъ живая дѣйствительность, слишкомъ рѣдко можетъ подвергаться отвѣтственности за свои неправильныя дѣйствія и подчасъ самыя беззаконныя его распоряженія приводятся въ исполненіе, подъ страхомъ отвѣтственности за ослушаніе.

Высшую инстанцію надъ окружнымъ начальникомъ представляла собою палата государственныхъ имуществъ. Она состояла изъ общаго присутствія, управляющаго и отдѣленій,—хозяйственнаго, лѣсного и контрольнаго. Помимо цѣлаго ряда мѣръ охраненія и развитія благосостоянія крестьянъ, существенно отличающихъ палату отъ губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, ей принадлежалъ надзоръ за точнымъ соблюденіемъ всѣми крестьянскими властями ихъ обязанностей, охраненіе силы закона, правъ крестьянъ и ихъ достоянія. Отсюда—ежегодныя ревизіи, вмѣнявшіяся въ обязанность палатъ. Палата охраняла также государственныхъ крестьянъ отъ всякихъ сторонникъ притѣсненій, отъ притѣсненій со стороны сосѣднихъ помѣщиковъ, которымъ государственные крестьяне особенно часто подвергались въ то время, когда все мѣстное управленіе находилось въ рукахъ дво-

рянства. Между прочимъ, при палатѣ состоялъ особый стряпчій. Онъ велъ дѣла о казенныхъ земляхъ, неправильно попадавшихъ въ помѣщичье владѣніе,—и ему же вмѣнялось въ обязанность ходатайствовать по различнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ государственныхъ крестьянъ. Послѣднимъ онъ писалъ жалобы, прошенія; давалъ совѣты и объясненія; наводилъ для нихъ справки въ присутственныхъ мѣстахъ; ходатайствовалъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи ихъ дѣлъ. Организована была, такимъ образомъ, въ лицѣ окружного начальника и стряпчаго, для государственныхъ крестьянъ, юридическая помощь, въ которой еще болѣе нуждаются теперь всѣ крестьяне, ограничиваемые, однако, въ пользованіи и тою юридическою помощью, которая образуется сама собою, въ лицѣ ихъ обыкновенныхъ ходатаевъ и составителей прошеній (вслѣдствіе преслѣдованій, выдерживаемыхъ этими ходатаями).

Что же касается до личнаго состава управленія дѣлами государственныхъ крестьянъ, то онъ образовывался по общимъ правиламъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Составъ этотъ былъ отмѣченъ характеромъ сословности,—но лишь постольку и по тому, что сословный характеръ имѣли и общія правила о службѣ гражданской. Сословное начало къ управленію дѣлами государственныхъ крестьянъ въ особенности не примѣнялось. Не требовалось непремѣнно замѣщенія должностей по этому управленію дворянами, тѣмъ менѣе изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ. Между тѣмъ, составъ мѣстныхъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ былъ организованъ, по положеніямъ 19 февраля 1861 г., всецѣло на началѣ помѣстно-дворянскомъ. Чрезвычайныя права надъ крестьянами давались именно представителямъ того самаго сословія, изъ подъ тяжкой зависимости отъ котораго крестьяне только что вышли. Помѣстно-сословный составъ крестьянскихъ установленій не только сохранялся, но даже усиливался и впослѣдствіи, съ распространеніемъ дѣятельности этихъ учрежденій,

созданныхъ для завѣдыванія дѣлами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, на всѣ прочіе разряды сельскихъ обывателей,— въ то самое время, какъ общія правила о службѣ гражданской утрачивали свой исключительно сословный характеръ.

Начало строгой законности неизмѣнно проникало и въ центральное управленіе,—центральные органы министерства государственныхъ имуществъ. Это министерство являлось однимъ изъ тѣхъ немногихъ министерствъ, дѣятельность которыхъ опредѣлялась наказомъ. Наказъ установленіямъ министерства государственныхъ имуществъ отличался даже особо подробнымъ, стройнымъ и строгимъ изложеніемъ ихъ правъ и обязанностей и порядка дѣйствій. А. П. Заблоцкій-Десятовскій могъ впослѣдствіи сказать съ полнымъ основаніемъ: „Считая существенною принадлежностью правильной администраціи строгое во всѣхъ ея дѣйствіяхъ соблюденіе законности и отстраненіе всякаго произвола, Киселевъ желалъ въ проведенныхъ имъ учрежденіяхъ опредѣлить со всею подробностью права и обязанности мѣстъ и лицъ правительственныхъ и общественныхъ, начиная съ сельскаго писаря и до министра. Все это сдѣлано было въ учрежденіяхъ, которыя начертаны были по одной системѣ, проникнуты были одною мыслью и составляли, такимъ образомъ, одно органическое цѣлое“ [1]).

Таково общественное устройство бывшихъ государственныхъ крестьянъ по законамъ 1838 г., сравнительно съ устройствомъ крестьянъ помѣщичьихъ по положеніямъ 19 февраля 1861 г. Преимущества перваго надъ вторымъ, кажется, очевидны. Реформа 1866 г. пріобрѣтаетъ, при такихъ условіяхъ, особое значеніе. Въ ней (какъ и въ послѣдующихъ, относящихся къ ней, постановленіяхъ) выразилась реакція, постигшая крестьянское дѣло вскорѣ послѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ,—ухудшеніе участи всѣхъ вообще сельскихъ обывателей, вмѣсто не-

[1]) „Графъ П Д Киселевъ и его время“, томъ II, стр 73.

обходимаго завершенія устройства крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ. Законоположеніе 12 іюля 1889 г. составило одно изъ звеньевъ этой цѣпи.

Какое значеніе для различныхъ разрядовъ крестьянъ имѣютъ юбилейные дни, относящіеся къ изданію положеній 19 февраля 1861 г. Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ они напоминаютъ объ освобожденіи отъ рабства,—объ освобожденіи, не давшемъ, однако, всего того, что отъ него ожидалось, по крайнему несовершенству своеобразнаго устройства быта освобожденныхъ, съ которымъ оно соединялось. Для бывшихъ же государственныхъ крестьянъ многочисленныхъ наименованій, составлявшихъ другую половину сельскихъ обывателей, также равнявшуюся приблизительно 23 милліонамъ,—день 19 февраля 1861 г. знаменуетъ собою изданіе положеній, впослѣдствіи отразившихся на ихъ собственной судьбѣ,—законоположеній, замѣнившихъ собою иныя, значительно болѣе совершенныя.

Эти послѣднія, какъ въ настоящей, разсмотрѣнной, ихъ части, такъ и во всѣхъ другихъ, не представляются уже верхомъ совершенства для крестьянъ, не могутъ считаться желательными для полнаго возстановленія. Въ средѣ сельскихъ обывателей явились теперь новыя потребности,—и самая эта среда не представляетъ уже собою прежней однообразной массы. Потребностямъ этой среды должно отвѣтить и новое законодательство, въ которомъ во всякомъ случаѣ должны быть проведены дальше начала гражданской свободы, выразившіяся въ законодательствѣ 1838 г. въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ законодательствѣ 1861 г. Законоположенія 1838 г. могутъ быть нынѣ, поэтому, лишь замѣчательнымъ памятникомъ,—но они не могутъ уже быть заимствованы болѣе или менѣе близко, болѣе или менѣе широко. Отошло время для особеннаго законодательства о крестьянахъ. Сельскіе обыватели не могутъ оставаться не только въ настоящемъ, весьма ярко выраженномъ, но и въ томъ, менѣе полномъ, положеніи замкнутости, исклю-

чительности, которое опредѣлялось, въ свое время, законодательствомъ 1838 г. для государственныхъ крестьянъ. Совершенно опредѣлившеюся можетъ считаться нынѣ потребность въ созданіи для всѣхъ общаго законодательства, въ уравненіи крестьянъ съ лицами прочихъ сословій, въ подчиненіи ихъ однимъ и тѣмъ-же законамъ, однимъ и тѣмъ же судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ. Нельзя, однако, не пожалѣть о томъ, что 19 февраля 1861 г. создано было для освобожденныхъ крестьянъ новое особое законодательство, при существованіи готоваго и болѣе совершеннаго,—что, и затѣмъ, не законодательство 1838 г., а законодательство 1861 г. сдѣлалось общимъ для всѣхъ сельскихъ обывателей,—и что послѣдующее законодательство о крестьянахъ развивалось не въ томъ духѣ, которымъ проникнуто законодательство 1838—1839 г.г., созданное по проектамъ незабвеннаго дѣятеля освобожденія крестьянъ, графа П. Д. Киселева, а въ духѣ сословности, исключительности, всяческихъ ограниченій...

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вмѣсто предисловія III

Основные вопросы крестьянскаго самоуправленія . 1

Можетъ-ли земскій начальникъ присутствовать на крестьянскихъ сходахъ 28

О сходахъ 43

На сходахъ волости особаго устройства 96

У свободныхъ хлѣбопашцевъ 130

Поземельныя права бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ 180

Общественное устройство государственныхъ крестьянъ 224